

С. ДЖЕМИСОН

ЛЕДИ ДЖЕН,
или
ГОЛУБАЯ ЦАПЛЯ

Английская повесть, ставшая классическим произведением для детей. Первое издание после 1917 года.

- [ЛЕДИ ДЖЕН, ИЛИ ГОЛУБАЯ ЦАПЛЯ](#)
 - [История двух приемных](#)
 - [Леди Джен, или Голубая цапля](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

История двух приемышей

Есть что-то общее в судьбе героев повестей «Леди Джен, или Голубая цапля» («Lady Jane», 1889) и «Приемыш черной Туанетты» («Toinette's Philip», 1894). И Джен, и Филипп — приемыши, их происхождение, их семейные связи окружены глубокой тайной.

Правда, читателю «Леди Джен» хорошо известна печальная предыстория, объясняющая, почему девочка оказалась в руках чужой женщины. Но хотя Джен в дни скитаний постоянно помнит и о своей маме, и об отце, и об их общей счастливой жизни в прериях, ничего из этого она никому не может объяснить: очнувшись после тяжелой болезни в чужом доме, Джен уже была одна, и от нее скрыли смерть мамы.

О Филиппе читатель не знает совсем ничего: все, что связано с его рождением, долгое время остается тайной. Известно лишь одно: он приемыш черной Туанетты, но как и почему он попал к ней, ни он сам, никто другой не знают. Внезапная смерть «мамочки», как нежно называл Туанетту Филипп, надолго отнимает у него надежду что-либо узнать о себе.

Брошенные или потерянные дети, дети, не знающие своих родителей, их порой удивительные судьбы — популярнейшая тема мировой литературы.

Если мы заглянем в глубь веков, то вспомним легенду об основании Рима, связанную с историей брошенных на погибель двух близнецов Ромула и Рема, которые, в конце концов, выполняя волю богов, создают основу величайшего из государств. Теме потерянных детей отдала дань драматургия, начиная с Софокла («Царь Эдип») и Еврипида («Ион»); от Еврипида протягивается линия к новоаттической комедии, полной мотивов либо о подброшенных, либо когда-то потерянных, а затем обретенных детях; а от нее, через посредство римской комедии, идет ниточка к пьесам Мольера, с многочисленными веселыми и счастливыми узнаваниями в финалах.

Та же тема была подхвачена античным романом («Дафнис и Хлоя»), а от него перешла в литературу нового времени, все более приобретая в сюжетеке элементы детективности и повышенного драматизма.

В ряду произведений «нового» времени стоит и знаменитый роман английской литературы «История Тома Джонса, найденщца» Г. Филдинга (1749), и более поздние книги — «Парижские тайны» Эжена Сю (1842), «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского (1864).

Стоит заметить, что раскручивая пружину вокруг «тайны» своих героев и обнаруживая разгадку буквально в самом конце повествования, авторы этих известнейших книг меньше всего интересуются первоначальным периодом в жизни ребенка, историей детских лет и испытаний, выпавших на его долю в первые годы жизни. Если об этом и говорится, то, чаще всего, ретроспективно, в виде воспоминаний. В этих эпопеях авторов гораздо больше интересует или увлекательная интрига, или попытка представить широкую картину нравов общества.

Первой книгой, где писателя по-настоящему глубоко заинтересовала именно судьба ребенка, буквально с первых лет его жизни, был роман Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1838). Именно он положил начало серии книг подобного рода.

Здесь можно назвать и «Без семьи» Г. Мало (1879), и «Прекрасную нивернезку» А. Доде (1886), и повести Сесилии Джемисон, и «Рыжика» А. Свирского (1901), и «Сибирочку» (1908), и «Лесовичку» (1912) Л. Чарской. Эти книги составили целый пласт литературы, главная цель которой была представить историю жизни обездоленного ребенка.

Объединяют их подчас сюжетные мотивы и, в первую очередь, наличие обязательной

тайны, важной для всей коллизии, окутывающей происхождение ребенка, его появление в чьем-то доме, в приюте, на улице. С этой тайной так же обязательно связываются какие-то вещи: медальон, монограмма на одежде, письменные свидетельства. Последние, по условиям сюжета, долгое время оказываются спрятанными, а то и украденными, проданными.

В сюжетах названных книг как бы прорисовываются два варианта того рокового поворота в судьбе ребенка, когда он теряет связь с родными.

В основе первого лежит невероятное стечение обстоятельств: например, в «Сибирочке» Л. Чарской отец, спасая малютку-дочь от нападения волков в зимнем ночном лесу, успевает привязать ее в своей шубе к дереву, сам он едва не погибает, и жизнь разлучит их на долгие годы. Ребенок может быть похищен, как случилось с Виктором («Прекрасная нивернезка» А. Доде).

При другом варианте роковыми оказываются уже не стихийные обстоятельства, а злая воля человека, действующего в самых низменных и корыстных целях. Так, чтобы завладеть долей Оливера из завещания отца, плетет страшную интригу его сводный брат, мистер Монкс, и он делает все, чтобы даже следы происхождения Оливера были навсегда похоронены. По той же злой воле своего дяди, Джеймса Миллигана, заинтересованного в получении наследства, теряет мать и становится приемльем Реми («Без семьи» Г. Мало).

Немало общего в этих книгах и в распутывании тайных узлов интриги. Необычайную, удивительную роль играет здесь сходство маленьких героев с их родителями или родными и какая-то таинственная, всплывающая в один прекрасный момент связь между людьми, находящимися в родстве, хотя и не знающими об этом.

Так, мистера Браунлоу поражает лицо приведенного в суд Оливера, оно напоминает ему чье-то другое лицо, дорогое и близкое. И лишь потом выясняется, что мистер Браунлоу был другом отца Оливера.

В свою очередь, Оливер не может оторвать взгляд от портрета незнакомой ему женщины, при виде этого прекрасного лица его охватывает ощущение особого покоя, особого благорасположения. Конечно, ему и в голову не может прийти, что изображена на портрете его мать. При виде гордой и неприступной миледи Дедлок у никогда не видевшей ее бедной сироты Эстер («Холодный дом» Ч. Диккенса) возникают какие-то ей самой неясные смутные воспоминания, перед глазами встает как бы она сама, и какая-то непонятная сила вызывает из прошлого что-то, связанное с лицом и голосом этой холодной красавицы: действительно, миледи Дедлок оказывается матерью Эстер, и расстались они буквально в тот момент, когда девочка появилась на свет.

Потерявшая своего сына при рождении госпожа Миллиган испытывает какое-то особенное чувство к Реми; господину Можондорму, встретившему Виктора, когда тот уже был подростком, почему-то все время чудится, что это его сын...

Есть много общего и в драматических, а порой и трагических приключениях детей в годы их скитаний. Страшна жизнь Оливера и в приюте, и в воровской шайке Феджина; приемный отец Реми продает мальчика бродячему актеру, а потеряв и его, Реми не один раз испытывает ужас одиночества, непосильного труда, голода.

Беспредельная человеческая жестокость, тюрьма, жизнь в притоне — вот что выпадает на долю хрупкой и нежной Певуньи («Парижские тайны» Эжена Сю). Из рук в руки, от одного хозяина к другому, вынуждена попадать Сибирочка. Эти дети знают, что такое унижение, беспомощность перед грубой силой, голод, вынужденное попрошайничество, ругань, побои.

Но есть в этих книгах и то, что делает их непреходящими, вечно интересными для нас. Это история того, как, оставшись наедине с враждебным миром, брошенный на произвол судьбы, ребенок преодолевает выпавшие на его долю несчастья, проходит самую беспощадную, какую

только можно вообразить, проверку на человеческие качества. Герои названных книг выдерживают этот экзамен. Их трудно заставить совершить дурной поступок; сами обездоленные, они готовы отдать последнее другому; они бескорыстны, в высшей степени им свойственно чувство благодарности. В конечном счете, именно их душевная красота, их обаяние помогают выстоять, не погибнуть под прессом тяжелых испытаний.

Кончая роман «Приключения Оливера Твиста», Ч. Диккенс обозначает, может быть, самую драгоценную суть своей книги: она не только о приключениях Оливера, но — и это, вероятно, гораздо важнее — еще и о том, «как двое сирот (второй персонаж — молодая тетушка Оливера. — *Е. П.*), испытав превратности судьбы, сохранили в памяти ее уроки, не забывая о милосердии к людям, о взаимной любви и о пылкой благодарности к тому, кто защитил и сохранил их».

Эта прекрасная мысль будет сопровождать нас и когда мы будем читать обе повести американской писательницы Сесилии Джемисон.

В них, кстати, тайна вокруг происхождения ребенка получает еще одну разгадку. Изначальной причиной, роковым образом влияющей на дальнейшую жизнь ребенка, становится здесь неравный брак родителей: в одном случае матери леди Джен, в другом — отца Филиппа. Испытывает на себе последствия неравного брака отца, женившегося вопреки воле семьи на гувернантке, и маленькая Деа, подруга Филиппа.

Сесилия Джемисон не задерживается на истории этой тайны: читатели узнают ее разгадку чуть ли не в конце повествования, когда в судьбе героев наступает уже счастливый перелом. Главное содержание книг сосредоточено на жизни детей в самую трудную для них пору.

Сюжеты этих двух повестей не повторяются: свои приключения у Джен, свои — у Филиппа. Но, сталкиваясь с большим и разнообразным миром, и Джен, и Филипп, и Деа должны самостоятельно в нем утвердиться. У них нет того, на что другие дети опираются — авторитета или защиты родителей: они должны во всем рассчитывать только на самих себя. Они сами должны суметь завоевать расположение, симпатии, доверие окружающих людей, сами должны справляться с теми тяготами, которые выпадают на их долю.

Читатель потому и следит с таким волнением за разворачивающимся на книжных страницах поединком: силы, казалось бы, уж слишком неравны — на одной стороне власть кулака, жестокость, положение хозяина, на другой — лишь одно оружие: доброта, чистое сердце, благородство, приветливость. Именно эти качества и привлекают к маленькой Джен столько людей, вызывают глубокую привязанность к ней, сочувствие, восхищение. Может быть, потому с Филиппом и дружат и птицы, и цветы, что сам он бесконечно добр и справедлив во всем. Когда кто-то спрашивает у Филиппа, брат ли он Дее, он отвечает:

«О, нет, сударь, мы не родственники. Она только мой друг. Она маленькая, и я забочусь о ней и стараюсь помочь, чем могу». У Филиппа есть свой жизненный кодекс: помочь слабому, взять на руки ребенка или поднести тяжелую корзину женщине; накормить голодную кошку, заступиться за обиженного малыша и вообще сделать то, что подсказывает мальчику сердце.

Есть у этих обездоленных детей — у Джен, у Филиппа, у Деи — те редкие качества, которые, быть может, именно сегодня должны в нас особенно отозваться.

Этим детям в высшей степени присуще чувство долга. Как бы ни хотелось Дее пойти к Филиппу поиграть, поразвлечься — ее зовет взятая на себя обязанность: следить, ухаживать за больным отцом. Сама еще малое дитя, она вынуждена вести скудное хозяйство, считать каждую копейку. Она полностью выполняет миссию взрослого, проявляя в отношении к страдающему отцу неслыханное терпение, нежность, стремясь утешить и успокоить его.

Этим детям свойственно чувство сострадания, милосердия, доброжелательства, они умеют

искренне и горячо радоваться, но не раз мы видим их горько плачущими. И горе, и радость выражают они открыто, не стесняясь.

Душевное богатство, присущее и Джен, и Филиппу, и Дее, придают этим детям особое обаяние, вызывают к ним самую горячую симпатию.

Есть у повестей С. Джемисон еще одна примечательная сторона: в пору своих скитаний маленькая Джен убеждается, что мир состоит далеко не только из таких жестоких и алчных людей, как ее названная «тетенька» мадам Жозен и ее сын Эдраст. Жизнь сводит ее с людьми, о существовании которых она, быть может, никогда бы и не узнала, находишься она в прежних своих условиях. Оказывается, у скромных, как бы и незаметных вовсе людей есть своя судьба, свои радости и горести, свое достоинство. На пути Джен встречаются люди, к которым, узнав их поближе, она привязывается всей душой. Это и убогонькая больная девочка Пепси, и продавщица сладостей, ее мать, и смешной владелец мелочной лавочки, бывший профессор танцев, мистер Жерар, и обедневшие аристократы д'Отрев, и дружная семья простых фермеров Пешу.

Совсем другие открытия выпадают на долю Филиппа. Оказывается, те самые свойства, которые так радовали всех, знавших мальчика, — правдивость, естественность, прямота, — выглядят дурными и компрометирующими в богатой семье, куда он попал, став еще раз приемльшем. Каждое слово Филиппа, которое выглядело так естественно, когда он был с Туанеттой, с Деей, с продавщицей Селиной, приобретает совсем другое звучание в доме аристократов. Рассказ Филиппа, взятого на великосветский бал, о том, как он продавал цветы, выращенные «мамочкой» Туанеттой, и как радовался каждой вырученной монете, вызывает неожиданную для него реакцию: этим рассказом он не только «опозорил» приютившую его семью, но и шокировал присутствующих на балу. Так Филипп проходит свою жизненную школу.

Характерно звучат в книгах Джемисон знакомые по другим повестям мотивы. Филипп становится приемным сыном семьи богатого художника, потому что напоминает и художнику, и его жене их умершего сына, и лишь потом выясняется, что Филипп, действительно, племянник художника, сын его умершего брата. В доме, где теперь живет Филипп, висит портрет, возле которого мальчик стоит не однажды. Однако невлюбившая Филиппа старая леди, хозяйка дома, словно нарочно не слышит своего сердца, словно нарочно не чувствует, что изображенный на портрете ее сын и стоящий рядом мальчик кровно связаны между собой и, значит, Филипп ее внук.

Суровые испытания, которые выпадают на долю Джен и Филиппа, не проходят даром. Обретя в конце концов своих близких: Джен — дедушку, а Филипп — бабушку, они не забывают прежних уроков жизни. Особенно мы видим это на примере Джен. Новое положение богатейшей наследницы несколько не изменило ее; напротив, став богатой, она щедро помогает всем тем, кто в этом нуждается, ибо она теперь хорошо знает, что такое нужда.

Идут годы, но ее благодарное сердце не забывает тех, кто утешал и любил ее, когда она была никому неведомым маленьким приемльшем. И для ее друзей она тоже навсегда остается неизменно доброй и милой леди Джен.

Кто же изменился из тех, кого мы встретили на страницах этих книг? Два человека — дедушка Джен и бабушка Филиппа. Можем ли мы поверить, что чопорные, тщеславные и не в меру гордые люди могли сломать свою гордыню и обрести совсем другие душевные качества? Да, можем.

Вспомним мистера Домби из романа Ч. Диккенса «Домби и сын», этого черствого и холодного человека, никогда не замечавшего Флоренс, с ее готовностью любить его всем сердцем: верность и преданность дочери заставили, наконец, дрогнуть это каменное сердце и

зажечь в нем бесконечную любовь. Таких примеров можно привести еще множество. Ведь отталкивая из-за тщеславия или из-за гордыни не угодивших им своих близких, люди эти обкрадывали и себя, хотя и не признавались в этом. Но их сердца оказались способными к раскаянию, к признанию своей неправоты, оказались готовы троекратно возместить утраченное, и живительное чувство самоотверженной любви снова заполнило их существование.

Книги о Джен и Филиппе, как и те, о которых мы говорили прежде, горячо убеждают нас: всякое сердце, если оно не изъедено пороками жадности, злобы, жестокости, всякий человек, если что-то теплится в его душе, способен к покаянию, к обновлению, к возвращению в нем живой способности любить и творить добро.

Две книги американской писательницы Сесилии Джемисон (1848–1909) в начале века были переведены на русский язык и входили в состав «Золотой библиотеки» М. О. Вольфа. Их знали тысячи юных читателей, пока они не были сняты с полок библиотек и книжных магазинов: кому-то показалось, что новому пролетарскому читателю эти книги уже не нужны. То, что это было, мягко говоря, ошибкой, вы убедитесь сами. Книги повторяют судьбу своих героев: пройдя через годы испытаний и забвения, они вновь входят в период «узнавания». Ну, а в том, что они не потеряли ни своей способности убеждать, ни вызывать сопереживание и душевное волнение, вы убедитесь сами.

Е. Путилова

Глава 1

Голубая цапля

В вагоне скорого поезда, пересекавшего живописнейшую местность Соединенных Штатов — Техас, сидели две пассажирки: молодая женщина в трауре и девочка лет пяти, очевидно, ее дочь. Малютка была в белом платьице с широким черным поясом и в широкополой соломенной шляпке. Длинные черные чулки плотно облегли ее стройные ножки, обутые в лакированные туфли с бантиками. Кожа лица девочки была необыкновенно нежна; темно-синие глаза оттеняли длинные черные ресницы, а густые волосы, золотистые, как спелая рожь, падали волнами на плечи.

У матери был утомленный и нездоровый вид; заплаканные глаза припухли, щеки горели, лицо осунулось, запекшиеся губы полуоткрыты.

Девочка, стоявшая у открытого окна, время от времени, обращаясь к матери, шепотом спрашивала:

— У тебя все еще болит головка, мама?

— Немного, — отвечала мать, ласково проводя рукой по волосам ребенка.

И девочка вновь поворачивалась к открытому окну, а мать опускала голову, закрывая лицо руками.

Поезд остановился у небольшой станции. В вагон быстро вошел пассажир и направился к свободному месту напротив матери и дочери. Это был молодой человек лет шестнадцати. Веселые карие глаза его блестели из-под темных бровей. У него был вид человека, привыкшего путешествовать самостоятельно. В одной руке он держал дорожный мешок, а в другой — узкую, высокую корзину, обвязанную обрывком шерстяной ткани. Поставив корзину рядом с собой, он слегка постучал по крышке пальцем и, пригнувшись к ней, чирикнул по-птичьи.

— Пип, пип! — послышалось из корзины.

Юноша рассмеялся.

Как только новый пассажир появился в вагоне, девочка в широкополой шляпке отвернулась от окна, и ее выразительные синие глаза уставились на вошедшего.

— Мама, там, в корзине, какой-то зверек: мне так хочется его посмотреть!.. — произнесла

она вполголоса.

— Я не могу беспокоить просьбами незнакомого человека. Он может рассердиться!

— О, нет, нет, мамочка! Он мне улыбнулся, когда я на него взглянула! Можно мне его спросить? Позволь!

Мать искоса посмотрела на юношу. Глаза их встретились, он добродушно улыбнулся и выразительно указал на корзину.

— Мне кажется, девочке хочется увидеть, что у меня тут? — сказал он, принимаясь распутывать веревку, которой была обмотана корзина.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, — кротко заметила мать, — дочь меня уверяет, что в корзине сидит какой-то зверек.

— Она не ошиблась, — отвечал новый пассажир, — У меня там действительно зверек, но такой живой, что я боюсь открыть крышку!..

Малютка вопросительно посмотрела из-под широких полей шляпы на своего спутника.

— Не думаю, чтобы когда-либо вы видели что-нибудь похожее на моего зверька, — с улыбкой продолжал молодой человек. — Это ручная птица — и пресмешная! Надо постараться, чтобы она не вылетела: окна в вагоне открыты, — того и гляди, — шалунья улизнет. Мы вот что сделаем: я приподниму крышку корзины и придержу ее, а вы загляните туда.

Девочка припала к приоткрытой корзине, и радостная улыбка осветила ее лицо.

— Ах, какая прелесть! Что это за птичка? — спросила она, увидев на дне корзины сидевшую на подогнутых ногах престранную птицу с длинным клювом и круглыми глазами. — Я никогда таких не видывала! Как ее зовут?

— Это — голубая цапля, очень редкая порода в здешних местах.

— Да она не голубая, а только голубоватая, и какая хорошенькая! Можно мне погладить ее?

— Можно. Просуньте ручку в корзинку. Птица вас не тронет.

— Да я и не боюсь, — отвечала девочка, просунув руку и поглаживая мягкие перья птицы.

— Если бы окна в вагоне были закрыты, я ее вытащил бы и заставил ходить. Она преуморительно ходит! И какая, знаете ли, умная: мне стоит только ее позвать — она тотчас же подойдет.

— А какое вы ей дали имя?

— Я прозвал ее «Тони», потому что когда она была совсем маленькая, то кричала: «Тонь-тонь, тонь-тонь!»

— Тони? Будто это маленькая девочка! — Малютка улыбнулась, и на щеках ее появились ямочки.

— А скажите-ка, как вас зовут? Извините, но очень хочется знать ваше имя, — спросил молодой человек.

— Меня зовут леди Джен...

— Леди Джен, — повторил пассажир. — Как странно!

— Папа звал меня леди Джен, и теперь все так зовут.

Мать грустно поглядела на девочку, и на глазах ее сверкнули слезы.

— Может быть, и вам хочется посмотреть на мою маленькую цаплю? — спросил молодой человек. — Белая цапля — птица обыкновенная, но голубая в наших краях редкость.

— Благодарю. Действительно, это редкость. Вы сами ее поймали?

— Да, и совершенно неожиданно. Я охотился неподалеку от станции, где сел в ваш вагон. Было уже довольно темно. Выхожу из болота, очень тороплюсь, как вдруг слышу у самых ног, справа, кто-то кричит: «Тонь-тонь, тонь!» Нагибаюсь, глядь — цапля! Крошечная такая, еще летать не умеет; подняла голову и смотрит на меня. Мне стало жаль ее. Я взял ее домой, приручил, и теперь она узнает меня по голосу.

Молодой человек рассказывал и придерживал корзину, пока девочка осторожно касалась перьев цапли своими крошечными пухлыми ручонками.

— Цапля понравилась Джен, — заметил молодой пассажир, обращаясь к матери.

— Да, она очень любит зверей и птиц. У нее много любимцев, но мы их оставили дома, вот она и тоскует о них.

— Позвольте подарить вашей дочери мою Тони.

— О, нет, благодарю вас! Зачем вам лишать себя...

— О каком лишении вы говорите?.. Когда я приеду в город, мне придется отдать кому-нибудь цаплю. В школу ее со мной не пустят, а дома некому за ней смотреть. Прошу вас, разрешите отдать птицу леди Джен, — настаивал юноша, улыбаясь и видя волнение ребенка.

— О, мама! Милая, хорошая мама! Позволь подарить мне птичку! — умоляла леди Джен, сложив ручки у подбородка.

Мать немного поколебалась, но вскоре уступила просьбе дочери.

Новый знакомый усадил малютку у окна, опустил шторы, чтобы цапля не улетела, поставил корзину на пол, достал птицу и опустил ее на колени леди Джен.

— Посмотрите, — сказал он девочке. — Я обшил ногу цапли кусочком кожи в виде браслета, через который легко продевается бечевка. Уходя из дома, вы можете привязать птицу к ножке кресла или стола, и она без вас никуда не исчезнет.

— Я ни за что не оставлю ее одну, — заметила малютка, — всюду она будет со мной.

— Ну, а если случится, что цапля потеряется, — продолжал пассажир, — я вас научу, как ее опознать. — И он, раздвинув перья на крыльшке птицы, продолжал — Видите, она у меня меченая: по три черных креста на каждом крыле. Когда крылья сложены, крестов не видно. Цапля будет расти — и кресты будут увеличиваться. Если понадобится, вы найдете цаплю по этим крестиками.

— Значит, я могу взять ее с собою?

— Конечно, корзина легкая, вы сами сможете ее нести.

— Знаете, что я вам скажу? — шепнула девочка, оглядываясь на мать, которая откинулась на спинку кресла и, по-видимому, задремала. — Мне очень, очень хочется повидать мою собачку Карло, и киску, и барашков, но я боюсь напоминать о них маме. Она все время плачет.

— Какая вы хорошая девочка, что так заботитесь о своей маме, — заметил молодой пассажир, довольный откровенностью малютки. Из деликатности он ни о чем не стал расспрашивать.

— У мамы ведь никого нет на свете, кроме меня, — продолжала леди Джен шепотом. — Папа от нас ушел, и мама говорит, что он не вернется. Он, знаете ли, умер. Вот почему мы и должны были оставить свой дом. Теперь мы переезжаем на житье в Нью-Йорк.

— А вы раньше бывали в Нью-Йорке? — спросил юноша, ласково глядя на белокурую головку, приникшую к его плечу.

— Никогда! Я из дому никуда не выезжала. Мы жили в прериях. Там остались и Карло, и киска, и барашки, и мой пони — Подсолнечник. Его так прозвали потому, что он золотистого цвета.

— А я живу в Новом Орлеане. У меня там тоже есть свои любимцы, — сказал юноша и принялся их перечислять.

Леди Джен забыла о горе и внимательно слушала своего собеседника. Вскоре она еще ниже опустила головку и заснула. Ее румяная щечка плотнее прижалась к плечу юного соседа, а ручонками она и во сне прижимала к себе голубую цаплю, точно боялась, что ее отнимут.

К вечеру пассажиры заметно оживились: начали приводить в порядок свое платье, собирать вещи, увязывать багаж.

Леди Джен сидела с закрытыми глазами, пока ее сосед не высвободил цаплю из маленьких рук и не уложил птицу снова в корзину. Но тут к малютке подошла мать и нагнулась к ней, чтобы убедиться, проснулась девочка или нет.

— Ах, мамочка! — весело воскликнула она, очнувшись. — Ведь я заснула и какой хороший сон видела! Я была дома, в прериях, и голубая цапля гуляла со мной. Как жаль, что это только сон!

— Поблагодари же хорошенько молодого человека за то, что он к тебе так внимателен. Мы подъезжаем к Новому Орлеану, птица твоя снова в корзине. Встань, дай я приглажу твои волосы. И надень шляпу.

Молодой человек подал леди Джен корзину с цаплей, и малютка радостно схватила подарок обеими руками.

— Ах, какой вы добрый! — весело воскликнула она, — Никогда вас не забуду! А с Тони я ни за что не расстанусь!

Новый знакомый невольно засмеялся, видя восторг ребенка.

— Нам нужно попасть на Джексонову улицу, а это, кажется, за городом? — спросила мать девочки. — Может быть, нам следует раньше выйти? Нет ли остановки поближе к этой улице?

— Конечно, есть; вы можете выйти на станции Гретна: через пять минут мы туда приедем. Переправитесь через реку на пароме, а от пристани начинается Джексоновая улица. Там всегда есть экипажи, и таким образом вы выиграте целый час.

— Как хорошо! Мои знакомые нас не ждут, и мне хотелось бы добраться до них засветло. А от станции до парома далеко?

— Несколько сажений; найти паром легко.

Молодой человек хотел предложить: «Позвольте, я вас провожу», — как кондуктор широко распахнул дверь вагона и громко объявил:

— Гретна — Гретна! Кому нужно в Гретну?

Не успел новый знакомый ничего сказать, как кондуктор подхватил чемодан дамы в трауре и, пропустив ее и девочку вперед, последовал за ними. У платформы поезд остановился. Дама в трауре с маленькой дочерью скрылись, и новый знакомый лишь через несколько минут заметил, что они торопливо идут по пыльной дороге, освещенной заходящим солнцем, и издали кланяются ему. Он снял шляпу, помахал на прощанье рукою. Тогда мать девочки, откинув вуаль, несколько раз кивнула ему, а девочка, приложив пальцы к губам, послала воздушный поцелуй.

Паровоз свистнул, поезд тронулся с места, и молодой человек видел, как мать и дочь стали спускаться к реке.

— Какой я недогадливый! Какой глупый! — упрекал он себя, возвращаясь в вагон. — Почему я не спросил их фамилии или адрес, куда они направляются? Почему не предложил их проводить? Как можно было отпустить больную женщину с ребенком в незнакомый город? Мать девочки так слаба, едва передвигает ноги, а тут ей приходится нести чемодан. Если бы я проводил их, то, по крайней мере, узнал бы, кто они такие! Но совестно было приставать к ним с расспросами!.. И все-таки отчего я с ними не пошел? Ах, да они здесь что-то забыли!

И он бросился к дивану, где до этого сидела мать девочки. Под подушкой лежала книга в красном кожаном переплете с серебряными застежками и монограммой J. и C. Молодой человек раскрыл книгу. На заглавном листе мужской рукой было написано по-английски: «Jane Chetwind».

— «Jane Chetwind»! Так, вероятно, зовут мать. Едва ли книга принадлежит девочке. Ей всего лет пять, не больше. Ага! Вот и фотография.

На карточке были изображены мужчина, мать девочки и она сама. Мужчина — видимо,

отец — с открытым, мужественным, красивым лицом, мать совсем не такая, какой он ее видел в поезде, а свежая, улыбающаяся, веселая; девочка, леди Джен, лет трех, припала головой к плечу отца. Узнать ее было нетрудно: те же кудрявые волосы, та же улыбка и те же глаза!

Сердце молодого человека дрогнуло от радости при виде теперь уже знакомого очаровательного детского личика.

«Как бы я был рад оставить карточку у себя! — подумал он. — Да нельзя, она чужая, ее надо вернуть. Бедная женщина, как она будет горевать о потере и книги, и фотографии! Напечатаю завтра же в газетах объявление о находке. Таким образом мне, может быть, удастся отыскать их адрес!»

На следующее утро читатели одной из газет Нового Орлеана увидели в разделе «Потеряно и найдено» объявление:

«НАЙДЕНА

книга в красном кожаном переплете с серебряными застёжками и монограммой J.

C.

Адрес. *Голубая Цапля П. О. № 1121*».

Объявление это печаталось несколько раз в течение недели на одном и том же столбце газеты, но никто не отозвался и не явился за книгой с вложенной в нее семейной фотографией.

Глава 2

Госпожа Жозен

Госпожа Жозен отличалась угловатыми манерами и довольно плотной фигурой. У нее были большие бархатистые черные глаза, нос крючком, а губы были до того тонки, что казались двумя красными полосками. Однако, несмотря на отталкивающий вид нижней половины лица, верхняя часть его иногда была привлекательной. Этому во многом способствовали кроткие большие глаза, которые Жозен имела обыкновение подымать кверху, словно о чем-то умоляла собеседников.

У Жозен были две слабости: безграничная слепая любовь к негодяю-сыну Эдрасту и огромное желание казаться светской дамой. Она из сил выбивалась, стремясь составить репутацию всеми уважаемой женщины. В прошлом ее жизнь была необычайно тяжелой: она многое испытала, особенно во время замужества.

Муж ее отличался бешеным характером. Однажды в запальчивости муж столкнул ее с лестницы — и она, сломав ногу, сделалась калекой. Затем на нее обрушилась новая беда: муж ее, уличенный в тяжких преступлениях, был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Муж вскоре умер, и она осталась без средств с маленьким сыном на руках. Мадам Жозен стала «прачкой тонкого белья» и поселилась в предместье Нового Орлеана — Гретне.

Она и сын жили в одноэтажном домике, где было две комнаты и каморка, служившая кухней. Вход был прямо с улицы, стоило подняться на две ступеньки и войти в окрашенную зеленой краской дверь.

В описываемый вечер госпожа Жозен сидела на крыльце и беседовала с соседками. Ее дом одним углом выходил на улицу, которая вела к спуску на паром. Жозен доставляло большое удовольствие сидеть на ступеньках у входа в дом и наблюдать за прохожими.

В этот июльский вечер было душно. Мадам Жозен чувствовала непонятную усталость и находилась в прескверном расположении духа.

Соседки скоро разошлись. Она осталась совершенно одна и принялась зевать.

— Мало кто сегодня приехал, — сказала Жозен, взглядываясь в небольшую группу пассажиров, которые с мешками и узлами спешили к парому.

Через несколько минут прохожих не стало. Начало темнеть.

«Кто же это? — раздумывала Жозен, всматриваясь в приближающиеся к ее дому две фигуры: женщина в трауре с маленькой девочкой. — Это тоже приезжие; но почему же они не торопятся? Паром уйдет без них... Наверняка они опоздают!»

Вблизи показались знакомые нам мать и белокурая девочка, которые только что сошли с поезда. Девочка в одной руке тащила корзину, а другой держалась за платье матери. Видно было, что они растерялись, оказавшись в незнакомом месте.

— Остановимся, мама! Отдохни! — проговорила девочка умоляюще.

Дама с трауре подняла вуаль и заметила мадам Жозен, вперившую в нее свои выразительные глаза.

— Позвольте мне отдохнуть здесь немного, я совсем больна и чувствую, как мне дурно... — проговорила слабым голосом молодая женщина. — Нельзя ли у вас попросить стакан воды?

— Сейчас, сейчас! — засуетилась Жозен, забыв о своей хромоте. — Зайдите, прошу вас, в комнату, сядьте в кресло. На паром вы все равно уже опоздали.

Измученная женщина охотно вошла в комнату. Там было тихо и прохладно. Широкая кровать с безукоризненно чистой постелью так и манила к себе.

Молодая женщина упала в кресло, опустила голову на подушки, выпустив из рук дорожный мешок. Девочка поставила корзину с птицей на стул и ласково обняла мать, с испугом осматривая незнакомую комнату. Жозен, ковыляя, вернулась с водой и флаконом нашатырного спирта, которым она обычно чистила кружева. Она проворно сняла с больной шляпу и тяжелую вуаль, освежила мокрым полотенцем лоб и руки больной, поднесла к ее носу нашатырный спирт. Малютка, ухватившись за платье матери, спрашивала вполголоса:

— Мама, милая мама! Лучше твоей головке?

— Лучше, лучше, крошка! — ответила мать минуты через две и, обернувшись к Жозен, кротко и ласково произнесла — Как я вам благодарна! Я теперь совсем освежилась!

— А вы издалека приехали? — спросила Жозен, стараясь придать своему голосу как можно больше мягкости.

— Из Сент-Антонио. Но я выехала оттуда уже больной.

Молодая женщина вновь закрыла глаза и прислонилась к спинке кресла.

Жозен сразу поняла, что сможет пожить за счет этих людей, и продолжала:

— Да, да, путь не близкий, особенно для человека больного. Не ждет ли вас кто-нибудь по ту сторону парома? — начала она допытываться. — Быть может, станут искать, где вы пропали? Почему вас нет?

— Нет, нет, нас никто не ждет. Я еду в Нью-Йорк. А здесь у нас знакомые на Джексоновой улице. Я думала у них остановиться и отдохнуть дня два. Напрасно я вышла на этой станции; нужно было ехать дальше, до нижнего перевоза... Ноги положительно отказываются мне служить!

— Не волнуйтесь, — успокаивала ее Жозен, — Вы теперь положите, а когда паром вернется, я вас разбужу и сама провожу до перевоза: тут всего несколько шагов; так и быть — проковыляю, усажу вас в лодку, а на той стороне вы найдете экипаж.

— Благодарю, какая вы добрая! — проговорила больная, опуская веки и опять запрокидывая голову.

Жозен посмотрела на нее как-то особенно серьезно, затем, переменив выражение лица, с нежной улыбкой обратилась к девочке:

— Подойдите, сюда, душенька, я сниму с вас шляпу и освежу немного голову. И вам, наверно, жарко?

— Не надо, благодарю вас, я останусь подле мамы, — отвечала малютка.

— Пожалуй, пожалуй! Только скажите, милая, как ваше имя?

— Меня зовут леди Джен, — пресерьезно ответила малютка.

— Леди Джен! Самое подходящее имя! Присядьте, по крайней мере! Ведь вы устали?

— Я голодна, мне хочется есть! — откровенно заявила девочка.

Жозен сделала гримасу, вспомнив, что у нее в буфете пусто. Чтобы развлечь ребенка, она продолжала болтать, не умолкая. Раздался свисток приближающейся паровой лодки. Больная торопливо стала надевать шляпу, а девочка схватила одной рукой дорожный мешок, в другую взяла корзину и весело закричала:

— Скорей, скорей, мама, пойдем!

— Но что с вами? — воскликнула Жозен. — Как вы бледны! Как осунулись! Нет, вам не дойти даже с моей помощью. Как жаль, что Раста дома нет! Он у меня такой сильный, на руках бы отнес вас в лодку...

— А может, я дойду и сама, попробую, — пробормотала больная, поднялась, закачалась и, как сноп, упала на руки Жозен.

В первую минуту хозяйка дома растерялась, затем уложила молодую женщину в постель, расстегнула платье и осторожно начала снимать с нее одежду. Несмотря на хромоту, Жозен была очень сильна. Не прошло и четверти часа, как больная уже лежала на чистой простыне, покрытая легким одеялом. Малютка Джен, припав к холодным рукам матери, горько плакала.

— Не плачьте, моя крошка, не плачьте! — уговаривала Жозен. — Помогите мне обтереть маме спиртом лоб. Ей сразу станет легче. Ей теперь необходимо спокойно полежать, — она скоро уснет.

Девочка отерла слезы, сняла шляпу и серьезно, как взрослая, отперла дорожный мешок.

— Вот нюхательные соли и одеколон, — сказала она, доставая их из мешка, — намочите носовой платок. Мама это любит.

Жозен, зорко следя за каждым движением ребенка, заметила, что в мешке лежат серебряные вещи и туго набитый бумажник. Воспользовавшись тем, что девочка прикладывала надушенный платок к губам матери и не смотрела по сторонам, плутоватая женщина вытащила из мешка бумажник и несколько серебряных туалетных принадлежностей, сунула их на полку, заперла шкаф, а ключ спрятала за пазуху.

«Надо скрыть от Раста эти вещи! — думала она. — Он такой ветреный, нерассудительный; пожалуй, завладеет чужим добром, а потом разделяйся...»

Долго хлопотала Жозен возле больной женщины, стараясь привести ее в чувство. Малютка Джен усердно помогала ей, двигалась и ходила как можно осторожнее.

Наконец, мать девочки вздрогнула, застонала и приоткрыла глаза. По тусклым глазам больной было видно, что сознание к ней не вернулось.

— Мама, милая, милая моя мама, лучше тебе? — взволнованно спрашивала малютка, обнимая мать и целуя ее.

— Вы видите, душенька, мамаша открыла глаза, значит, ей легче, только она почивать хочет, — ласково уговаривала девочку Жозен. — Вы лучше ее не беспокойте, это ей вредно. Сидите смирно и дайте ей выспаться, а сами пока покушайте. Вот я вам принесла парного молока и вареный рис, поужинайте. Потом я вас уложу рядом с мамой. А когда вы утром проснетесь, будете обе отлично себя чувствовать.

Леди Джен беспрекословно подчинилась хозяйке, но ни за что не соглашалась отойти от матери, которая вновь потеряла сознание и лежала не шевелясь.

— Можно мне ужинать сидя на кровати, поближе к маме? — спросила девочка. — Мне очень хочется есть.

— Конечно, милочка, садитесь, как вам удобнее, а я придвину к кровати маленький столик и поставлю на него еду.

Жозен проворно устроила все так, как хотела малютка, и с приветливой улыбкой смотрела, как та с аппетитом принялась есть молоко и рис. Затем, убрав тарелки и отодвинув столик, Жозен умыла девочку, надела на нее ночной капотик, расчесала и заплела на ночь ее густые длинные волосы и уже хотела уложить ее рядом с матерью, когда леди Джен воскликнула:

— Ах! Я совсем забыла о Тони!

— Что там такое? — с удивлением спросила креолка, встревоженная шорохом, который донесся из корзины. — Кто это шевелится?

— Птичка, голубая цапля, — отвечала девочка с улыбкой, — мне ее в вагоне подарил такой хороший джентльмен...

— Что же, он — ваш знакомый?

— Нет, мы с ним в первый раз встретились, — леди Джен тихо засмеялась. — Сказать правду, я фамилии его даже не знаю. Неловко было спросить, ведь это невежливо.

— Конечно, конечно! — заметила Жозен. — Но что же вы будете делать с длинноногой цаплей?

— Да ведь это голубая цапля! Это, говорят, редкость! — ответила девочка, развязывая корзину и доставая птицу.

Ребенком, стоявшим босиком в длинной ночной одежде, с голубой цаплей на руках, можно было залюбоваться.

— Я боюсь ее оставить на ночь без присмотра. Она, пожалуй, убежит, — говорила леди Джен. — А ей, наверно, пить и есть хочется. Что мне делать?

— А мы вот что сделаем! — придумала Жозен, стараясь любым способом угодить ребенку. — У меня в кухне висит клетка попугая, я принесу ее.

— Очень вам благодарна, — вежливо, но довольно сухо проговорила девочка. — Когда мама проснется, она вас тоже поблагодарит.

Жозен все это быстро устроила: принесла клетку, поставила в нее блюдце с рисом и кружку с водой. Леди Джен посадила в клетку птицу, заперла дверцу и, не смея поцеловать мать, чтобы не разбудить ее, осторожно улеглась на краю постели. Утомленная перенесенными впечатлениями, малютка через минуту уже спала.

Мадам Жозен более получаса сидела в кресле-качалке, раздумывая, что ожидает больную гостью, если болезнь затянется. «Если я оставлю ее у себя и буду за нею ухаживать, — рассуждала она, — то мой труд хорошо оплатят. По-моему, гораздо спокойнее исполнять должность сиделки, чем чистить кружева для капризных барынь. Если же бедняжка опасно занемогла, то лучше ее не отправлять в больницу, особенно, если в городе у нее нет ни родных, ни знакомых. Мне кажется, что у больной начинается горячка и что она еще долго не придет в себя. Если она умрет и я не буду знать, кто она, то смогу покрыть расходы деньгами несчастной. Вон их сколько в бумажнике! Надо только действовать осторожно. Нельзя обойтись без доктора — это опасно. Я вот что сделаю: если завтра ей не станет лучше, пошлю за доктором Дебро».

Рассуждая так, Жозен снова вышла на крыльцо в ожидании сына. Нехорошие мысли шевелились в голове женщины, злое замышляла она: обобрать приезжих, чтобы улучшить свое положение. Бумажник, набитый деньгами, серебряные вещи в дорожном мешке пробудили в Жозен алчность. Для нее в жизни была главной целью — деньги. Труд она ненавидела; еще ненавистнее было унижаться перед теми, кого она считала ниже себя. Какое счастье было бы сделаться независимой, ни в чем не нуждаться, располагать большой суммой денег! Сын Раст — молодец: ему стоит только дать немного денег для начала, и он тотчас придумает выгодное дело!

В это время из комнаты послышался болезненный стон. Больная беспокойно металась на кровати, затем все стихло. Жозен встревожилась, услышав эти звуки: показалось, что кто-то подслушивает ее мысли. Но через минуту она успокоилась и по-прежнему стала рассуждать про себя: «Да нужно ли Раста посвящать в мои планы? Следует ли рассказать ему, что в шкафу спрятаны бумажник с деньгами и несколько серебряных вещей?»

Доставая из дорожного мешка ночной капотик девочки, Жозен увидела железнодорожные билеты до Нью-Йорка, две багажные квитанции и горсть мелких денег. «Это, пожалуй, можно показать Расту, — подумала Жозен, — а о бумажнике лучше промолчать».

В это время с улицы послышались знакомые шаги сына. Эдраст возвращался домой, напевая веселую песню. Жозен вскочила и заковыляла навстречу сыну, боясь, чтобы он случайно не разбудил спящих. Эдраст был высокого роста, щегольски одетый, плечистый, рыжеволосый, черноглазый, с красноватым лицом. Это был парень умный, ловкий и весьма наблюдательный.

Заметив, что его мать взволнована, как-то неестественно суетится, что лицо у нее бледно, что она встревожена, Эдраст понял, что нечто произошло: он не привык, чтобы мать выходила его встречать.

— Матушка! — воскликнул он. — Что с тобой?

— Тише, тише, Раст, не кричи! В нашем доме случились престранные вещи. Присядь-ка здесь на ступеньку, я тебе все расскажу.

И мать поведала ему о неожиданном появлении приезжих и о внезапной болезни молодой женщины.

— Они, значит, у нас там спят? — спросил Эдраст, указывая толстым пальцем на дверь, ведущую в комнаты. — Славное дело, нечего сказать! Навязала себе заботу о больной, да еще с ребенком!

— Что же мне было делать? — возразила мадам Жозен. — Не оставлять же на улице умирающую женщину, да еще ночью!

— Какова же она из себя-то? Может, нищая побирושка? Есть ли при ней багаж? Видела ли ты у нее деньги? — с любопытством расспрашивал сын.

— О, Раст, Раст! Не обыскивала же я ее корзины! Она и девочка прилично одеты, на матери дорогие часы с цепочкой, а в мешке я обнаружила много серебряных вещей.

— Какое счастье! — радостно воскликнул Эдраст. — Следовательно, она богата и завтра, когда будет уезжать, отвалит тебе пятерку долларов?

— Не думаю, чтобы она была в состоянии завтра уехать: она долго пролежит у нас. Если ей не станет лучше завтра утром, тебе придется поехать на ту сторону и привезти доктора Дебро.

— Это зачем? Ты не можешь держать больных у себя в доме, ты должна отправить ее в больницу. Ведь ты даже имени ее не знаешь, не знаешь, откуда она приехала и куда едет. Ну, а если она умрет у тебя на руках, что ты тогда скажешь?

— Если она умрет, я не буду виновата, — сказала мадам Жозен. — Но тогда за свои хлопоты и труды я буду вправе воспользоваться ее вещами.

— Да хватит ли вещей-то, чтобы расплатиться с тобою? — спросил сын и при этом негромко свистнул. — Эх, маменька, тонкая ты у меня штучка! Вижу тебя насквозь!

— Не понимаю, что ты имеешь в виду? — воскликнула с искренним негодованием госпожа Жозен. — По-моему, ясно: если я ухаживаю за больной, уступаю ей мою кровать, то я могу ожидать, что мне за это заплатят. Отправить же ее в больницу — у меня не хватает духу. Имени ее я не знаю, кто те знакомые, у которых она хотела остановиться, мне неизвестно, — что же остается делать?

— Делай, как ты задумала, маменька... Да, жаль, очень жаль молодую женщину! — сказал

он, посмеиваясь.

Мать ничего не ответила сыну и некоторое время сидела в раздумьи.

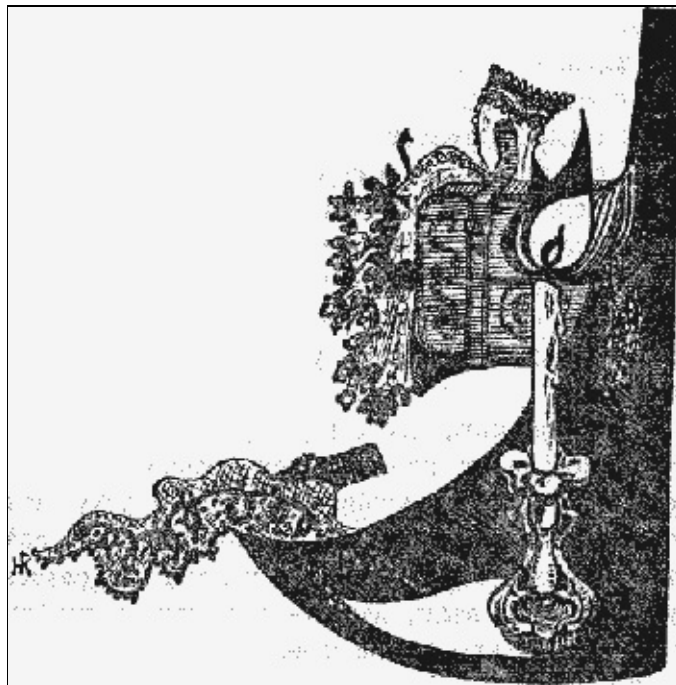
— А не принес ли ты хоть сколько-нибудь денег? — спросила она вдруг, обращаясь к Эдрасту. — Мне нечего есть, а я собираюсь всю ночь просидеть у постели больной. Не сбегаешь ли ты в лавку купить хлеба и сыра?

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня деньги? Погляди! — Эдраст достал из кармана пригоршню серебра. — Вот что я принес!

Через час Жозен с сыном сидели на кухне, ужиная и дружески болтая, а больная женщина и девочка спали в отведенной им комнате.

Глава 3

Последние дни в Гретне

Наступило утро. Больная по-прежнему оставалась в тяжелом забытьи. И мадам Жозен решила отправить Эдраста за реку, чтобы тот поспешил привезти доктора Дебро.

Но прежде мать и сын притащили в кухню дорожный мешок приезжих и принялись в нем рыться и рассматривать содержимое. Белье, туалетные принадлежности, багажные квитанции, проездные билеты — все это они нашли, но ни писем, ни записок, счетов, фотографий — ничего не попадалось, и только монограммы «J. C.» на белье и серебряных предметах свидетельствовали о принадлежности одному и тому же лицу.

— Не лучше ли мне сразу захватить с собою багажные квитанции? — сказал Эдраст, вставая и пряча в карман жилета свернутые бумажки. — Если больная очнется, ты можешь ей сказать, что им понадобились платья и что поэтому мы решили получить на станции сундуки. Так, что ли, обстоит дело? — спрашивал сын у матери, многозначительно улыбаясь.

Озабоченная мадам Жозен ничего не отвечала, завязала мешок и стала торопить сына.

— Поторапливайся, скорее привези доктора! Я так беспокоюсь за бедную женщину. Того и гляди, девочка проснется и расплачется, увидя, что ее матери не стало лучше.

Эдраст проворно оделся и побежал к перевозу.

Через полтора часа он возвратился в сопровождении доктора Дебро.

Доктор, осмотрев больную, уверил, что опасности нет.

— У этой женщины сильная лихорадка, — прошамкал старичок. — Ею надо серьезно заняться. Лежать долго она не будет — кризис должен скоро наступить. Я сделаю все, что возможно, для ее спасения.

Дебро прописал лекарство и, давая нужные наставления об уходе за новой своей пациенткой, гладил золотистые волосы малютки Джен, которая, проснувшись, не сводила глаз с матери.

Вскоре после того, как доктор ушел, к крыльцу подъехала телега с двумя сундуками, и Эдраст с помощью рабочих втащил тяжелый багаж в комнату, расположенную рядом со спальней.

Телега уехала, входная зеленая дверь захлопнулась, будто поглотила следы бедной матери с

ребенком, точно исчезнувших для остального мира.

Доктор Дебро продолжал навещать больную, и каждый раз, оставляя ее, был все более мрачен и встревожен.

Он убедился, что положение больной абсолютно безнадежно, и сердце его нестерпимо болело за малютку дочь.

Бледная, молчаливая девочка целыми днями сидела на кровати подле матери с горестным выражением на лице.

Жозен как-то сказала девочке, что матери необходимо полное спокойствие. Трогательно было видеть, как после этого малютка часами сидела, почти не двигаясь и не выпуская руки матери из своей.

Нельзя было упрекнуть мадам Жозен в недостаточной заботливости о своих постояльцах. Она неутомимо и усердно ухаживала за больной и за ее маленькой дочерью, мысленно восхищаясь своей самоотверженностью.

— Ну, кто, кроме меня, способен так лелеять больную, так баловать ее ребенка? Я считаю их своими, — твердила она сыну. — Беспомощные, безродные, они только во мне одной и нашли опору. Они, положительно, мои, мои!

Самообольщаясь и теша себя этим, мадам Жозен хотела непременно уверить себя в том, что она не преследует корыстной цели.

Дней двенадцать спустя по узкой улице Гретны, по дороге к перевозу двигалась скромная погребальная процессия. Встречные, уступая дорогу, внимательно оглядывали Эдраста Жозена, одетого с иголки и сидевшего с доктором Дебро в открытой коляске, единственном экипаже, следовавшем за гробом.

— Это какая-то иностранка, родственница Жозен, — говорили в толпе. — Она недавно приехала из Техаса с маленькой дочкой, а вчера умерла. Вчера же ночью, говорят, и девочка заболела и лежит без памяти. Вот отчего не видно госпожи Жозен. К ним в дом страшно зайти. Старик доктор говорит, что горячка такого вида заразна.

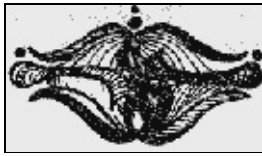
Вернувшись, Эдраст нашел свою мать сидящую в качалке подле кровати, где в беспамятстве лежала леди Джен. Волнистые волосы ее рассыпались по подушке. Синие круги под глазами и горячечный румянец на щеках были верным признаком, что ребенок заразился от своей матери тифом.

Наряженная в самое лучшее черное платье, Жозен все утро не осушала глаз. При появлении сына в дверях спальни она бросилась к нему и разрыдалась.

— О, милый друг мой, мы погибли! Какие мы несчастные! Как мы наказаны за доброе дело! Беру к себе в дом совсем незнакомую больную, ухаживаю за нею, как за родной, хороню в своем фамильном склепе, — и вдруг заболевает девочка! Доктор Дебро говорит, что мы оба с тобой заразимся и умрем! Вот что значит делать добро!

— Пустяки, маменька! Зачем видеть все в черном цвете! Старик Дебро, вероятно, ошибся. Может, болезнь эта совсем и не заразна. Лучше же никого к себе не принимать; да к нам, впрочем, никто и не придет из страха. Я на время переселюсь в город, а к тебе горячка не пристанет. Пройдет несколько дней — увидим, выздоровеет девочка или умрет, и тогда мы отсюда переедем и устроимся где-нибудь в другом месте...

— Хорошо, мой друг! — сказала, отирая слезы, Жозен, успокоенная словами сына. — Никто не имеет права сказать, что я не исполнила своего долга по отношению к покойной. Буду теперь ухаживать, сколько сил хватит, за девочкой. Тяжело, конечно, в такую жаркую погоду сидеть взаперти, но я отчасти рада, что малютка без сознания. Сердце разрывалось у меня, когда я наблюдала, как она убивалась по матери...

Глава 4

Горбунья Пепси

На улице Добрых детей в Новом Орлеане все знали Пепси и ее мать. Пепси была убогой от рождения, а ее мать Маделон — или «Вкусная миндалинка», как ее прозвали дети, — считалась весьма почтенной среди соседей. Мать и дочь жили в небольшом домике на углу улицы, между аптекой и табачной лавкой. Дверь, окрашенная в зеленый цвет, вела на улицу; на улицу выходило и единственное окно, огражденное красивой чугунной решеткой. Окно было таким широким, что с улицы взрослый человек мог рассмотреть все, что находилось в комнате. Большая деревянная кровать на высоких ножках, с красным балдахином и кружевными накидками на подушках, занимала весь угол. Напротив постели красовался небольшой камин. На каминной доске стояли часы, две вазы с розовыми бумажными цветами, голубой кувшинчик и гипсовый попугай.

За этой комнатой находилась небольшая кухня, далее — дворик, окруженный забором, где Маделон приготавливала жареный миндаль и сладкие пирожки. Там же подросток-негритянка, по прозвищу Мышка, с утра мыла, жарила, варила и убирала, а при необходимости прислуживала мисс Пепси, если ее матери не было дома. Маделон торговала сладостями близ здания Французской Оперы, на улице Бурбонов.

В небольшой палатке на прилавке раскладывались жареный миндаль, особого сорта рисовые пирожки и орехи в сахаре.

С утра Маделон отправлялась в палатку с большой корзиной свежих лакомств, а к вечеру все это обычно было распродано. В ее отсутствие Пепси оставалась дома и сидела у окна в приспособленном для нее кресле на колесах. Каждый из живущих в этом районе знал Пепси. Все привыкли видеть у окна ее продолговатое, бледное лицо, блестящие черные глаза, большой рот с крупными белыми зубами, сверкавшими, когда она улыбалась. Голова Пепси была непомерно велика и будто сжата приподнятыми кверху искривленными плечами. От пояса туловище Пепси было закрыто от глаз прохожих доской стола, придвинутого близко к ней. На столе Пепси очищала от скорлупы орехи и миндаль.

Сидя у окна, Пепси весь день проворно орудовала стальными щипчиками. Это занятие не мешало ей следить за тем, что происходило на улице. От зорких глаз девушки не ускользал ни один прохожий: одному она просто кланялась, другому приветливо улыбалась, с третьим, если он останавливался под ее окном, заводила разговор, — таким образом, почти всегда за решеткой ее окна кто-нибудь стоял. Пепси была весела и приветлива, за что ее все любили, особенно дети. Не подумайте, что она их не в меру одаривала орехами в сахаре! О, нет! У Пепси на первом плане было дело. Обсахаренные же орехи стоили денег: за десяток этого лакомства мать получала восьмую часть доллара, — тут не раскутишься! Детей же привлекал самый процесс работы: им нравилось смотреть, как Пепси, начистив целую кучу орехов и миндаля, ловко бросала их в кипящий сироп, который ставили перед ней в круглой фарфоровой чашке. Из рук Пепси быстро появлялись вкусные конфеты — она их нанизывала на проволоку и раскладывала для просушки на листах белой бумаги. Она так проворно работала, что тонкие белые пальцы точно летели от горки орехов к чашке сиропа и листу бумаги. В течение часа лакомств оказывалось так много, что можно было, пожалуй, осудить Пепси за скупость; казалось, трудно понять, как это не выделить глазеющим на нее ребятишкам хотя бы горсточку конфет. А между тем это было невозможно сделать. Когда наступали сумерки, в комнату спешила Мышка, чтобы взять пустую чашку из-под сиропа. Пепси внимательно пересчитывала обсахаренные орехи и миндалины, записывала в маленькую записную книжку, сколько приготовлено конфет. Так пресекалось невольное поползновение юной негритянки полакомиться вкусными изделиями. Но, главное, Пепси должна была знать точно, сколько конфет она подготовила к продаже.

Затем Пепси доставала из ящика другую работу и непременно — колоду карт. Часто она принималась шить, и белошвейкой была замечательной. Когда Пепси уставала шить или работа была окончена, она обращалась к картам. Гран-пасьянс служил для больной девочки источником истинного наслаждения.

Так проходили дни: работа сменялась нехитрым развлечением, но всегда девочка выглядела счастливой, довольной! Хотя Пепси минуло уже двенадцать лет, мать относилась к ней, как к ребенку. Каждое утро перед уходом в лавочку на улице Бурбонов Маделон умывала, обувала и одевала Пепси, нежно и осторожно брала ее на руки и ловко усаживала в кресло-самокат.

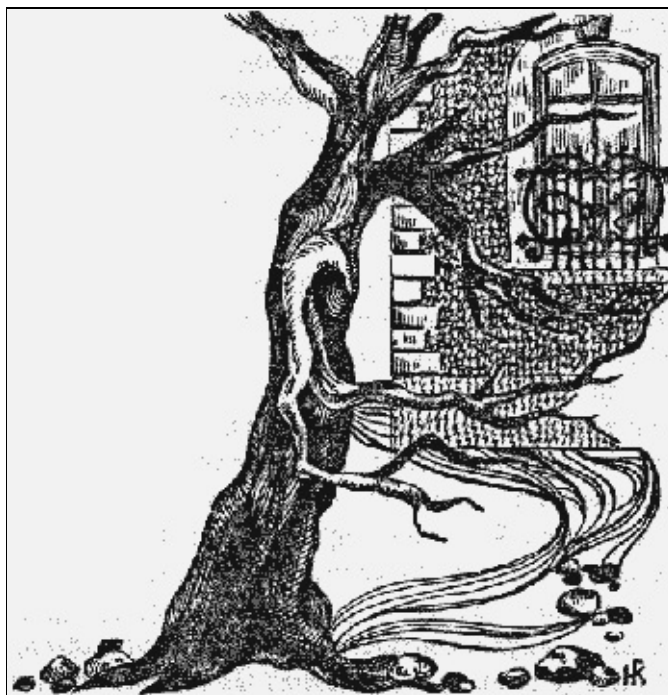
Только ради того, чтобы ребенок ни в чем не нуждался и имел бы все в избытке, Маделон не щадила себя. Случалось, что дождь лил с утра до вечера, а она продолжала сидеть в своей палатке, торгуя сладостями. До полуночи ей приходилось возиться на кухне, приготовляя тесто для пирожков, варить обед и ужин; между делом она еще шила, принимала заказы. И все это Маделон делала для того, чтобы Пепси ни в чем не испытывала недостатка.

Как-то раз Пепси сказала матери, что очень бы хотела пожить в деревне. Имея представление о деревенской жизни только из книг и рассказов матери, Пепси, истомленная уличной пылью и духотой, закрыв глаза, видела зеленую долину с извиляющейся рекой. С одной стороны синели высокие горы, доходившие почти до облаков; с другой — тянулись поля с золотистой рожью, леса, сады, а поближе, у самых ног, расстилался зеленый луг, покрытый густой травой и цветами. Это была самая большая и единственная мечта девочки, — но мать, к великому сожалению, не могла ее осуществить.

Глава 5

Новые соседи

По другую сторону улицы Добрых детей, почти напротив жилища Маделон, стоял одноэтажный, но довольно высокий дом, внешний вид которого отличался причудливостью. Входная дверь была гораздо выше и массивнее, чем в других строениях. Два больших окна по обе стороны двери украшали крошечные балкончики, где едва мог поместиться даже один человек. Карниз крыши поддерживался небольшими лепными фигурами. Пепси сожалела, что в доме этом давно никто не жил. Ей наскучило смотреть на запертые двери и окна этого строения, и она каждый день ждала появления новых постояльцев. Наконец, к великому удовольствию Пепси, августовским утром на улице, как раз под ее окном, появилась группа незнакомых людей: средних лет женщина, одетая в черное, прихрамывающая, с тростью в руке, молодой человек и прехорошенькая девочка. Долго и внимательно осматривали они пустой дом, затем поднялись на крыльцо, отперли дверь и вошли.

Приехавшая девочка сразу заинтересовала Пепси. Новенькая заметно отличалась от детей, живших рядом. Изящна была ее одежда: белое батистовое платье, черный шелковый пояс и черная шляпа с широкими полями.

Впрочем, внимание Пепси было привлечено не столько красотой девочки и ее изящным костюмом, сколько необыкновенной бледностью грустного личика и поразительной худобой, как после тяжелой болезни. Женщина в черном вела девочку за руку; девочка шла медленно, будто спотыкаясь, и постоянно оглядывалась на странной формы корзину, которую нес следом широкоплечий, черноглазый, рыжеволосый молодой человек, франтовато одетый.

Пепси не могла оторвать глаз от дома, так ей хотелось снова увидеть девочку. Она была уверена, что, осмотрев дом, приехавшие выйдут оттуда на улицу. Однако молодой человек распахнул настежь все двери и окна с таким видом, будто он распоряжается здесь, как у себя дома. Женщина в черном сняла шляпу с вуалью, повесила ее вместе с широкополой детской шляпой на крюк, вбитый у самого окна. Девочка же, немного погодя, вышла на боковую галерею, держа что-то в руках. Как Пепси ни вытягивала шею, как ни приподымалась, ей не удалось рассмотреть, что в руках у малышки.

«Это котенок, — говорила про себя Пепси. — Нет! Собачка? Нет, и не собачка! Должно

быть, птица: я вижу, как она бьет крыльями. Птица, птица — и большая! Престранной породы птица! Что это значит?»— продолжала рассуждать Пепси, краснея от волнения и неодолимого любопытства.

Незнакомая девочка села на ступеньки лестницы, не сходя с галереи, нежно прижимая диковинную птицу.

«Ну, значит, — думала Пепси, — дом за ними, иначе они не стали бы открывать окна и развешивать вещи. Ах, как я была бы рада, если бы они остались здесь!..»

Тотчас по мостовой загромыхали колеса, и к дверям дома напротив подкатил громадный фургон, доверху набитый сундуками, мебелью и дорожными мешками.

Пепси с напряженным вниманием следила за разгрузкой фургона. Вдруг в комнату влетела как вихрь Мышка. Короткие косички ее курчавых волос торчали в разные стороны. Широко улыбаясь, она обнажила зубки, глаза ее сверкали от восторга. Она сидела на улице, на скамейке перед домом, когда увидела новых соседей, и поспешила сообщить об этом своей маленькой приятельнице.

— Мисс Пип! Мисс Пип! — затараторила она. — Кто-то снял дом напротив нас и уже переезжает туда. Я видела женщину в черном, мужчину и маленькую девочку. У девочки желтые волосы и в руках длинноногий гусь. И как она с ним возится, — наверное, очень любит!..

— Замолчи, Мышка! Ступай дело делать! — прикрикнула Пепси, сама чересчур увлеченная происходящим на улице, чтобы слушать болтовню маленькой негритянки. — Точно я без тебя ничего не вижу. Поди лучше убери кухню: мама, того и гляди, вернется домой!

— Я убрала уже, все убрала, мисс Пип, и только что вышла отдохнуть на скамеечку перед домом, смотрю — она грязная-прегрязная. Позвольте мне ее теперь же вымыть, мисс Пип, я мигом все это устрою!

— Пожалуй, ступай, — сказала, снисходительно улыбаясь, Пепси, — но помни, чтобы на кухне было все в порядке к приходу мамы.

Такое событие, как появление новых жильцов, считалось настоящим происшествием для жителей улицы. Пепси очень хорошо поняла, что стремление Мышки именно теперь мыть лавку перед домом — это невинная хитрость: ей хотелось поглазеть на новых жильцов.

Наконец, мебель и другие вещи внесли в дом, остались два больших сундука, которые с трудом втащили в дверь.

Как только фургон разгрузили, входную дверь захлопнули и заперли изнутри. Любопытные прохожие разошлись, но Пепси со своего наблюдательного пункта продолжала следить за приезжими. Она видела, как Эдраст с корзинкой в руках вышел на улицу, и решила, что он отправился на базар. Дама в черном прикрепляла кружевные занавески на окно, и Пепси подумала, что в этой комнате будет гостиная. Одна штора оставалась поднятой до позднего вечера, а другую так и не поднимали.

Наступил вечер. Пепси забыла о своем занятии — изготовлении конфет, но мать оставила это незамеченным: Маделон было понятно невольное внимание дочери и Мышки к новым соседям. На следующее утро Пепси проснулась раньше обычного и так спешила усесться на свое место у окна, что мать едва успела одеть ее. Выглянув на улицу, она убедилась, что и двери, и ставни соседи еще не открывали.

Но вот штора поднялась, и на стекле появилось курьезное объявление. На куске белого картона, вставленного в рамку, было написано красными чернилами:

ТОНКОЕ МЫТЬЕ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТСЯ,
И ЗАКАЗЫ ВСЕХ СОРТОВ.

Пепси удалось рассмотреть, что в комнате стояли столы с кусками кружев и кисеи, картонками, здесь же лежали груды детских нарядных платиц, фартучков, дамских воротничков, манжеток и носовых платков. К окну был придвинут длинный стол, где в порядке лежали катушки для швейной машины, пуговицы разных размеров, тесемки, ленты, мотки шерсти — это был мелкий товар, необходимый при шитье женского туалета.

Приводя в порядок разнообразный товар, дама в черной юбке и белоснежной блузке внимательно все осматривала, стараясь что-то передвинуть, переставить, переложить, чтобы придать комнате более нарядный вид. Наконец, осталось ждать появления заказчиков.

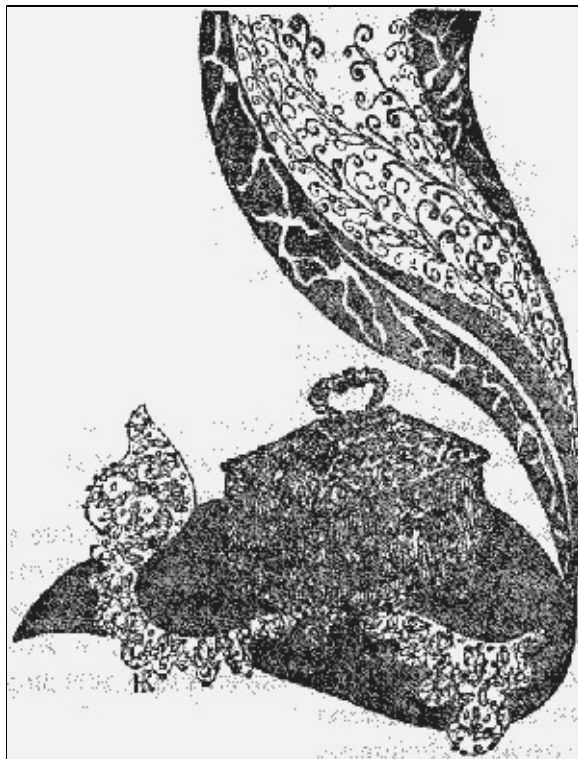
Только теперь, впервые после смерти молодой вдовы, остановившейся у нее в Гретне, мадам Жозен вздохнула свободно и почувствовала под собой почву. Все устроилось именно так, как предсказывал Эдраст: случайная гостыя покоилась в склепе, а ее дочь была слишком мала, чтобы сообщить какие-либо сведения о своей семье; она даже не помнила ни имени, ни фамилии родителей, потому что после тифа память ей изменила и она ничего не могла вспомнить о своем прошлом. Леди Джен до того стала слаба и апатична, что ее ничто не интересовало, кроме голубой цапли, с которой она не расставалась. Сознавала ли она свою потерю, горевала ли о матери — Жозен не могла понять. В первые дни по выздоровлении девочка все время звала мать и плакала. Боясь, чтобы ребенок вторично не занемог, Жозен, лаская малютку, уверяла, что мама уехала ненадолго и, оставив ее с тетей Полиной, велела быть умницей, слушаться и любить тетю, пока сама не вернется.

Леди Джен, отодвигаясь от Жозен, пристально всматривалась в улыбающееся лицо хозяйки, но ничего ей не отвечала. Девочка не забыла прошлого, как это думалось Жозен, и не верила ни одному ее слову, но она не вполне понимала, что с ней происходит. Сомневалась ли девочка в выдуманной истории или тосковала — никто этого не мог угадать. Она оставалась невозмутимо спокойной и послушной. Смеяться леди Джен как будто разучилась, но и плакала редко. Никому в доме она не мешала и, казалось, не замечала всего, что вокруг происходило. Убитая горем и недавней болезнью, прежде веселая, остроумная девочка точно переродилась.

Глава 6

Леди Джен находит друга

В первое время Жозен настаивала, чтобы имущество умершей женщины оставалось неприкосновенным, по крайней мере, в течение нескольких недель.

— Мы должны выждать немного, — уговаривала она чересчур торопливого и горячего Эдраста. — Кто знает, а вдруг ее хватятся и начнут разыскивать? Нас могут привлечь к ответственности, если откроется, что женщина с ребенком остановилась у нас и умерла в нашем доме. Нас, пожалуй, заподозрят в грабеже. Если же мы сундуков не вскроем, никто не будет иметь права обвинять нас в присвоении багажа умершей. Доктор Дебро свидетель, что она занемогла, и всякий скажет, что я поступила хорошо, приняв участие в судьбе приезжей и приютив ее осиротевшую дочь. Когда все это подтвердится, меня наверняка вознаградят за хлопоты и расходы...

Доводы матери повлияли на Эдраста, не отличавшегося добросовестностью. Он смертельно боялся попасть в лапы закона, помня о судьбе отца.

Если бы мать или сын обратили внимание на странное объявление в местной газете, подписанное «Голубая цапля», они не были бы так спокойны. Но они редко заглядывали в газеты.

Прошло шесть недель. Жозены решили, что опасность миновала. Они начали с того, что переселились в отдаленную часть города и там, на улице Добрых детей, сняли удобную квартиру. Госпожу Жозен соблазняла мысль отдохнуть от работы и почувствовать себя барыней. Но осторожность не изменила ей, и Жозен подумала, что такой образ жизни может возбудить подозрение. Каждый вправе будет спросить: каким образом она так разбогатела? И потому Жозен решила продолжить свою работу: чистить кружева, открыть небольшой магазин галантерейных товаров. Все-таки при этом кое-что перепадет в ее карман, и в то же время небольшое заведение поможет создать респектабельность ее положению.

В вещах, принадлежавших матери Джен, находился бумажник с двумястами долларами, который мадам Жозен скрыла от сына. Из денег, оставленных в дорожном мешке, о которых знал Эдраст, она покрыла расходы на скромные похороны, заплатила доктору и немного

оставила на всякий случай. В мешке были разные вещи, кружева, вышивки и, наконец, хорошее белье, платья и другие предметы женского туалета. В одном из чемоданов оказалась шкатулка, туго набитая письмами, написанными по-английски. Из них мадам Жозен, конечно, могла бы узнать все необходимое об умершей леди и ее дочери, но беда была в том, что Жозен плохо читала написанное от руки, тем более — на чужом языке. Показать письма кому-нибудь она боялась, а потому все откладывала намерение получше рассмотреть их. Как-то вечером, когда она ушла из дома, милый ее сынок сжег всю пачку писем в печке. Он в этом не сознался, когда мать нашла сожженные бумаги, превратившиеся в пепел. Но сомневаться в этом не приходилось.

«Что мне теперь делать? — рассуждала про себя Жозен. — Может быть, все, что он сделал, — к счастью, а может быть, и наоборот».

Она успокаивала себя, рассуждая:

«Если на моих плечах осталась девочка-сирота, не отсылать же мне ее в воспитательный дом, как это сделали бы другие! Нет, я ее буду беречь, лелеять, воспитывать, как родную дочь, буду заботиться о ней, как о собственном ребенке».

Решив так, госпожа Жозен делала все возможное, чтобы незаметно и поскорее забрать в свои руки имущество девочки-сироты, оставшееся после матери. Главное же — плутоватая женщина палец о палец не ударила, чтобы разыскать родных или знакомых покойной и установить ее личность. Из детского гардероба Жозен выбрала для леди Джен вещи попроще и попрочнее — для каждодневной носки. Платьица же с кружевами, вышивками и лентами она отложила в сторону, рассчитывая продать их повыгоднее, если представится случай. Строго отнеслась она и к гардеробу матери девочки. Для себя она отобрала платья и вещи, которые при всей прочности и элегантности не слишком бросались бы в глаза. Хорошее белье, дорогие кружева послужили ей отличным материалом для выставки в новом магазине.

Несмотря на дерзость своих поступков, Жозен не была спокойна, когда начала развешивать и раскладывать в магазине вещи, которые она извлекла из чужих сундуков. Ее не столько пугал суд публики, сколько она боялась девочки-сироты. Что, если леди Джен узнает вещи своей матери и спросит об этом? Мадам Жозен бросало в жар и холод при мысли, что завтра утром девочка в первый раз увидит содержимое модной лавочки.

Это утро, наконец, наступило. Леди Джен, встав с постели, вышла бледная, с припухшими глазами, небрежно одетая, кое-как причесанная, — это было олицетворение печального брошенного ребенка. По обыкновению с любимицей своей — цаплей на руках, девочка свернула в боковую дверь, ведущую в палисадник, и даже не заглянула в соседнюю комнату. А между тем Жозен поджидала ее, стоя на пороге. Видя, что ошиблась в расчетах, Жозен вспыхнула и нетерпеливо крикнула:

— Да иди же ко мне, дитя! Дай застегнуть сзади твоё платье. Ты сегодня и волос даже не причесала. Так не годится! Ты уже большая девочка, можешь сама одеваться и причёсываться, и ты должна это делать. Не смотреть же мне за тобой ежеминутно. У меня и без тебя хлопот много. — Затем, смягчив тон, Жозен стала с нежностью приглаживать золотистые волосы малышки.

Леди Джен бегло посмотрела на столы с бельем, кружевами и дамскими уборами и вдруг вскрикнула:

— Это мамина шкатулочка! Как вы смели взять ее?

Девочка схватила со стола старинной работы ящичек и бегом направилась в спальню.

Жозен сделала вид, что не обращает внимания на выходку леди Джен. Девочка не расставалась со шкатулочкой в продолжение целого дня, и только ночью, когда сон одолел ребенка, Жозен разжала слабые пальчики и, высвободив из них шкатулку, спрятала ее.

«Я долго не покажу ей этой вещицы, — рассуждала сама с собой Жозен. — Ей это вредно. Она чересчур волнуется. Я не буду спокойна ни одной минуты, пока не спущу с рук всех вещей, принадлежавших ее матери».

* * *

— Сегодня в магазин госпожи Жозен входит уже пятый покупатель, — говорила Пепси Мышке несколько дней спустя после переезда незнакомой семьи в пустой дом. — Торговля, видно, хорошо идет: никто из магазина не выходит без покупки.

— А ребяташки-то, посмотрите, так и толпятся перед их крыльцом, — с досадой заметила Мышка. — Гм! Только это не покупатели... Их тянет поглазеть на маленькую девочку с гусенком на руках. Вон бедняжка на галерее сидит и все ласкает свою птицу. Милая крошечка! Скучно ей, верно, целый день одной сидеть!.. — заключила со вздохом негритянка, сметая ореховую скорлупу со стола.

— Мышка! Мышка! Можно ли при открытом окне так громко сплетничать? — прикрикнула Пепси на болтливую Мышку. — Мне так хочется поближе посмотреть на девочку, а главное, узнать, что за птицу она с собою таскает! Подойди к забору соседней и попроси девочку прийти ко мне. Скажи, что я ей за это дам орехов в сахаре.

Мышка побежала на улицу и так долго глазела на леди Джен, что Пепси пришлось крикнуть ей, чтобы она возвращалась домой. Мышка явилась одна.

— Не беспокойтесь! — громко говорила она еще издали. — Не придет! Гладит свою длинноногую птицу и молчит, выпучив глаза, как сова. Говорю вам: не беспокойтесь, не придет!.. Она, видно, упрямая, мисс Пип. «Орехов в сахаре, — говорит, — мне не нужно». Подумайте! Орехов в сахаре ей не нужно!!! Ох, уж эти белые дети! Причудницы, нечего сказать! — И Мышка, все время бормоча что-то себе под нос о капризных белых девочках, убралась в кухню.

Весь день Пепси сидела настороже, надеясь, что малютка из дома напротив изменит свое решение и завяжет с нею знакомство. Но, к великому ее огорчению, надежда эта не оправдалась.

Под вечер, когда было уже поздно рассчитывать на свидание, а покупатели почти перестали заходить в магазин госпожи Жозен, Пепси, чтобы утешиться и немного развлечься, принялась раскладывать любимый гранпасьянс. В ту самую минуту, когда дело шло к развязке, на улице, у самого ее окна, послышался шорох. Пепси подняла глаза и увидела перед собою девочку с золотистыми длинными волосами, в беспорядке падавшими на плечи, в старом грубом платке, наброшенном на голову и прикрывавшем лоб почти до бровей. Лицо ребенка было бледным и грустным, но кроткая улыбка образовала две ямочки около рта, а серьезные глазки так и светились.

Леди Джен, став на фундамент дома, приподняла обеими руками голубую цаплю и силилась поставить ее на решетку окна. Заметив удивленный взгляд Пепси, она вежливо и кротко сказала:

— Вам хотелось взглянуть на Тони? Вот она, я принесла ее.

Так познакомилась леди Джен и Пепси.

Глава 7

Первый визит к Пепси

Я боялась, что вы не придете! — сказала Пепси. — Мышка уверяла меня, что вы не хотите прийти. Я сторожила вас целый день.

— А я пришла показать вам Тони прежде, чем велят ложиться спать, — отвечала леди Джен, улыбаясь. — Я его подержу, а вы посмотрите, — продолжала малютка, становясь на носки и пытаясь усадить цаплю на столбик решетки.

— Погодите, погодите! — радостно крикнула Пепси. — Я прикажу Мышке отпереть входную дверь! Разве вы ко мне не зайдете?

Мышка, слыша весь разговор, высунула голову из-за кухонной двери. Она мгновенно отодвинула задвижку, и леди Джен очутилась в маленькой комнате, где сидела Пепси.

— Ах! Как у вас мило! — воскликнула девочка, слегка вздохнув. — Я так рада, что пришла! А у вас есть киска?

— Киска? Вы хотите сказать, маленькая кошечка? — спросила Пепси, невольно любясь ребенком и птицей. — Нет, кошечки у меня нет, к сожалению.

Леди Джен опустила цаплю на пол и, не выпуская из рук бечевки, привязанной к кожаному ремешку на ноге птицы, пристально, с очевидным состраданием, рассматривала искривленную спину и плечи больной девочки.

В это время Пепси и Мышка не могли оторвать глаз от голубой цапли, которая, неуклюже подсакивая, клевала что-то на полу. Маленькая негритянка не сдержала своего восхищения.

— Мисс Пип! — кричала она, всплескивая руками. — Поглядите вы на эту диковинную птицу!.. Ведь это не гусенок! Вон какие перышки на хвосте, точно перья на шляпе мисс Мари!

— Знаете, ведь Тони понимает, когда я с ней разговариваю, — сказала леди Джен, поднимая глаза на Пепси. — Хотите, я ее позову, она сейчас прибежит.

Говоря это, малютка тихо чирикнула по-птичьи и громко позвала:

— Тони! Тони!

Птица повернула круглые глаза в сторону хозяйки и, хлопая крыльями, подбежала к ней.

— Смотрите, смотрите! — неистово кричала Пепси, обнажая белые зубы. — Услыхала, бежит! Сроду не видывала таких птиц! Да она дикая, что ли?

— Нет, совсем ручная! А то бы она от меня улетела, — возразила леди Джен, нежно глядя на свою любимицу. — Это голубая цапля; здесь ни у кого нет такой.

— Голубая цапля! — повторила Пепси. — Никогда не слыхала такого названия.

— Я очень рада, что вам так понравилась моя цапля! — сказала леди Джен.

— Как я счастлива, что познакомилась с вами! — воскликнула Пепси. — Я очень хотела, чтобы вы ко мне пришли. Скажите мне, пожалуйста, мадам Жозен тетка вам или бабушка?

— Да она просто тетя Полина, вот и все! — очень равнодушно отвечала малютка.

— А вы очень ее любите? — дипломатично спросила Пепси.

— Я ее совсем не люблю! — решительно отвечала леди Джен.

— Неужели? А почему? Разве она дурно с вами обращается?

Малютка ничего не ответила, но выразительно посмотрела на Пепси, как будто давая понять, что ей не хочется распространяться об этом.

— Лучше не будем говорить о ней. А вы, видно, скучаете без мамы? Она от вас уехала? — Пепси понизила голос и старалась говорить как можно ласковее, чувствуя, что касается деликатного вопроса. Она это делала не из любопытства, а из живейшего участия в девочке.

Леди Джен упорно молчала.

— Ваша мама уехала? — спросила опять Пепси.

— Тетя Полина уверяет, что мама уехала и скоро вернется назад, но я ей не верю! — возразила малютка, причем лицо ее приняло обычное грустное выражение.

— Ах! Зачем она не взяла меня с собою?

— А вас зовут леди Джен? Какое прелестное имя! — заметила Пепси, стараясь удержаться от слез. — Пташечка вы моя милая, не надо тосковать! Почему вы сидите по целым дням в галерее с птицей? Когда вы увидите, что ваша тетя занята с покупателями, приходите посидеть со мною и Тони с собой приносите. Я вам покажу, как я чищу орехи и варю их в сахаре; буду читать вам интересные книжки. А теперь расскажите, где вы достали цаплю? Кто вам ее дал?

— Мне ее подарил один большой мальчик, хороший такой. Это было в вагоне. Мама позволила ему подарить мне птичку. У нее тогда еще не так сильно болела головка, она могла говорить. А потом она уже ничего не говорила...

— А кукол у вас нет? — прервала Пепси, видя, что малютка опять возвращается к грустным воспоминаниям.

— Дома, в прериях, у меня много кукол, но сюда мы ни одной не привезли. Тетя Полина обещала мне купить, но до сих пор не купила.

— Не горюйте, я вам прекрасную куклу сделаю! У меня есть маленькие кузены и кузины, фамилия их — Пешу. Я им за год передарила десяток кукол. А вы знаете, кто такие Пешу? Это мой дядя, а его жена — тетя моя, я ее зову тетя Модя, детей у них куча. Дядя Пешу работает на ферме, торгует молоком. Живут они на улице Французов, за городом. Дом у них большой, просторный. Таких домов нет на всей нашей улице. Близ дома фруктовый сад, где растут смоквы, персики, гранаты. В цветнике, за которым смотрит Мари, пропасть роз, цветущих мирт, жасминов... У них там прелесть как хорошо! Я у них была много лет тому назад. У меня тогда еще не так болела спина.

— А теперь у вас разве очень болит спина? — прервала леди Джен, и кроткое личико ее вдруг омрачилось.

— Да, временами болит. Видите, какой у меня горб сзади. Он вырос недавно, и мне очень больно, если меня трясут или толкают. Вот отчего я нигде не бываю! К тому же у меня ноги не действуют, — сказала Пепси, будто с удовольствием перечисляя свои недуги. — Но больше

всего у меня болит спина.

— Отчего она у вас заболела? — спросила малютка Джен, и в голосе ее слышалось глубокое сострадание.

— У меня позвоночник поврежден, и доктора уверяют, будто я никогда не поправлюсь. Тому, кто не привык к болезни, тяжело жить, а я к своей — давно привыкла, — с покорной улыбкой проговорила Пепси. — Когда папа был жив, мне очень хорошо жилось. Вы знаете, папа был пожарный и однажды на пожаре разбился насмерть. Я была тогда крошечная, но очень хорошо помню, как отец носил меня на руках и как мы вместе с ним ездили к тете Моде. У нее была такая хорошенькая повозочка! Выкрашена красной краской, на двух высоких колесах; там, где должны быть козлы, поставлены два больших жестяных кувшина, с вас ростом. Если бы вы знали, как весело сидеть в такой повозке и быстро ехать! Прохладный ветер дует в лицо!.. Мне кажется, я и теперь это ощущаю! — Пепси откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза от удовольствия. — А молоко-то, молоко какое вкусное! Бывало, пить захочется, тетя Модя нальет мне кружку из кувшина, душистого, холодного!..

Восторженные описания Пепси вызывали в воображении малютки Джен свежее воспоминание о ее жизни в родном доме, в прериях. Лицо ее оживилось, глаза заблестели.

— Знаете ли что, — начала она. — А я ездила дома не в повозке, а верхом на маленьком пони, звали его Подсолнечник: он был золотистой масти. Папа, бывало, посадит меня на лошадку, а мама все боялась, что я упаду.

Вдруг девочка побледнела: послышался громкий голос госпожи Жозен.

— Леди, леди! — кричала она. — Иди домой, дитя! Совсем темно, пора спать ложиться!

Леди Джен молча взяла на руки цаплю, которая стояла на одной ноге под креслом, подставила свою щечку Пепси, чтобы та ее поцеловала, и вполголоса проговорила:

— Прощайте!

— А вы завтра утром опять придете ко мне? — спросила Пепси, лаская ребенка. — Скажите точно: придете завтра утром?

— Приду! — тихо ответила леди Джен.

Глава 8

Новые друзья

Жизнь малютки-сироты в тихой, дальней улице Добрых детей началась при довольно благоприятных условиях.

С той минуты, когда больная Пепси молча, но решительно объявила себя защитницей ребенка, у леди Джен сразу оказалось несколько друзей, которые поочередно старались любым способом выказать ей свою привязанность.

Добрая Маделон привязалась к ней. Ни разу не уходила она из дому, чтобы не оставить для маленькой сироты сладких пирожков, пралинок или смешную какую-нибудь игрушку, отысканную в соседних лавках.

С появлением леди Джен разговор между матерью и дочерью постоянно возвращался к сиротке-девочке. В те дни, когда Маделон удавалось быстро сбыть товар и вернуться домой раньше, она обычно находила свою дочь вдвоем с леди Джен, и по радостной улыбке, с которой малютка бежала к ней навстречу, добрая женщина видела, как чувствует девочка материнское внимание к ней чужой женщины.

Близкое знакомство леди Джен с соседками было не по сердцу мадам Жозен, и как-то она даже заметила, что ей не совсем нравится близость «племянницы» с хромой девочкой-соседкой, мать которой уличные ребята прозвали «Вкусной миндалиной».

— Может быть, они и честные люди и ребенка не испортят, но женщина, которую никто не называет «мадам», которая целые дни проводит за прилавком конфетной лавочки, не может иметь благородных манер! — торжественно заявила Жозен, старавшаяся всеми силами придать себе вид знатной особы.

Все же леди Джен, несмотря на ворчание «тети Полины», просиживала у соседок с раннего утра до позднего вечера. Она обедала вместе с Пепси, выучилась чистить миндаль и орехи и делала это так проворно, что Пепси с ее помощью завершала работу в какие-нибудь полтора часа и все остальное время могла посвятить своей маленькой приятельнице. Трогательно было видеть, какой материнской заботой Пепси окружила сиротку-девочку. Она умывала ее, расчесывала шелковистые волосы, расправляла складки платья, сама завязывала широкий бант

шелкового пояса, которому умела придать, с искусством настоящей французской модистки, изящный вид. Каждый день она внимательно осматривала, чисты ли розовые ноготки леди Джен и хорошо ли вычищены ее белые как жемчуг зубы.

Пепси раз в неделю с завидным терпением чинила чулки ребенка, пришивала пуговицы и тесемки к ее белью.

Как-то раз Жозен разворчалась не на шутку, что леди Джен имеет привычку ежедневно менять белые платья, и заявила, что намерена заменить их цветными, чтобы избежать возни и расходов. Негритянка Мышка, слышавшая искусной прачкой, пришла в негодование и, коверкая на свой лад французские слова, упростила разрешить ей стирать, крахмалить и гладить белые платица сиротки-девочки.

Таким образом, леди Джен была каждый день щегольски одета. Постепенно грустное выражение ее личика изменилось: она пополнела, щеки порозовели, и, глядя на этого милого ребенка с голубой цаплей в руках, жители улицы Добрых детей улыбались, приветливо здоровались с сироткой и принимали живое участие во всем, что ее касалось.

Худенький, сморщенный старичок-француз по фамилии Жерар, который содержал овощную лавочку рядом с квартирой Маделон, говорил, что для него день не день, когда прелестное личико леди Джен не появится в их тихом переулке. Старичок сиял, слыша приятный детский голосок, раздававшийся по утрам перед его прилавком.

— Доброго утра, месье Жерар! Тетя Полина просит вас отпустить луку.

Овощи тотчас выдавались, а обычная маленькая прибавка — горсть орехов или карамели, спелый апельсин — принималась девочкой с обворожительной улыбкой.

Месье Жерар, кроткий, вежливый старик, редко вступал в разговоры с покупателями. Детей он терпеть не мог, потому что шалуны из соседних домов часто посмеивались над ним. Наружность старичка была действительно смешна: сморщенное безбородое лицо напоминало печеное яблоко; он выходил на улицу, повязав лысую голову красным носовым платком, концы которого болтались под подбородком. Необычайно широкие панталоны, плисовая куртка и белый фартук чуть не до пола составляли обычный его наряд.

День напролет старик сидел на деревянном стуле у прилавка, на котором были разложены апельсины, яблоки, сладкий картофель, лук, кочаны капусты и даже пахучий чеснок. В свободные минуты Жерар не сидел сложа руки: он всегда что-нибудь чинил, клеил, штопал. Он сам стирал свое белье, ставил заплатки на платье и штопал свои чулки. Нимало не конфузясь, если его заставляли за такими женскими занятиями, Жерар при появлении покупателя откладывал в сторону чулок, иголку с ниткой и занимался товаром.

Однажды утром нелюдимый лавочник удивил леди Джен приглашением посидеть в лавке и съесть апельсин, пока он будет ставить заплатку на свою куртку. Съесть апельсин девочка отказалась, говоря, что она привыкла всем делиться с Пепси, а посидеть охотно согласилась. Поставив цаплю перед корзиной с обрезками овощей, маленькая гостья вскарабкалась на стул, оперлась ножками о кадку с морковью, оправила коротенькую юбочку и, подперев руками личико, принялась внимательно изучать лицо работающего старичка. Наконец, любопытство победило ее сдержанность, и она вежливо, но запинаясь, спросила:

— Месье Жерар, скажите, вы мужчина или женщина?

Старик в первую минуту оторопел. Откинув назад голову, он громко рассмеялся. Этого с ним не случалось уже несколько лет.

— Это хорошо! Очень хорошо! — воскликнул он. — Да я, маленькая моя леди, сам этого не знаю, потому что мне приходится работать и за мужчину, и за женщину. Но почему вы ко мне обратились с таким странным вопросом?

— Потому, месье Жерар, — отвечала девочка пресерьезным тоном, — что я сама об этом

часто думаю. Мужчины никогда не шьют и не надевают фартуков, а женщины не носят таких широких панталон. Вот я и не знала: кто вы такой?

— Превосходно! — воскликнул опять старик, покатываясь со смеху.

— Чему же вы смеетесь? Я не понимаю, — возразила леди Джен, выпрямляясь на стуле, будто обиженная тем, что месье Жерар над ней смеется. — Я нахожу, что если вы мужчина, то вам, должно быть, очень трудно чинить себе платье и штопать чулки, как это делают женщины.

— Ах вы, моя дорогая малютка! Ведь вы знаете, я совсем одинокий, обо мне заботиться некому.

— А я позабочусь! — возразила леди Джен, весело улыбаясь. — Теперь я узнала определенно, что вы мужчина, и когда Пепси научит меня шить, я буду сама чинить ваше платье.

— Крошка моя! — воскликнул старик, пораженный таким великодушием. — Примите от меня еще апельсин.

— О, нет, нет, благодарю! — сказала леди Джен, отводя его руку. — Я сделала только одну покупку, и мне полагается только одна прибавка: больше — будет несправедливо! Теперь пора мне идти! — Спрыгнув со стула, она взяла на руки цаплю, которой, очевидно, понравилось угощение капустными обрезками, и, вежливо простившись со старым лавочником, выпорхнула на улицу.

В глубоком раздумьи сидел старик за чулком, когда девочка ушла; наконец, он тяжело вздохнул, сложил работу и произнес вслух:

— О, если бы Мари была жива! Все шло бы иначе!

Глава 9

Поездка на дачу

Стоял октябрь, было ясное, прохладное утро. Пепси и леди Джен проворно чистили миндаль и орехи, когда на улице застучали колеса и послышалось звяканье жестяной посуды. Это ехала тетя Модя на повозке, которую недавно выкрасили красной краской, ярко сияли вычищенные кувшины для молока. Маленький бойкий мул в красивой сбруе бежал рысцей и остановился как вкопанный у крыльца дома, где жила Маделон. Тетя Модя проворно выскочила из экипажа, обмотала вожжами столб и влетела в комнату, свежая, радостная, как весна.

Тетя Модя и Маделон были сестры-близнецы, поразительно похожие одна на другую: одинаковые румяные широкие лица, блестящие черные волосы, гладко зачесанные назад и свитые в тяжелый узел на затылке. Тетя Модя явилась в светлом накрахмаленном ситцевом платье. На шее у нее был белый кисейный шарф, завязанный большим бантом.

Увидев гостью, Пепси раскрыла объятия, покраснелась от радости и весело крикнула:

— Тетя Модя, как я тебе рада! Вероятно, мама сказала, чтобы ты приехала за леди Джен?

Тетя Модя расцеловала племянницу и ласково обняла леди Джен, точь-в-точь, как это ежедневно делала Маделон.

— Маделон мне говорила о девочке с голубой цаплей, — сказала тетя Модя, — и я тотчас поспешила приехать, чтобы увезти малютку к нам в гости. Я, правда, немного задержалась, но что поделаешь? Дела одолели!

— А какие такие дела, тетя? — с живостью спросила Пепси.

— Да ты, милая, не можешь себе представить, что у нас в доме творится с тех пор, как твоя кузина Мари вздумала играть роль леди. — Тетя Модя сделала при этом презрительную гримасу. — Она поставила весь наш дом вверх дном, а отец не смеет отказать ей ни в чем. Мне, например, очень нравилась наша прежняя обстановка. Нет! — подай ей обои да ковры! Это у нас-то ковры! «Устройте мне, — говорит, — салон!»

— О, какая прелесть! — воскликнула Пепси, всплескивая руками от восторга. — Как мне хочется посмотреть ее салон!

— Увидишь, увидишь его, душа моя! Если даже пришлось бы тебя доставить к нам лежа.

Когда у нас будет свадьба, — и тетя Модя при этом выразительно подмигнула, как бы говоря: «А ее ждать недолго!» — то я любимыми средствами уж доставлю тебя к нам; устрою тебе удобное сиденье! Потерпи, милочка, увезем, увезем тебя непременно!

— Ах, тетя Модя, какая вы добрая! — воскликнула Пепси, взволнованная предстоящим удовольствием.

— А тебя, милушка, — обратилась женщина к леди Джен, личико которой будто отражало радость Пепси, — тебя я увезу с собою сейчас же! Тебе необходимо прокатиться...

— Но ведь тетя Полина не знает об этом. Мне надо зайти домой и спросить позволения уехать, — скромно заметила леди Джен.

— Я сейчас отправлю к ней Мышку, — засуетилась Пепси, обрадованная, что ее любимицу ожидает развлечение. — Слушай, Мышка, — сказала она, обращаясь к черномазой девочке, высунувшейся из-за двери кухни, — беги к мадам Жозен и спроси, разрешает ли она мисс прокатиться в повозке с мадам Пешу. Да принеси свежее платье, шляпу и пояс леди Джен.

Мышка стремглав бросилась через улицу, сверкая пятками. Пепси же принялась тщательно расчесывать кудрявые белокурые волосы девочки-сиротки и делала это так добросовестно, что волосы вскоре заблестели, как золото.

Госпожа Жозен не возражала, хотя не преминула заметить, что повозка не карета, но так как леди Джен еще не взрослая, то неприличного в предстоящей поездке она ничего не усматривает.

Пока Пепси с любовью занималась туалетом леди Джен, тетя Модя и Мышка перенесли из повозки в комнату привезенное с фермы: свежее сливочное масло, домашний сыр, колбасу, кусок свинины и откормленную индейку. Тетя Модя никогда не приезжала без деревенских гостинцев.

Все было готово к отъезду, но леди Джен почему-то ужасно волновалась: она не могла решить — брать или не брать с собою цаплю?

— Возьми ее, пожалуй, — добродушно сказала тетя Модя, — но не забудь, что у меня в доме много ребятишек. Они замучают бедную птицу.

— Я знаю, что мне ее брать с собою нельзя, — печально отвечала леди Джен, — пусть она останется дома! Смотри, милая, будь без меня умницей, — сказала она, обращаясь к птице, — я тебе завтра дам много капустных червей.

Началось прощание. Пепси и Мышка нежно расцеловали леди Джен, а тетя Модя поторапливала их, чтобы не опоздать на ферму. Она выбежала на улицу, подняла верх повозки, усадила девочку на высокое сиденье и, ловко вскочив в экипаж, взяла в руки вожжи, щелкнула ими, и мул побежал рысью под гору, гремя бубенчиками на потеху уличным детям и собачонкам, мчавшимся вслед.

Малютка Джен испытывала огромное наслаждение от быстрой езды по гладкой ровной дороге.

Через полчаса повозка свернула на улицу Французов — великолепную тенистую аллею вдоль берега реки — и остановилась перед двухэтажным домиком, утопавшим в зелени.

Навстречу выбежал четырнадцатилетний мальчик с румяным добродушным лицом. Он растворил ворота, и повозка, стуча по мощеному двору, подкатила к подъезду.

— Тибурций, побыстрее распряги мула и уведи его! — крикнула тетя Модя сыну. Мул, будто понимая ее, помахивал длинными ушами и утвердительно кивал головой.

Папа Пешу снял дорожную гостью с высокого сиденья и расцеловал ее. Вскоре на леди Джен налетела стая ребятишек. Она сначала смутилась: так их было много и так они шумели, — но их искренность и дружеский прием тут же ободрили и развеселили девочку.

Славный выдался денек для леди Джен! Сначала маленькую гостью повели в курятник,

затем на скотный двор, где показали щенят, котят, телят и жеребят. Затем она оказалась в коровнике, где стояли красавицы коровы, ожидавшие, когда наступит время дойки.

Завтракали в саду на траве. После завтрака дети наполнили корзину розами в подарок Пепси, а для Маделон принесли ящик домашнего печенья.

До самого вечера дети играли, бегая на лужайке перед домом. Когда наступил вечер и огромные жестяные кувшины вновь наполнились свежим молоком, мула запрягли в повозку, леди Джен помогли сесть с тетей Модей, наделив девочку обилием лакомств, поцелуев и добрых пожеланий. Хотя она за день устала до невозможности, чувствовала себя необычайно хорошо.

На обратном пути, подъезжая к городу, леди Джен вдруг притихла. Тетя Модя заглянули под поля ее шляпы, думая, что маленькая гостья заснула, но большие голубые глаза ребенка были широко раскрыты, а личико побледнело и осунулось.

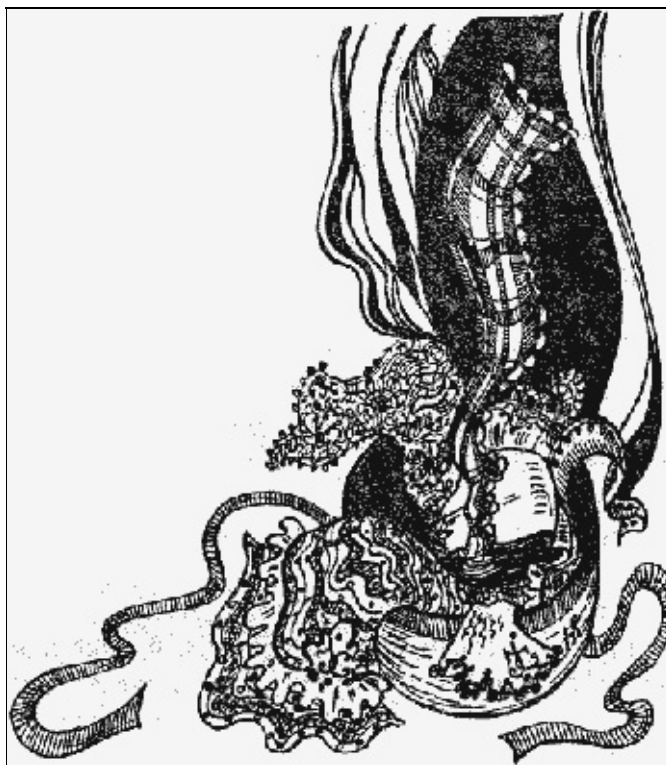
— Милочка! Ты как будто устала? — ласково спросила тетя Модя.

— Нет, ничего, — отвечала леди Джен, вздохнув. — Я все думала о своем пони, о прериях, о папе и маме...

Тетя Модя ничего не ответила, но тоже задумалась: в судьбе девочки-сироты было что-то непонятное и странное.

Слухи, которые распространяла Жозен об умершей молодой женщине и осиротевшей девочке, во многом не соответствовали друг другу. Очевидно, в этой истории крылась тайна, и тетя Модя решила непременно добраться до сути дела. А если эта энергичная добрая женщина уж решалась развязать запутанный узел, она неизменно добивалась успеха.

— Пешу! — обратилась однажды тетя Модя к мужу, когда тот, уставший от дневных работ, укладывался спать. — Угадай, о чем я продумала сегодня весь вечер?

— Трудный вопрос! — ответил с улыбкой Пешу. — Я никогда не думал, что ты на размышления теряешь напрасно время!

— Но ведь это не часто со мной случается, — заметила тетя Модя, усмотрев упрек в ответе мужа. — Но, право, эта мысль гвоздем засела в моей голове. Меня ужасно интересует приемщик госпожи Жозен. В судьбе ее есть что-то подозрительное. Что ребенок не из семьи Жозенов, за это я поручусь головой! На днях как-то я зашла в магазин Жозен купить для Мари ленту. Спрашиваю: откуда в ее доме появилась хорошенькая малютка? «Это наша родственница по Жозенам», — сухо ответила мадам Жозен и сразу перевела разговор. А сегодня я своими глазами видела, когда Пепси надевала на девочку свежее платьице, на рубашечке и юбочке вышитые две буквы: «J.» и «С.». Помни: «J.» и «С.». Не далее, как в конце прошлой недели, я опять зашла в магазин мадам Жозен. Смотрю: она ведет себя неестественно — юлит около меня, расспрашивает, когда назначена свадьба Мари, говорит, что у нее есть кое-какие вещи превосходной работы, которые она хотела бы показать. Затем вынула из шкафа большую картонку и достала оттуда кипу дамского белья. «Ваша барышня, — сказала она, — выходит замуж, необходимо дать ей отличное приданое: так не хотите ли купить у меня это белье? Я дешево отдам».

«Моей дочери батисты не по плечу», — возразила я, перебрав превосходные изделия. На каждой, даже самой маленькой, вещи вышит вензель «J.C.» — те же буквы, что и на белье ребенка. С плутовками церемониться нечего! Я прямо так и брякнула: «Откуда, скажите на милость, могли попасть в ваши руки эти вещи?»

«Это все принадлежало покойной матери Джен, — проговорила Жозен, лицемерно вздыхая. — Мне хочется продать лишнее. Девочка еще маленькая: пока вырастет, белье истлеет; гораздо полезнее вырученные деньги употребить на ее воспитание».

«А что же вы сделаете с вензелем? Придется убирать с каждой вещи „J.“ и „С.“», — сказала

я, умышленно делая акцент на обе буквы и выжидая, что старуха на это ответит. Ты ведь знаешь, какая я увертливая.

«О, мадам Пешу! — воскликнула Жозен. — Как вы не поняли: ведь „J.C.“ обозначает «Жозен Комилла» — инициалы нашей родственницы. Вензель же вышит так вычурно, что и не разберешь. Право, купите рубашки, я вам уступлю!»

«Нет, — возразила я, — не куплю! Это белье слишком тонко для нашей девочки». — А про себя подумала: неужели бы я позволила нашей Мари носить ворованные вещи?

— Тише, тише, Модя! — остановил ее муж. — На тебя могут подать в суд за клевету.

— Нет, это я ее подведу под суд! И это будет справедливо! Пусть-ка Жозен докажет, когда и как умерла мать малютки? Кто был свидетелем ее смерти? Послушаешь только, что девочка рассказывает, — поневоле призадумаетесь. Намедни, возвращаясь со мной с фермы, девочка вспоминала, как они жили в прериях, рассказывала об отце, матери... Мне кажется, что Жозены украли этого ребенка...

— Полно, Модя, не увлекайся! Старуха Жозен совсем не такая дурная женщина, — заметил миролюбивый Пешу. — У нее негодяй сын — это правда! Эдраст — вылитый отец! Я даже слышал, что он и теперь под арестом за какое-то нехорошее дело. Но мать тут ни при чем.

— Хорошо! Посмотрим, посмотрим! — не переставала горячиться тетя Модя. — Одна улика у меня есть верная — это вензель на белье. Что вещи помечены буквами «J.C.», а не «C.J.» — за это головой отвечаю.

— Знаешь, что мы сделаем? — сказал Пешу, немного поразмыслив. — Будем следить за девочкой, и если что — нибудь заметим, я тотчас объявлю себя ее адвокатом. Ты скажи своей сестре Маделон, чтоб и она немедленно сообщила, если заметит что-нибудь подозрительное. Я буду знать, что тогда делать.

— Ну, теперь я спокойна относительно ребенка, — сказала тетя Модя, любуясь мужем. — Каждый в городе знает, что если Пешу взялся хлопотать о каком-нибудь деле, то, значит, дело правое.

Жутко стало бы мадам Жозен, если бы она слышала эти отзывы о ней. По правде сказать, ее и без того постоянно мучили угрызения совести. Чудилось, что за нею следят и в чем-то подозревают. Несмотря на старание быть как можно любезнее, предупредительнее со своими покупателями и соседями, Жозен как-то не везло. Посетителей в лавке было много, торговля шла бойко, но покупатели были с ней холодны, неохотно вступали в разговор и никогда не задерживались в магазине. А ей так страстно хотелось внимания и почета!

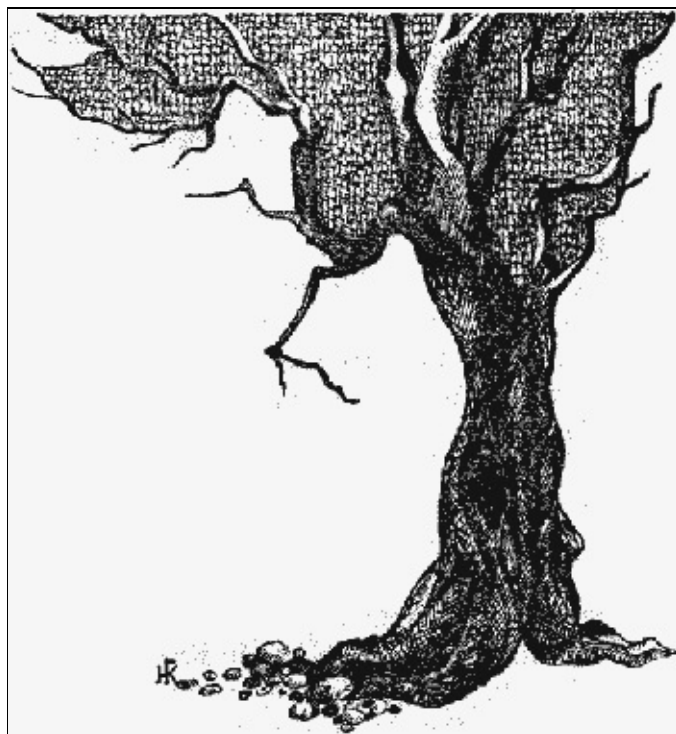
Главным предметом гордости Жозен был сын. Всегда щегольски одетый, хорошо причесанный, с драгоценными перстнями на руках, он целыми днями бродил по кофейням, трактирам, заходил в парки или бродил по тем улицам, где было больше народа, привлекая к себе внимание платьем и ослепительной белизны батистовым бельем, а главное — изящными часиками с вензелем «J.C.»; по примеру матери, он объяснял, что это их фамильная драгоценность.

Кроме Эдраста, Жозен гордилась и малюткой — леди Джен, для которой двери в домах всех соседей были открыты настежь. Посетители магазина Жозен нередко шли туда единственно для того, чтобы полюбоваться прелестным ребенком. Это удовлетворяло тщеславие, но не самолюбие Жозен. Она видела, что леди Джен больше привязана к Пепси, к Маделон и даже к старику Жерару, чем к ней, своей тетке Полине. Девочка была с ней покорна и почтительна, но никогда не ласкалась к ней.

— Змееньша я выкормила! — говорила Жозен, видя из окна, как малютка направлялась к своей приятельнице Пепси. — Чего-чего только я не делала для этой девчонки: недосыпала, недоедала, ухаживала за ней во время болезни! А чем она мне отплатила за это? Чем

вознаградила мои заботы и хлопоты?.. Гордячка этакая! Приди только случай — в грязь втопчет! Вот так всегда отплачивают за добро! Оставь я ее в тот вечер вместе с матерью на улице, они больше бы меня ценили, чем теперь. Кто знает, может быть, для меня и лучше бы было не связываться с ними...

Рядом с овощной лавочкой Жерара, на углу переулочка находился небольшой дом с двумя окнами на улицу, которые всегда были плотно прикрыты ставнями. Никто не помнил, чтобы окна когда-нибудь отворялись. Домик был обнесен высоким зеленым забором, из-за него виднелась масса зелени и цветов.

Каждый день, какая бы ни была погода, леди Джен заходила навестить своего друга месье Жерара и затем продолжала прогулку до зеленого забора, где непременно останавливалась, любуясь разноцветными палевыми, красными и белыми розами, живописно окаймлявшими верх забора. Девочке очень хотелось, чтобы чья-нибудь рука сорвала несколько прекрасных цветов и бросила ей, или чтобы невидимые жильцы домика отворили калитку и позволили ей заглянуть в сад.

Не одна леди Джен — каждый, кто жил на улице Добрых детей, мечтал об этом. Каждому хотелось проникнуть в таинственный уголок. Мало кто из детей улавливал ту минуту, когда молочник или булочник приходили с товаром к загадочному домику. На стук отворялась калитка, и дама под вуалью принимала хлеб или кувшин с молоком. За эти несколько минут любопытные ребята успевали разглядеть за забором прелестный цветник и небольшой фруктовый сад. Днем, гуляя близ домика, леди Джен слышала веселое пение канарейки и мягкие звуки клавикордов, под аккомпанемент которых кто-то пел женским голосом, негромким, но выразительным, романсы и арии из старинных опер. Леди Джен, одаренная от природы музыкальным слухом и прекрасным голосом, могла часами наслаждаться этим пением.

Никто не подозревал, что леди Джен недурно поет. Только Пепси слышала, как девочка, сидя с ней, вполголоса пела колыбельные песни, услышанные от покойной матери. Трогательно было видеть, с каким умилением Пепси, прикрыв глаза, слушала, как ее маленький друг распевала:

Спи, дитя мое, усни!

Месяц в облачной дали

Мирный сон малютке шлет,
Звезд-ягняток стережет!

Но леди Джен никогда не пела в присутствии других, и если Мышка, к примеру, из любопытства прокрадывалась в комнату, девочка тотчас умолкала.

Каково же было удивление старого Жерара, когда, выйдя однажды из своей лавки, чтобы подышать свежим воздухом, он увидел леди Джен под окнами таинственного домика, которые, как всегда, были закрыты ставнями. Девочка держала на руках цаплю; длинные ноги птицы волочились по песку. В домике кто-то пел старческим, но все еще приятным голосом арию из старинной французской оперы, известной Жерару с молодости. Леди Джен стояла точно в забытьи, приподняв немного головку, она вторила исполнителю, да так правильно и чисто, что старик оторопел. Жерар приблизился к девочке, чтобы лучше слышать. Ей поразительно точно удавались рулады, звучание голоса сливалось с аккомпанементом клавикордов. Жерар в волнении скрылся в лавочке и не мог сдержать слез: столько музыка пробудила в нем воспоминаний.

«Такой прелестный голос не должен пропасть! Как жаль, что мисс д'Отрев так неприступна; я поговорил бы с ней, и она, конечно, согласилась бы заниматься с девочкой», — рассуждал старик сам с собою.

Но вот в лавочку вошла леди Джен с цаплей на руках. Вежливо поздоровавшись, она с утомленным видом села на скамеечку. Лицо ее было серьезно и озабоченно.

— Знаете ли, месье Жерар, что я вам скажу? — тихо проговорила она. — Мне очень хочется попасть в этот домик, хочется узнать: кто там поет?

— Я вам сейчас отвечу, моя маленькая леди. Вы спрашиваете, кто там поет? Это мисс Диана!

— Кто эта Диана?

— Диана — дочь мадам д'Отрев! Живут они вдвоем. Чем занимаются — не знаю.

— Они, вероятно, богаты? — продолжала леди Джен.

— Нет, нет, нет, они очень, очень бедны! — ответил Жерар. — Дедушка и отец Дианы умерли давным-давно, и теперь она живет здесь с матерью. Никто не помнит, когда обе дамы сюда приехали. Вот уже десять лет, как я живу на улице Добрых детей, и не помню, чтобы кто-нибудь из посторонних входил в дом или выходил оттуда. Мисс Диана, вероятно, по ночам, когда совсем темно, чистит скамейки перед домом; иначе трудно объяснить, когда она этим занимается. Изредка, рано утром, она заходит ко мне, чтобы купить пару апельсинов для матери.

— А если я рано-рано встану и буду ждать целый день, — как вы думаете, я увижу Диану?

— Может быть, и увидите. Могу вам сказать, маленькая леди, что раз в месяц мисс Диана, вся в черном, под густой вуалью, с темной картонкой в руках отправляется в город. Она выходит из дому с наполненной картонкой, возвращается домой — с пустой.

— Что же она носит в картонке, месье Жерар? — спросила леди Джен, еще больше заинтересовавшись рассказом.

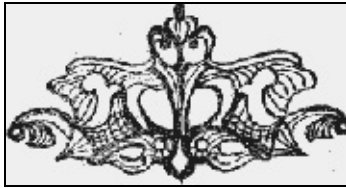
— Не знаю, это ее секрет! — торжественно произнес старик. — Мисс Диана скрытный человек. Когда она ходит на базар? Из чего готовит себе еду? Не знаю, не понимаю! Я видел только, что им на дом приносят хлеб и молоко.

— Но ведь в саду у них так много цветов, птиц! Она каждый день играет на фортепиано, поет! — рассуждала вслух леди Джен. — Может быть, она совсем не голодна и не любит помногу есть?

— Очень может быть, моя маленькая леди, — улыбнулся Жерар, — мне это в голову не приходило; очень может быть!

— Ах, месье Жерар! А я совсем забыла. Пепси просила меня принести кочан капусты! — сказала леди Джен, возвращаясь к своим обыденным заботам.

Старик выбрал самый свежий кочан, а ей самой предложил в виде подарка сочный апельсин, и девочка ушла.

Глава 12

Новое знакомство

Однажды утром леди Джен была вознаграждена за терпеливое ожидание. Гуляя, как всегда, вдоль зеленого забора, она услышала, что замок щелкнул, калитка отворилась, и пожилая женщина, высокого роста, сухощавая, с бледным лицом, остановилась у порога и сделала знак, чтобы девочка подошла.

В первую минуту леди Джен отступила несколько назад, думая, что незнакомая дама недовольна тем, что она прогуливается возле их дома. Но леди Джен поборола неловкость и с улыбкой подошла к калитке.

— Не хотите ли, милочка, к нам в сад посмотреть цветы? — спросила женщина, открывая калитку и предлагая девочке войти.

— Если можно, позвольте, — едва слышно произнесла леди Джен, вспыхнув от радости. — А Тони я могу взять с собой?

— Конечно! Мне любопытно увидеть эту птицу поближе. Я очень рада! — прибавила дама, опуская руку на плечо ребенка. — Я давно наблюдаю за вами.

— Наблюдаете? Как? Откуда? — спросила девочка и весело улыбнулась.

— Да сквозь отверстия в заборе; оттуда мне многое видно, даже больше, чем вы можете представить, — закончила дама и тоже улыбнулась.

— Значит, вы видели, как я хожу здесь и жду, жду... Ах, зачем вы раньше меня не позвали? — сетовала леди Джен. — Мне так давно хочется к вам заглянуть. Вы разве не слышали, как я вместе с вами пела?

— Нет, не слыхала.

— Это вас зовут мисс Диана?

— Да, меня. А как ваше имя?

— Мое? Леди Джен.

— Леди Джен? Леди? Да ведь так титулуют только людей знатного происхождения!

— Не знаю! Но меня папа всегда звал леди Джен.

Леди Джен отправилась за Дианой в дом. Небольшая стеклянная галерея вела в спальню

поразительной чистоты. Там, рядом с высокой постелью, полуприкрытой шелковым занавесом, стояло удобное мягкое кресло, где сидела женщина, до того немолодая, что леди Джен никогда не приходилось видеть людей такого возраста. У нее были белоснежные, точно напудренные, волосы и морщинистое, худощавое лицо.

— Мама! Вот девочка с цаплей, о которой я вам часто говорю, — сказала Диана, пропуская перед собой леди Джен, и добавила — Это моя мама.

Старушка подала руку гостье, ласково погладила ее по волосам и спросила тихим, неровным голосом:

— Дитя мое, вы такая крошка, вам не тяжело носить на руках такую большую птицу?

— У Тони только ноги длинные, а она не тяжелая. Хотите ее поддержать? — весело предложила леди Джен, протягивая старушке птицу.

— Нет, нет! Не надо, не надо! Я не хочу до нее дотрагиваться, мне только интересно, как она ходит. Ведь это журавль, не правда ли?

— Это — голубая цапля. Редкость, говорят! — заметила леди Джен, опуская птицу на пол.

— Да, в самом деле, это не журавль, — сказала Диана, критически рассматривая цаплю.

Цапля же, по обыкновению, поджала одну ногу и неуклюже прыгала на другой, что не делало ее привлекательной.

— Вот она у меня какая! Как только я захочу, чтобы она показала крылья, — сейчас же ножку подождет и стоит, как каменная.

— А все-таки она и прехорошенькая, и престранная! — сказала Диана. — Мне хотелось бы вылепить такую птичку.

Она при этом вопросительно взглянула на свою старенькую мать.

— Не думаю, душа моя, — возразила дрожащим голосом старушка, — чтобы тебе удалось сделать с нее слепок. Посмотри, какие у нее тонкие ноги: никакой сургуч не выдержит — непременно будет колоться.

— Я попробую сделать ноги из проволоки и покрыть их сургучом, — рассуждала Диана, рассматривая единственную ногу, на которой в это время стояла Тони. — Посмотрите, мама: проволоки понадобится немного, и то в один ряд.

— Знаю, знаю, душа моя; но ты забыла о шерсти: ведь надо шерсть подобрать под цвет перьев.

— Мадам Журдан обещала прислать мне шерсти в кредит.

— Диана, Диана, какой риск! Представь себе, что работа не удастся, а ты израсходуешь шерсть. Советую не отказываться от утят и канареек: они у тебя выходят такими естественными! Как живые!

— Но, мама, мне уже надоело делать утят и канареек. Надо придумать что-нибудь новое, оригинальное!

— Прекрасно, я тебе не противоречу, особенно, если ты уверена в успехе. Но, повторяю, рискованно браться за новую модель и тратить материал, предназначенный для утят, на не известную никому работу. Обдумай это хорошенько, чтобы шерсть даром не пропала.

Пока длился разговор между матерью и дочерью, быстрые глаза малютки обежали комнату.

Спальня была крошечная. Пол обычный, крашенный, без ковра. На стенах не было украшений. На каминном выступе стояли образцы рукоделия мисс Дианы: искусственные деревца из проволоки, обмотанные зеленой шерстью разных оттенков. На ветвях этих деревьев довольно ловко были прикреплены птички из шерсти белого и желтого цвета. Желтенькие канарейки с носиками и лапками из сургуча, круглыми черными глазками из бисера были похожи на живых птиц. Леди Джен с нетерпением ждала, когда ей разрешат дотронуться до этих сокровищ.

— Ах, какая прелесть! — вздыхала она вполголоса. — Какие они мягкие, пушистые! Неужели это настоящие птички? Они гораздо красивее моей Тони. Ну, правда, Тони умеет прыгать и бежит ко мне, когда я ее зову, а эти птички мертвы.

Мадам д'Отрев и ее дочь с удовольствием следили, как радовался ребенок.

— Ты видишь, душа моя, — задребезжал старческий голос мадам д'Отрев, — ты видишь, что даже малышка сумела оценить твою гениальную способность подражать природе. Я всегда говорила, что твои птички удивительно натуральны! Дети не лгут, они искренни в своих похвалах, и если вещь хорошо сработана, они обязательно это оценят. Покажи ей утят, душа моя, непременно покажи! По-моему, они еще натуральнее, чем канарейки!

Грустное, всегда почти серьезное лицо Дианы просияло, когда леди Джен вне себя от восторга запрыгала и захлопала в ладоши при виде желтеньких, покрытых пухом игрушечных утят, расставленных на столе у окна, среди лоскутков яркой фланели, палочек сургуча и груды шерсти желтого цвета.

— Хотите вам их поддержать? — спросила Диана, выбирая из группы пару утят.

Девочка молча протянула розовые ладони и, зажав пальчиками утят, принялась их гладить и целовать.

— Какие хорошенькие! — проговорила она.

— Да, они недурны, — скромно заметила Диана. — Вы угадали, для чего я их делаю?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Для письменного стола. Я их буду пришивать к коврикам из разноцветного сукна, чтобы вытирать о них перья.

Диана, которую соседи считали аристократкой, изготавливала для игрушечной лавки мадам Журдан шерстяных канареек и утят; заработок нужен был, чтобы кормить свою старую мать и себя.

В этот день совсем неожиданно леди Джен приобрела новых добрых друзей.

В первый визит к д'Отревам леди Джен до того заинтересовалась работами Дианы, что не обратила внимания на фортепиано и цветы, украшавшие вторую комнату.

Но придя к новым друзьям вторично вместе со своей любимицей — голубой цаплей, которая так неожиданно стала моделью, леди Джен критически отнеслась к старинному музыкальному инструменту. Осмотрев его со всех сторон, она робко спросила у Дианы:

— Скажите, пожалуйста: это фортепиано?

Диана, мастерившая в эту минуту из сургуча длинную ногу цапли, не поворачивая головы, ответила девочке:

— Да, душа моя, это — фортепиано. Ты когда-нибудь видала такие?

— Как же! Я даже играла дома. Мама меня учила. Но наш инструмент гораздо больше вашего, его называли роялем, и он не похож на ваше фортепиано.

Диана обменялась взглядом с матерью.

— А где вы, милочка, жили? — спросила она.

— В прериях.

— Да в каком месте? Где эти прерии?

— Не знаю, — отвечала девочка. — Далеко, далеко отсюда есть такое место; там кругом поля и луга, поля и луга, и много, много лошадей, овец. У меня там были свои маленькие барашки.

— Значит, та дама, с которой вы живете, не мама ваша? — спросила Диана.

— Она просто тетя Полина. Моя мама уехала и должна вернуться. Я думаю, что теперь уже недолго ждать.

Лицо маленькой девочки при этом вспыхнуло от радости.

— А вы любите музыку? — спросила ее Диана, чувствуя, что надо отвлечь девочку от этой темы.

— А разве вы не слышали, как я пела, стоя под вашими окнами? — спросила Джен, с лукавой усмешкой глядя на нее. — Я нарочно пела как можно громче, чтобы вы меня услышали и позвали в гости.

— Крошка моя милая! — сказала Диана, лаская девочку. Затем она, обернувшись к матери, произнесла по-французски — Мне хотелось бы учить ее музыке, если найдется время.

Леди Джен внимательно смотрела то на мать, то на дочь.

— Я ведь учусь французскому языку, — сказала она.

— Пепси дает мне уроки. Скоро вы сможете говорить со мной всегда по-французски: я знаю уже много фраз.

Диана рассмеялась.

— Значит, ты поняла, что я хочу учить тебя музыке? Ты согласна?

— Как! Вы хотите учить меня играть на фортепиано? — воскликнула девочка.

— Играть и петь. Всему научу.

— Хотите, я вам сейчас спою? — спросила, раскрасневшись от волнения, леди Джен.

— Хорошо, пой! А я пока dokonчу ногу Тони. А потом я и сама тебе спою.

Леди Джен закинула назад голову, подняла глаза немного кверху, и из груди ее полилась мелодия, до того музыкальная, что Диана всплеснула руками от восторга. Она забыла и шерсть, и ногу цапли, и беспрестанно крошившийся сургуч — сидела молча и слушала, как зачарованная. Ее мать, закрыв глаза, покачивалась в такт нежной колыбельной песне.

— У тебя прекрасный голосок! — воскликнула Диана, когда леди Джен окончила петь. — Ты обязана учиться! Я должна давать тебе уроки! Это преступление не развивать такой чудесный голос!

Мать и дочь начали обсуждать, как начать обучение девочки пению. А тем временем леди Джен с наслаждением разгуливала в саду среди душистых цветов.

Диана довольно долго не появлялась. Она вела с матерью разговор о том, сколько раз в месяц заниматься с леди Джен музыкой. Наконец было решено, что два часа в неделю следует посвящать занятиям.

Диана поспешила в сад сообщить леди Джен, что если ее тетка одобрит их план, то девочка может приходить на занятия каждую субботу от часа до трех.

— Вы будете у меня брать уроки музыки и пения, а после урока, если вам захочется, сможете посидеть в саду.

Леди Джен бросилась к Пепси сообщить эту радостную новость. К великому удивлению, всегда веселая и благоразумная, Пепси залилась слезами и припала к столу, усеянному скорлупой орехов.

— Пепси! Милая, милая Пепси! Что с вами? — воскликнула девочка, испугавшись нервного припадка приятельницы. — Скажите, в чем дело? — И, оттолкнув от себя цаплю, она тоже расплакалась.

— Я... я... ревную тебя! — проговорила, всхлипывая, Пепси, вытирая глаза платком. — Это глупо, я знаю, но что же мне делать?.. Мне не хочется, чтобы ты ходила к ним...

— Перестаньте, Пепси! Перестаньте! — уговаривала ее леди Джен. — Я люблю вас гораздо больше, чем Диану. Мне только хочется учиться музыке! Я буду стараться хорошо играть, но вас никогда, никогда не разлюблю!

— Я не хочу, чтобы ты меня разлюбила! Не хочу, чтобы кто-нибудь был тебе ближе, чем я! — кричала Пепси, покраснев и двигаясь на своем стуле в страшном возбуждении.

— Пепси, неужели вы на меня сердитесь? О, не сердитесь, прошу вас! Я не буду учиться музыке! Пепси, дорогая моя, хотите, я подарю вам цаплю! — И, говоря это, малютка старалась обнять своего друга за шею.

Последнее доказательство самоотверженности леди Джен так тронуло Пепси, и беспокойство ее точно рукой сняло.

— Крошка моя бесценная! — восклицала она, обнимая девочку и целуя ее. — Какая ты

добрая, кроткая! А я-то злая эгоистка! Диана хочет тебе добра, а я отговариваю! Не заслуживаю я твоей любви, моя душечка! С моей стороны это низко — лишать тебя счастья!

В эту минуту в комнату стремительно вбежала Мышка. Увидав Пепси в слезах, она вспыхнула, и выражение ее лица стало злым.

— Мисс леди! Что вы такое с моей барышней сделали? Отчего она так горько плачет? Того и гляди, занеможет. Ее мама наказала мне присмотреть, чтобы с вами чего-нибудь не случилось, а вы разобидели до того нашу Пепси, что она вон как заливается! Да что это в самом деле!

— Тсс, Мышка, — остановила ее Пепси, — ты не должна осуждать Джен: виновата во всем одна я! Я ее приревновала к Диане и не хотела, чтобы она шла к ней учиться музыке.

Леди Джен, не вполне понимая причину такого внезапного гнева Мышки, начала горячо оправдываться по-своему:

— Я ее не обидела, Мышка! Она плачет потому, что думает, что я ее разлюбила. Видишь, в чем дело: Диана и ее мать — гордые француженки. Пепси думает, что если я буду к ним ходить, то также сделаюсь гордячкой. Вот почему она плачет.

— Слышите, люди добрые! — кипятилась Мышка. — Диана — гордая француженка! Скажите пожалуйста! Худая, бледная, точно из могилы встала, — это гордая француженка!.. Встанет ни свет ни заря, выйдет на улицу и ну — тереть скамеечку перед крыльцом! Уж она трет, трет ее кирпичом, точно работница.

— Если она сама чистит свою скамейку — значит, они очень бедны, — рассудила благоразумная Пепси, — а если бедны, то значит, не гордые.

Когда леди Джен попросила у мадам Жозен позволения заниматься музыкой с Дианой, та с радостью согласилась. Это было для нее неожиданностью, приятным сюрпризом. Шутка ли, мадемуазель д'Отрев берет к себе в ученицы ее племянницу! Это очень поднимет репутацию мадам Жозен. Нет сомнения, что и она сама рано или поздно войдет в этот дом.

Но никто из друзей леди Джен так восторженно не радовался ее успехам, как старый Жерар.

— Отлично, отлично, маленькая леди! — говорил он, потирая с улыбкой крошечные худые руки. — Вам везет, везет! Нечего сказать! Попасть в ученицы к такой высокообразованной учительнице, как Диана д'Отрев, — большое счастье! Она поставит ваш голос. Люди думают, что старик Жерар ничего не понимает, но ошибаются! Им и в голову не приходит, кем я был смолоду. Нет такого музыкального произведения, которого бы Жерар не слышал в своей жизни. Когда я состоял при французской опере, посмотрелся и наслушался таких прелестей, каких иному не доведется узнать за всю жизнь.

— Разве вы состояли при французской опере? — перебила леди Джен, и глаза ее засверкали. — Пепси говорит, что я буду там петь со временем, мне будут дарить цветы... я буду ходить в белом атласном платье, ездить в коляске на белых лошадях...

— Очень может быть! Я ничему не удивлюсь! — сказал Жерар, с гордостью поглядывая на девочку, и лысая голова его склонилась набок, точно у внимательно слушающей птицы. — У вас такой голос, я вам скажу, от которого камни заплачут.

— О, месье Жерар, да когда же вы слышали мое пение? — с удивлением спросила девочка. — Я пела только при Пепси и при Диане, — где же вы были тогда?

— Я вас слышал, слышал, маленькая леди, — настаивал старичок, лукаво подмигивая. — Это было утром. Диана пела в доме, а вы ей вторили, на улице у ворот. Пели вы, как птичка, но не замечали, что я вас слушаю.

— Неужели? — сказала, смеясь, девочка. — Как я рада, что вы слышали, как я пою. Хотите, я вам когда-нибудь спою «Спи, дитя мое, усни»?

— С величайшим удовольствием! — сказал Жерар. — Я обожаю музыку. А я так давно не

слышал хорошей музыки, — прибавил он со вздохом, — так давно! Вы даже не поверите, маленькая леди, какой я был в те времена.

— Вы тогда не завязывали себе уши платком, месье Жерар?

— Как можно? Ведь теперь оттого они завязаны, что у меня «стреляет» в ушах.

— А вы не носили фартук? Не штопали чулок? — допрашивала леди Джен, которой очень хотелось знать, в чем старик изменился.

— Носил ли я фартук? — расхохотался старик Жерар, поднимая руки кверху. — Конечно, нет! Я был, что называется, красивый молодой человек: черные волосы мои слегка кудрявились, и — хотите — верьте, хотите — нет — я щеголял в черных шелковых панталонах, носил лакированные башмаки с бантами.

— Неужели, месье Жерар, неужели? — спрашивала леди Джен, причем маленькое личико ее так и сияло от радости. — Воображаю, как вы были красивы! Но у вас тогда не было овощной лавочки?

— Конечно, нет; я тогда занимался совсем другим. Я же вам сказал: я был, что называется, красивый, изящный джентльмен!

— Чем же вы занимались, месье Жерар?

— Я был профессором, моя маленькая леди.

— Профессором! Что это за слово?

— Профессором называется джентльмен, который дает уроки.

— Значит, вы давали уроки музыки? О, я это давно угадала! — сказала леди Джен.

Жерар лукаво улыбнулся и покачал головой.

— Нет, нет, вы не отгадали, дорогая леди, я не был учителем пения!

— Ах, как жаль! — разочарованно воскликнула леди Джен.

— Но я был учителем танцев! — гордо произнес месье Жерар, несколько подавшись вперед. — Да, и был известным балетмейстером Парижской оперы!

У леди Джен широко раскрылись глаза от изумления.

— Неужели? — спросила она, оглядывая старика.

— Да, милая леди, это так! И я с завтрашнего дня начну учить вас грациознейшим танцам.

Леди Джен в восторге захлопала в ладоши.

— Ах, как это будет интересно! — воскликнула она. — Я хочу начать учиться сейчас же!

— Но только тсс!.. — произнес старик, прикладывая палец к губам. — Это должно быть тайной, маленькая леди Джен!

Леди Джен обещала старику хранить в строжайшем секрете решение об уроках танцев, но он позволил сообщить об этом ее другу — Пепси.

Глава 14

Приключения леди Джен

Наступили праздники. Какие бы желания, надежды, расчеты ни таились в душе маленькой леди Джен, она не по-детски сумела их скрыть и все праздничные дни была весела, мила и внимательна к окружающим. Но Пепси, зорко следившая за своей любимицей, не раз замечала, что девочка ни с того ни с сего вдруг задумывалась. Что касается праздничных подарков, которые в известной мере свидетельствуют о нежности и внимании друзей и знакомых, то в этом у леди Джен не было недостатка.

Первое, что бросилось ей в глаза, когда она проснулась в день праздника, был висевший черный чулок, туго набитый. Леди Джен бросилась рассматривать, что лежало в чулке. Эдраст, всегда нуждавшийся в деньгах, и тот вспомнил о девочке: он преподнес ей разодетую куколку, с поясом, который был украшен дорогой пряжкой. Пряжка предназначалась, конечно, не кукле, а самой леди Джен. За пояс куклы была вложена изящная визитная карточка с надписью крупными буквами: «Эдраст Жозен поздравляет с праздниками». На столе оказалась корзина с фруктами от месье Жерара; тут же леди Джен отыскала будто притаившегося в зелени прелестного желтого утенка и сразу догадалась, что его прислала Диана.

Это были первые домашние сюрпризы. Новые удовольствия ожидали Джен у Пепси; та требовала, чтобы ее сделали свидетельницей радости своего маленького друга, и распорядилась, чтобы в ее комнате, рядом с рабочим столом, был еще один столик — пониже. На этом столике расставили подарки от семьи Пешу. Маделон и Пепси присоединили к ним и сюрпризы от себя, а сверху все покрыли скатертью. Как только «леди Джен» вбежала в комнату, скатерть сняли — и глазам девочки представилась груда игрушек, книг с картинками и прочее.

Из всех подарков леди Джен больше всего дорожила серебряным наперстком — от Пепси, уточкой — от Дианы и тетрадкой с музыкальными пьесами — от Маделон.

Когда первый восторг миновал, леди Джен пообедала со своими друзьями и осталась у них на весь день.

— Мне очень нравятся праздники, — говорила Пепси, когда они остались вдвоем с леди Джен. — Приезжает тетя Модя с детьми, привозит конфет, гостинцев из деревни, мальчишки

устраивают фейерверк. На улице с утра до вечера езда, нарядные толпы людей, а вечером пускают ракеты, римские свечи^[1]. Все веселы, поздравляют друг друга с Новым годом! Так хорошо!..

В комнату вошла Мышка; зубы ее сверкали в широкой улыбке, которая освещала смуглую физиономию служанки. Она подошла к Пепси и леди Джен с каким-то таинственным видом.

— Я вас, барышни, не поздравила с праздником, — сказала она на ломаном английском языке. — Мне и в голову не приходило, что в этот день раздают подарки. Денег у меня нет на покупку кукол и других игрушек, — я вам принесла в подарок коврижку; говорят, она вкусная. Ешьте на здоровье! — И, говоря это, маленькая негритянка развернула большой лист желтой бумаги и вывалила на стол толстую коврижку из темной муки грубого помола.

Пепси не ошиблась: праздник прошел весело. Приехали дети Пешу, как было обещано, и навезли кучу гостинцев, сладостей. Какой был обед! Леди Джен долго его вспоминала. Тетя Модя, не желая оставлять мужа одного в праздничный день, утром же вернулась к себе на ферму, а детям разрешила остаться до вечера.

Когда гости уехали и в скромной комнатке Пепси водворилась обычная тишина, леди Джен заметила, что праздник прошел очень весело.

— А вот погоди! — говорила Пепси, таинственно улыбаясь, — Наступит день карнавала, и тогда ты увидишь, как у нас веселятся!

Любопытство леди Джен эти слова Пепси усилили, и она с нетерпением стала ждать. Время летело незаметно среди ежедневных уроков и репетиций. Пепси учила ее читать, писать и шить; Диана заставляла ежедневно повторять гаммы, к немалой досаде старушки, которая придерживалась мнения, что девочка слишком мала, чтобы ее руки уставали от бесконечных упражнений.

За уроком музыки и пения следовала репетиция танцев, что всегда особенно развлекало Пепси и Мышку. Пепси была в роли очарованного зрителя, а Мышка всячески старалась заменить месье Жерара, становясь против танцующей девочки и хлопая в ладоши. Но что было всего уморительнее — это живое участие голубой цапли, силившейся подражать своей юной хозяйке. Цапля то величаво выступала, то неуклюже прыгала на месте, то порхала из угла в угол, взмахивая тяжелыми крыльями и явно уступая в грации старому Жерару.

Раз как-то Мышка, проходя мимо овощной лавочки Жерара, стала свидетельницей урока танцев, который леди Джен брала у бывшего балетмейстера. С этой минуты черномазая плутовка не могла без смеха смотреть на невысокого профессора танцев.

— О, мисс Пип! — говорила она, прибежав впервые к своей барышне и задыхаясь от смеха. — Кабы вы поглядели на мистера Жерара, как он стоит, вывернув носки обеих ног, приподняв складки широких панталон, и затем начинает танцевать. Умора, да и только!

Мышка стала в позу мистера Жерара и силилась передать его грациозные движения.

Пепси, глядя на нее, хохотала до слез.

— А наша мисс леди, — продолжала, не унимаясь, маленькая негритянка, — стоит против учителя и точь-в-точь повторяет каждое движение. Только у нее все так выходит, что глаз не отведешь, все смотреть хочется. Держит обеими ручками юбочку и вокруг старика так и носится, так и носится! Ну, точно бабочка!

— Замолчи, трещотка! — остановила Мышку Пепси, вытирая слезы, вызванные смехом. — Ты стоишь, чтобы тебя потрепать за то, что позволяешь себе насмеяться над почтенным месье Жераром.

Видя, что мисс Пепси не на шутку рассердилась, маленькая негритянка обиделась и, уходя в кухню, ворчала:

— Разве я насмехаюсь? Я только рассказывала, что видела! Кто же виноват, что старик так

уморительно скачет, точно стрекоза!

Накануне карнавала леди Джен, войдя утром к Пепси, была очень удивлена: ни орехов, ни миндаля, ни горячего сиропа не было; рабочий стол исчезал под обрезками розовой материи, над которой Пепси усердно трудилась, сметывая полотно, пришивая банты и оборочки.

— Пепси, что это вы делаете? — спросила, подбегая, девочка.

— Шью домино!^[2] — отрывисто сказала Пепси, у которой рот был набит булавками.

— Домино? — повторила девочка. — Это что за слово? Я о нем не слыхивала.

— Ничего нет мудреного; ведь ты раньше не бывала на праздничном маскараде, — сказала Пепси, расправляя совсем уже сметанное детское домино и улыбаясь.

— Для маскарада? Я ничего не понимаю! — сказала леди Джен, немного обиженная таинственным занятием Пепси.

— Ну да, я готовлю это домино кое для кого ко вторнику! — говорила Пепси, продолжая секретничать.

— Пепси, милая, скажите: для кого? Если это секрет, я никому не расскажу!

— Я шью домино для одной моей знакомой девочки! — протянула Пепси, выразительно щелкая ножницами и таинственно улыбаясь.

Леди Джен, обнявшая было ручонками шею своего друга, вдруг задумалась, будто огорчилась, отошла в сторону, вскарабкалась на стул и стала пристально следить за быстрыми, бойкими движениями рук Пепси.

А та посмеивалась и продолжала резать материю, пришивать оборочки и насаживать банты.

— Неужели, леди, ты не догадываешься, для кого я это делаю? — спросила она, не отрываясь от работы.

— Для Софи Пешу? — робко заметила леди Джен.

— Совсем нет: та девочка мне вовсе не родня!

— Других я не знаю!.. Пепси, да помогите мне угадать.

— Ах ты, глупенький, глупенький мой цыпленочек! — засмеялась Пепси.

Леди Джен широко раскрыла глаза и, поразмыслив, вспыхнула от радости.

— Это мне? Мне! Неужели мне? — вскричала она, соскакивая со стула и бросаясь целовать своего друга. — Милая, хорошая вы моя Пепси! Отчего вы мне сразу не сказали?

Пепси рассказала леди Джен, что тетя Модя приезжала спозаранку и приглашала леди Джен поехать с ее детьми на улицу Канала, чтобы посмотреть на карнавальное шествие. Жестяные кувшины она обещала убрать и на их место поставить скамеечку, куда можно будет усадить младших.

Пока Пепси угощала свою любимицу завтраком, она подробно рассказала ей о планах тети Моды на завтрашний день. Дети упрашивали мать устроить так, чтобы леди Джен вместе с ними приняла участие и в уличном маскараде. Тетя Модя с этой целью и прикатила к Пепси спозаранку.

— Что станешь делать? — говорила, смеясь, тетя Модя, входя в комнату Пепси ни свет ни заря. — Ты уж, милая, не пеняй на меня! У моих детей правило — коли веселиться, так уж веселиться. Для них немислимо, сидя в повозке, любоваться на праздник или забиться где-нибудь на скамейке в галерее; им надо быть со всеми, в толпе, наслаждаться зрелищем. Как я ни ломала голову, а придумала только одно: нарядить их в домино, да и пустить вместе со всеми!

— Боюсь за нашу малютку — леди, — возразила Пепси, — она не привыкла к толпе: не потерялась бы там.

— Не бойся! Я наказала своему старшему сыну, Тибурцию, присматривать за меньшими и постоянно держать за ручку леди Джен. А ты, кроме того, и Мышку отпусти с ней; у меня есть ее старое домино, оно еще ей будет впору. Пусть она держит леди Джен за другую руку; тогда

за девочку и бояться нечего!..

Так было решено об участии леди Джен в праздничном гулянии.

На следующее утро к крыльцу квартиры Маделон подкатила знакомая повозка. Леди Джен, закутанную в розовое домино, с розовой маской на личике, вынесли из дома и усадили среди стайки малышей тети Моды. Пепси, вся в слезах, следила из окна за своей любимицей и с улыбкой кивала ей головой. Голубая цапля, стоя на одной ноге, будто с презрением, посматривала на суету, происходившую рядом. Голубые глаза леди Джен так и сверкали в прорезях маски, а маленькие Пешу чуть не задушили ее в объятиях, стараясь усадить девочку в повозку как можно удобнее.

Для Мышки не оказалось места в повозке, и черномазая девочка в красном домино с черными крыльями летучей мыши понеслась во всю прыть к месту, назначенному тетей Модой для сбора.

Когда повозка проезжала Садовую улицу, дети не могли удержаться от хохота, видя, как Мышка, хлопая черными крыльями, мчалась по тротуару, боясь опоздать к началу шествия.

Наконец повозка остановилась. Дети высыпали из экипажа; Мышка, запыхавшаяся, подросла вовремя. Тетя Модя провела смотр своему небольшому отряду.

— Тибурций, слушай, что я буду говорить! — сказала она повелительным тоном. — Ты здесь старший, потому я тебе поручаю младших, в особенности — леди Джен: держи ее за ручку и не отпускай! Помни мои слова: не потеряй ребенка! Ты, Мышка, держи девочку за другую ручку, да крепче, смотри. Ты, Софи, ступай впереди брата с двумя меньшими; двое средних пусть сами следуют за ним. Не ходите вразброд, держитесь вместе, ведите себя прилично, не убегайте в другие улицы. Как только маскарадная процессия пройдет мимо вас, тотчас же возвращайтесь домой! Вы, верно, устанете к тому времени, проголодаетесь, — повозка для вас будет готова: сразу уезжайте на ферму! Ты, Мышка, заруби себе на носу, что барышня тебе приказывала: если с мисс леди что-нибудь случится — и на глаза ей не смей показываться!

Мышка растопырила свои черные крылья и стала уверять, что исполнит все приказания и скорее бросится в воду, чем не сохранит леди Джен.

Не успела тетя Модя вскочить в свою тележку, как все ее малыши упорхнули, весело побежали по улице в сторону главной площади.

Малютка леди Джен, оглушенная шумом и гамом пестрой толпы ряженных, сначала было струсил, но затем, схватившись за руки Тибурция и Мышки, весело побежала вместе с ними.

Пестрый поток ряженных уносил их с собою.

Мышка сначала вела себя безупречно: солидно выступала подле леди Джен, не выпуская ее руки, и только изредка помахивала свободным крылом, как бы порываясь на свободу, что всякий раз вызывало взрыв смеха со стороны всего «выводка» Пешу. И в самом деле, Мышка очень напоминала фантастическую птицу с перебитым крылом. Мало-помалу, однако, роль попечительницы начала не на шутку тяготить Мышку, и наконец она не выдержала. Позабыв клятвы, не подумав о возможных последствиях послушания, она оставила руку леди Джен и, высоко взмахнув своими крыльями, нырнула в толпу. Только ее и видели.

Между тем процессия приближалась. Толпа становилась все гуще и гуще. Детей толкали и теснили со всех сторон. Тибурций не растерялся: решительно пустив в ход кулаки и локти, он со своей командой пробился сквозь толпу на тротуар и, выбрав удобный широкий подоконник, поставил на него леди Джен, чтобы она могла лучше видеть происходившее. Остальные малыши, под предводительством Софи, разместились на тротуаре. Таким образом, леди Джен могла отлично видеть шествие.

Когда процессия прошла, толпа начала редеть. Казалось, все идет отлично. Тибурций с

честью держался на своем ответственном посту. Но — увы! — бывают минуты, когда и сильный не устоит перед соблазном. Наступила такая минута и для Тибурция.

В восторге от увиденного дети возвращались к тете Моде, как вдруг наткнулись на толпу, собравшуюся у подъезда одного из клубов. С балкона подгулявшая компания молодых франтов со смехом кидала в толпу мелкие деньги. Старый и малый наперебой бросались ловить их. Десятки рук мелькали в воздухе, шум стоял невообразимый.

Первым побуждением Тибурция было обойти толпу, но тут, как на грех, блеснула новенькая серебряная монета, лежавшая на краю тротуара: достаточно было сделать несколько шагов в сторону, чтобы взять ее. Не в силах противиться искушению, мальчик выпустил руку леди Джен и побежал за монетой.

Леди Джен не поняла, как случилось, что в одно мгновение она оказалась одна: бегущая толпа отеснила ее от детей Пешу и увлекла за собою.

Долго девочка бежала, сама не зная куда. Когда поняла, наконец, что одна среди чужих, то в страхе стала метаться в разные стороны, цепляясь за каждое домино, которое напоминало ей кого-нибудь из ее товарищей, и выкрикивала отчаянным голосом:

— Тибурций! Софи! Нинетта!

Наконец она почувствовала, что не может больше бежать. Измученная, в поту, она проскользнула на тротуар и в изнеможении опустилась у ближайшего подъезда.

Девочка сидела неподвижно, глядя на мелькавших мимо людей. Она не понимала, что ей делать. Сначала леди Джен не было страшно: она надеялась, что Тибурций скоро найдет ее. Только ноги болели от усталости и хотелось спать. Но увидев, что время идет, а за ней никто не приходит, девочка готова была заплакать. Однако, рассудив, что это не поможет, она удержалась от слез. Болела голова, во рту пересохло от жажды, хотелось есть, а Тибурций все не приходил. Что, если о ней совсем забыли?

Эта мысль была так ужасна, что девочка не смогла усидеть на месте. Забыв усталость, она бросилась отыскивать своих друзей. Обратной дороги она не знала; да если б и знала, то вряд ли нашла бы своих друзей; топот и говор оглушали ее и сбивали с толку. Вдобавок начались новые неприятности; видя, что девочка бежит одна, какой-то бесенок в маске пребольно толкнул ее в бок, другой — дернул за капюшон.

Леди Джен, точно перепуганный зайчик, забежала в ближайший подъезд и, притаившись, ждала, когда ее мучители пройдут мимо.

После получасового скитания леди Джен снова очутилась возле подъезда, у которого она оказалась после того, как ее так легкомысленно оставили одну. Обрадовавшись знакомому месту, она поспешила усесться на ступеньку. Ноги девочки отказывались идти, лицо горело; ей очень хотелось снять маску, но она не решалась: почему-то ей казалось, что пока лицо под маской — безопаснее.

Сидя на ступеньке и размышляя, как быть дальше, она увидела, что к соседнему дому подъехала коляска, из нее вышли трое мужчин — один из них был совсем молодой. Когда юноша повернулся лицом к леди Джен, она встрепенулась, вскочила на ноги и, протянув к нему руки, крикнула:

— Это я! Это леди Джен!

Юноша удивленно обернулся на крик. Слов он не разобрал, но голос кричавшей девочки был такой жалобный, что у него сжалось сердце. Он всматривался в маленькую фигурку в

перепачканном домино и подумал: «Должно быть, это уличный мальчишка». Затем, не задерживаясь, юноша направился к подъезду за своими спутниками.

Конечно, он не мог узнать леди Джен, лицо которой было скрыто маской, но она его узнала. Это был молодой человек, подаривший ей цаплю. Он прошел мимо нее, не узнал ее! Она ему кричала — и он не услышал! Это было уже слишком! Забыв о своей минутной твердости, леди Джен упала на ступеньки и горько заплакала.

Наплакавшись, она заснула и на время забыла свои беды. Девочка проснулась оттого, что ее кто-то тянул за платье и громкий голос говорил, что надо встать и отправляться домой. Леди Джен открыла глаза: перед ней стоял высокий человек. Лица его не было видно, она заметила только, что в руках у него палка и блестящие пуговицы на пальто. Когда девочка поднялась на ноги, человек ушел, бормоча что-то о «маленьких детях, которые так устают, что засыпают на улице». Леди Джен подумала, что, пожалуй, место, которое она выбрала для убежища, не совсем безопасно: человек с палкой вернется и прибудет за то, что она тут продолжает сидеть! Не теряя времени, она отправилась в путь, стараясь держаться ближе к домам.

«Должно быть, скоро ночь. Что я буду делать, когда стемнеет?» — думала бедняжка. Ах, если б встретить кого-нибудь из своих: тетю Модю, Тибурция или Маделон, или хоть тетю Полину — даже ей она бы обрадовалась! Да что тетя Полина: явись перед нею в эту минуту даже Раст, которого она ненавидит за то, что он вечно ее дразнит, дергает за волосы и называет Миледи, она и за того ухватилась бы, как за своего спасителя!

Здесь размышления леди Джен были прерваны. Кто-то дернул ее сзади за домино. Она обернулась с испугом: перед ней стоял мальчишка в желтом домино и дерзко смотрел. Прядь светлых волос выбилась у девочки из-под капюшона, — мальчишка поймал эту прядь и принялся погонять леди Джен:

— Ну! ну! Лошадка, вперед! Что стоишь! Живей!

Испуганная девочка пыталась вырваться, но маленький бесенок крепко держал ее за волосы и хохотал над ее тщетными усилиями. Едва сдерживая слезы, бедняжка стала просить, чтобы он отпустил ее.

— погоди, я прежде сниму с тебя маску: хочу посмотреть на твою рожицу. — И мальчишка уже протянул руку, чтобы сорвать маску с лица леди Джен.

Но девочке удалось увернуться. Она вся дрожала от гнева. Всегда ласковый и кроткий ребенок, она превратилась в дикого зверька.

— Не трогай меня! Не смей трогать! — кричала леди Джен и, ловко размахнувшись, изо всей силы ударила мальчишку.

Нетрудно догадаться, что битва, храбро начатая нашей героиней, кончилась бы не в ее пользу. Мальчик был старше и сильнее; не прошло и минуты, как домино леди Джен превратилось в клочья, маска была сорвана и прелестные локоны золотой волной рассыпались по плечам. Она стояла, едва переводя дух, со сверкающими глазами, горящими щеками, точно загнанный зверек перед преследователем.

В эту-то критическую минуту у леди Джен неожиданно явился союзник: какой-то человек подскочил к ее обидчику и прежде, чем тот успел опомниться, сбил его с ног ловким ударом под громкий хохот собравшихся.

Это был месье Жерар, старый друг леди Джен. В первую минуту она не могла произнести ни слова. Бросившись к своему избавителю, она вцепилась обеими руками в его мозолистую руку, крепко прижалась к нему; только ее большие ясные глазки, с восторгом устремленные на старика, красноречиво говорили о том, как она счастлива и как благодарна ему. Но месье Жерар без слов понял, в чем дело. С обычной вежливостью он отвел девочку в ближайшую аптеку, усадил в кресло, пригладил ей волосы и велел подать стакан воды.

Когда леди Джен немного пришла в себя, первыми ее словами был вопрос:

— Месье Жерар, как вы узнали, что со мной происходит?

— Я ничего не знал; это была, что называется, чистая случайность, — отвечал старик. — Я возвращался домой... я, знаете, отгулял свои праздники — долго праздновать не люблю. Так вот, иду я домой по улице и только повернул за угол — слышу чей-то плач. Смотрю, а это плачет моя маленькая леди, а какой-то желтый чертенок дергает ее за волосы!.. Ну, уж и задал же я ему трепку, будет помнить! — И месье Жерар залился веселым смехом, самодовольно потирая руки. — Счастье еще, что я вовремя подросел на выручку моей леди, — заключил он.

Когда оба вышли на улицу, девочка, забыв свои беды и весело подпрыгивая подле друга, подробно рассказала, как она неожиданно очутилась одна в незнакомой толпе, и о дальнейших своих приключениях. Но вот старик остановился перед чистеньким рестораном, окна которого были соблазнительной выставкой вкусных вещей, и сказал, обращаясь к своей спутнице, с добродушно-лукавой улыбкой:

— Я подозреваю, что моя маленькая леди голодна. Теперь уже пятый час, и я хотел бы угостить барышню обедом.

— Ах, как это чудесно вы придумали, месье Жерар! — вскрикнула в восторге девочка, глазки которой разгорелись при виде лакомств. — Я очень голодна!

— Вот и прекрасно! Мы сейчас зайдем в этот ресторанчик; видите, какой он чистенький и, главное, вполне приличный для такой славной маленькой леди... И вы увидите, что старик Жерар умеет не только учить танцам, но и заказывать еду.

Он торжественно ввел девочку в ресторан, пододвинул стул поближе к столу и усадил девочку, потом достал очки, с достоинством принял от официанта карточку с меню; наконец, вынув карандаш, с поклоном обратился к своей спутнице:

— Теперь, маленькая леди, будьте добры сказать, что бы вы хотели съесть.

Леди Джен задумалась, даже лоб наморщила и закусила нижнюю губку: заказать обед — дело нешуточное! Но вот глазки ее заискрились радостью и личико осветилось прелестной улыбкой: она придумала обед!

— Мне бы хотелось мороженого, месье Жерар, — объявила она.

— Конечно, это очень хорошо — мороженое, — заметил серьезно Жерар, — но прежде надо съесть что-нибудь, так сказать, существенное: тарелочку супу, рыбки какой-нибудь под соусом и... и птичку, маленькую птичку с горошком, и салатца немножко, не правда ли?

— А мороженого? — спросила разочарованно леди Джен и даже подалась вперед от волнения.

— А потом и мороженого... это само собой, и торта спросим, и маленькую веточку винограда, — успокоительно перечислял Жерар, старательно выписывая заказ дрожавшей старческой рукой. — Ну, вот и готов наш обед, — сказал он, с сияющей улыбкой передавая заказ официанту.

Леди Джен одобрительно кивнула головой. Пока они ждали обеда, ее быстрые глазки с любопытством перебегали с предмета на предмет, потом остановились на месье Жераре, и в них выразилось безграничное восхищение. Девочка неожиданно нагнулась к старику и шепнула:

— Какой вы сегодня миленький, месье Жерар, просто прелесть! Знаете, что я вам скажу: пожалуйста, пожалуйста, никогда не надевайте фартук!..

В это время Пепси одиноко сидела у окошка. День показался ей необыкновенно длинным. Она с нарастающей тревогой поглядывала на улицу в ожидании возвращения веселой компании. Она знала, что они должны возвратиться домой к вечеру. Уезжая, тетя Модя говорила, что не станет ждать вечерней процессии, и теперь Пепси недоумевала, что могло их задержать. А тут, как нарочно, и Мышка не возвращается — такая ветреница! Ведь сказано ей, чтобы шла домой,

как только пройдет процессия. И знает ведь, негодная, что без нее и обеда-то никому не состряпать. Пепси давно ничего не ела: утром за хлопотами да за сборами она забыла поесть, теперь же проголодалась; да и сидеть в ожидании скучно. Цапле — и той надоело ждать. Она то и дело хлопала крыльями, подпрыгивала, натягивая шнурок, которым была привязана, и сердито долбила пол клювом.

Мадам Жозен недавно вернулась и с комфортом расположилась обедать у себя дома. Пепси окликнула ее, спрашивая, не встречала ли она тетю Модю с детьми и леди Джен. Жозен сухо ответила, что сидела в галерее со своими друзьями: она, дескать, была в слишком хорошем обществе, чтобы обращать внимание на какие-то там повозки с седоками.

— Должно быть, мадам Пешу решила смотреть и вечернюю процессию, — добавила она равнодушно.

Пепси попробовала было успокоиться, но вскоре явилась новая тревога: ей пришло в голову, что леди Джен голодна. Тетя Модя не взяла с собой никакой еды, Пепси это знала; а при таком стечении народа, как сегодня, попасть в ресторан было довольно сложно, да тетя Модя, наверное, и не станет делать это с такой оравой. Пепси вспомнила о непозволительно долгом отсутствии Мышки, что окончательно испортило настроение. «Надо будет ее побранить», — подумала Пепси и вдруг увидела, что через улицу бежит Мышка: остатки ее домино развевались, а комичная рожица была растеряна.

— О, мисс Пип! — завопила Мышка, ураганом влетая в комнату, — мадам Пешу послала меня сказать вам, что мисс леди пропала.

— Как пропала?! — вскрикнула Пепси, всплеснув руками и раздражаясь потоком слез. — Как могла она пропасть и где?

— Да там, на улице Канала. Мы нигде не могли ее найти.

Глаза Пепси сверкнули гневом.

— Значит, вы оставили ее одну!

— Мисс Пип, ничего нельзя было поделать в этой давке... Народ так и валил... нас как-то оттерли друг от друга, а мисс леди такая маленькая, ручка ее и выскользнула из моей. Уж я так старалась держать ее, так старалась, да ничего не поделаешь...

— А где был Тибурций? Неужели и он ее не присмотрел?

— Все мы были вместе, и он с нами, да ничего не помогло: народу уж очень много — так и валит, говорю вам!

— Мышка! Ты меня в могилу сведешь. Слушай: если ты не найдешь мне Джен сейчас же, я тебя возненавижу, так и знай! — И Пепси даже зубы стиснула от злости.

— Ах, что же мне делать! Да ведь там все ее ищут!.. Не убивайтесь же вы так: цела будет — что ей сделается?

— Ступай, ищи ее, слышишь? Чтоб ты сейчас же привела мне ее, или... — Не находя слов от волнения, Пепси откинулась на спинку стула и заломила руки, — Одна на улице!.. Ночь на дворе... Бедняжечка ты моя!.. А я сижу тут и ничем не могу помочь!.. Чего ты тут стоишь и таращишь на меня глаза? — накинулась она опять на Мышку, — Ступай! Ищи ее! Ведь я сказала! — И Пепси замахнулась на Мышку.

— Не сердитесь, мисс Пип, я сейчас... я духом слетаю и приведу ее! — крикнула Мышка, уклоняясь от воображаемого удара, и бомбой вылетела из комнаты.

Когда Пепси осталась одна, ей стало еще тяжелее. Напряженно всматриваясь в сгущающийся сумрак, она плакала.

В комнате мадам Жозен горел свет, но дверь была заперта. Вечером похолодало, и улица опустела. Бедной Пепси не с кем было отвести душу. Одинокó сидела она в темной комнате; только цапля шевелилась в углу, точно призрак, да жалобно тянула свое вечное «тонь! тонь!».

Вдруг послышался стук колес, и, торопливо взглянув в окно, Пепси увидела знакомую повозку. Сердце у нее так и забилося.

— Наконец-то! — проговорила она. — Это наши. Как было глупо так пугаться!.. Ее нашли и везут целой и невредимой.

Но вместо нежного голоса своей любимицы, Пепси услышала дядю Пешу, затем в комнату вошла тетя Модя с встревоженным лицом.

— Вернулась она? — были ее первые слова.

— Как! Значит, она не с вами? — И Пепси разрыдалась пуще прежнего.

— Полно, дитя, не плачь, — мы ее найдем... Пешу найдет. Да успокойся же... Видишь: когда я заметила, что становится поздно, а ее все нет, я поскорей отвезла домой ребятишек, а Пешу захватила с собой. Мы сейчас едем в полицию. Вернее всего, что она уже нашлась и ждет нас там. Во всяком случае, там должно быть известно, где она...

— У меня точно было предчувствие. Помните, я говорила вам... Я так боялась за нее... — стонала Пепси.

— Помню, помню, но я думала, что на Тибурция можно положиться. Бедный мальчик страшно огорчен. Он рассказал мне, как было дело: он все время был с нею и только на одну минуту выпустил ее руку... ну, разумеется, толпа страшная, девочку и оттерли. Не убеги от них эта ветрогонка Мышка, ничего бы не случилось, но она удрала, как только все отошли от повозки.

— Так я и знала! — сказала Пепси, сверкая глазами, — погоди же ты, негодная девчонка! Достанется тебе на орехи!

— Едем, жена! — послышался из-за двери голос Пешу.

— Дядя, голубчик! Найдите мне мою девочку! — крикнула Пепси умоляющим голосом.

— Будь покойна, дитя: через час, самое большее, она будет здесь. Не плачь. В этот сумасшедший день дети часто теряются. Я уверен, что в полиции сидят десятки потерявшихся в ожидании, когда их разберут по домам.

В эту минуту на улице послышались голоса, и Пепси закричала:

— Это леди Джен! Ее голос!

В самом деле за дверью звенел веселый детский голосок. Через секунду на пороге появилась Мышка и торжественно возгласила:

— Вот она, мисс Пип! Я нашла ее! — И тотчас Жерар ввел за руку леди Джен.

Девочка с веселым смехом бросилась в объятия своего друга.

— Пепси, душечка! Ведь я потерялась! — кричала она. — Совсем потерялась, а месье Жерар меня нашел! Чужой мальчик сорвал с меня маску и домино, а я ударила его по лицу... а потом не знала, что еще сделать, и вдруг месье Жерар пришел, да как толкнет его, он так и отлетел. Правда, месье Жерар?

— Ну, хорошо, хорошо, — говорила тетя Модя, целуя девочку и чуть не плача, пока Пепси выслушивала скромное повествование бывшего балетмейстера о том, как он спасал свою маленькую даму.

— А потом я обедала с месье Жераром, — тараторила леди Джен. — И какой был вкусный обед! Мороженое, виноград и торт.

— А птичку-то, маленькая леди, вы забыли, птичку с салатом, — перебил ее месье Жерар, которому не понравилось, что об его элегантном угощении говорили так небрежно.

— Ну да, и птичка, и еще рыба, и суп, и горошек... знаете, Пепси, сладкий горошек, — заботливо перечисляла леди Джен.

— Ах, нет, нет, моя миленькая леди!.. Вы немножко... как бы это сказать... немножко спутали, — снова вмешался Жерар и даже руками всплеснул от волнения. — Сперва был суп,

потом рыба, а потом уже птичка. Извольте ли видеть, месье Пешу, маленькая леди немножко спутала, но вы не должны думать обо мне так дурно, что я не сумел заказать настоящего элегантного обеда.

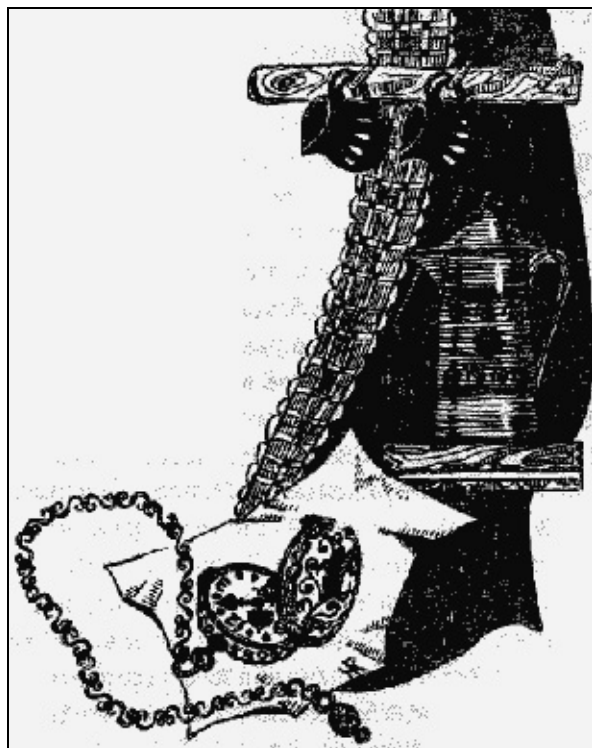
— Я и не думаю, месье Жерар, — сказал Пешу с улыбкой, — напротив, я совершенно уверен, что вы сумели бы заказать обед и для самого мэра.

— Очень, очень вам благодарен, — пробормотал обрадованный старик и, расшаркавшись перед всей компанией, отправился восвояси мечтать на свободе о своем торжестве.

Глава 16

Пешу делает покупку

Странная вещь, — говорила Пепси матери на другое утро, — вчера, когда леди Джен пропала, Жозен хоть бы крошечку встревожилась! Мне кажется, она нисколько не заботится о ребенке. Лишь бы девочка не торчала у нее на глазах — вот все, что ей надо. А посмотри, как она волнуется всякий раз, как исчезает ее балбес-сын!

— И неудивительно, — заметила Маделон. — Бедная женщина! Много ей хлопот с этим сокровищем. Послушать ее, так она им гордится, ну, а мне-то кое-что известно. Я часто слышу о нем на улице Бурбонов: франтит напропалую, а ведь палец о палец не ударит! А где же он деньги берет? По-моему, раз человек беден и не работает, значит — ворует. Другие, может быть, иначе думают, а я всегда скажу: ворует. Ну, посуди: разве может мадам Жозен на свои жалкие заработки содержать себя и этого лентяя? Мне от души ее жаль, хоть и злюка она. Посмотри, на кого она стала похожа! Лицо измученное, глаза ввалились — видно, что ее грызет что-то. А что касается девочки, то о ней есть кому позаботиться: мы с тобой ее не бросим. Это такой милый, такой добрый ребенок! Я жалею только об одном: что не могу сделать для нее больше. Я душу готова отдать за вас обеих.

Маделон и Пепси были не единственными, кто полюбил девочку почти материнской любовью. С первого же дня, как леди Джен со своей светлой улыбкой заглянула в грустное, изнуренное лицо Дианы д'Отрев, новая жизнь открылась для этой одинокой женщины, новая надежда озарила ее унылые дни. Присутствие ребенка внесло свет и молодость в ее печальное существование. Лучшим временем за многие тяжелые годы были для нее те часы, которые она проводила со своей маленькой ученицей. Сидеть рядом с девочкой у фортепиано и смотреть, как ее тонкие пальчики бегают по клавишам, или петь вместе с ней старинные баллады — было для Дианы большим удовольствием. Девочка никогда не огорчала ее, всегда была кротка, понятлива и так мила, что даже мать Дианы, при всей старческой сварливости, ничего не могла возразить.

Жозен всячески старалась втереться в семью д'Отрев, и, чтобы удержать ее на приличном расстоянии, мать и дочь вынуждены были дать ей деликатный, но решительный отпор. В

вежливой форме они дали ей понять, что если принимают племянницу, это еще не значит, что они будут рады и тетке.

Жозен молча проглотила обиду, но в душе поклялась, что так этого не оставит. «Я покажу им, как пренебрегать мною! Нищие, а туда же — важничают! Погодите, мамзель Диана: Мышка порассказала мне о вас кое-что... Дайте срок — все об этом узнают! Воображает, что я позволю оскорблять себя безнаказанно!»

Пока Жозен разжигала таким образом свою обиду и строила планы мести, мадам д'Отрев и Диана обсуждали, как бы вырвать ребенка из когтей старой ведьмы.

— Страшно подумать, что девочка во власти этой женщины, что та имеет на нее права, — говорила Диана.

— Тут какая-то тайна, и мы должны ее раскрыть. Будь у нас лишние деньги, я бы непременно поручила это дело адвокату... Конечно, если она действительно ближайшая родственница ребенка, она имеет на него законные права, которых никто не смеет оспаривать, но я думаю, что девочку можно было бы купить у нее. Мне кажется, Жозен такого сорта женщина, которая за деньги на все готова.

— Все это одни фантазии, мой друг. Денег у нас нет и никогда не будет. Но будь мы даже богаты, то и тогда был бы большой риск брать чужого ребенка. Я тоже думаю, что тут кроется тайна, и ради малютки была бы рада, если бы все разъяснилось. Но это не наша забота, у нас и своих довольно.

— Ах, мама, что вы говорите! Неужели, если человек беден, он должен быть эгоистом? — проговорила Диана с легким упреком.

— Что делать, мой друг! Так всегда бывает. Бедному в пору думать только о себе. Правда, ты составляешь в этом случае исключение: ты больше думаешь о других, чем о себе. У тебя это выражается в каждой мелочи. Ну, хоть бы с этой птицей: по-настоящему мадам Журдан была обязана заплатить тебе за нее, а не навязывать на твою шею.

— Но, мама, чем же она виновата? Она не могла ее продать. С моей стороны было бы несправедливо вводить ее в убытки. Не ее вина, что птица не пошла в ход. Она ведь не просила меня экспериментировать над новой моделью. Что же делать, если мне не удалось!

— Тебе удалось, Диана, в том-то и дело. Работа превосходная, птица как живая.

— Мадам Журдан говорит, что ее покупателям не нравится клюв. Шею тоже находят слишком длинной, — робко заметила Диана.

— Это доказывает только, как мало они смыслят. Это — порода журавля, и шея вовсе не длинна, — отозвалась мать сердито. — Вот уж правда, на всех не угодишь!

— Я решила больше не браться за новые модели. Буду мастерить своих уток да канареек, и довольно с меня.

— Я говорила об этом тебе с самого начала. Я всегда находила, что ты слишком честолюбива, Диана, — не унималась старуха.

— Ваша правда, мама: я была слишком честолюбива, — поспешила согласиться Диана.

* * *

Прошло около года с того дня, как госпожа Жозен перебралась на улицу Добрых детей. Августовским утром, когда тетя Модя сидела в молочной, погруженная в тайны приготовления сливочного сыра и масла, вошел Пешу и, положив маленький бумажный сверток, сказал, чтобы она его открыла.

— Сию минуту, — отвечала тетя Модя, приветливо улыбаясь мужу. — Вот только налью

форму и вымою руки.

Пешу молча кивнул головой и стал расхаживать по комнате, заглядывая в кринки с молоком и тихонько насвистывая. Когда ему надоело ждать, он развернул сверток и подал жене прелестные дамские часики с изящной золотой цепочкой. Тетя Модя ахнула от удивления.

— Где ты достал такую прелесть? — воскликнула она и, вытерев руки, взяла часы и принялась их рассматривать.

Часы были синие, эмалевые. С одной стороны их украшала гирлянда с бриллиантовой веткой посередине, на другой были вырезаны инициалы «J.C.» в виде изящной монограммы.

— «J.C.»! Да ведь этими буквами помечено белье маленькой леди Джен! — воскликнула тетя Модя. — Где ты добыл эти часы? Чьи они?

— Мои, — отвечал муж, посмеиваясь. Он стоял перед женой, заложив большие пальцы в проймы жилета и продолжая насвистывать. На недоверчивый взгляд тети Моды Пешу хладнокровно повторил — Говорят тебе, мои — я их купил.

— Странно! Такие изящные часики и без футляра, завернуты в старую газету... — недоумевала тетя Модя. — Где ты мог их купить?

— Я купил их в полицейском суде.

— В полицейском суде! — повторила тетя Модя, окончательно сбита с толку. — У кого же?

— У Раста Жозена.

Несколько секунд тетя Модя пристально смотрела на мужа и, наконец, торжественно произнесла:

— Я говорила тебе!

— Что ты мне говорила? — переспросил тот с задорной улыбкой.

— Как что? Что все эти вещи — конечно, в том числе и эти часы, — словом, все вещи, помеченные буквами «J.C.», — краденые. Все они принадлежат девочке, и она вовсе не родня Жозенам.

— Потихе, жена, потихе.

— Почему Раст очутился в полицейском суде?

— Он был арестован по подозрению, но его вина не доказана.

— По подозрению в краже часов?

— Нет, по другому делу. Но то, что при нем были найдены часы, послужило уликой против него. Странно, что именно я купил эти часы. Я случайно проходил мимо суда, заглянул во двор и увидел Раста среди арестантов. Меня это заинтересовало, и я решил узнать, в чем дело. Оказывается, Раста арестовали по подозрению в принадлежности к шайке воров, обокравших несколько ювелирных магазинов. Прямых улик против него не оказалось, но внимание судьи привлекли эти часы. Он спросил Раста, откуда у него часы, и негодяй ответил, что часы принадлежали его покойной кузине, которая перед смертью оставила их матери Раста, а та подарила их сыну. «А как звали вашу кузину?» — спросил судья. Вот тут-то и вышла заминка. Раст сказал, что ее звали Клара Жозен, а судья обратил внимание на то, что буква «J» выгравирована вначале, и передал часы клерку и другим присутствовавшим. Те подтвердили названный судьей порядок букв. А Раст стоял и улыбался, точно не о нем речь! Одет франтом, рожа нахальная — вылитый отец! Я хорошо помню Андре Жозена: большой руки негодяй был покойник...

— Что же, так и не добились, где Раст взял часы? — спросила тетя Модя.

— Нет. Но судья приговорил Раста к тридцатидневному заключению в приходской тюрьме, как подозрительную личность.

— Возмутительно мягкий приговор! — произнесла возмущенно тетя Модя.

— Да ведь, говорят тебе, прямых улик не было, — продолжал Пешу. — Спасибо, что хоть месяц отсидит. Ну, так слушай же, как вышло, что я купил часы. Стоит Раст и болтает с другими арестантами. Слышу — торгуются, один предлагает пятьдесят долларов. «За кого ты меня принимаешь? — говорит Раст. — Положим, деньги мне нужны, но я не так глуп, чтобы отдать дорогую вещь за такую цену». И спрятал часы в карман. Тогда другой предложил шестьдесят долларов. Раст снова не соглашается. Вот тут-то я и подошел. «Позвольте, — говорю, — взглянуть на часы. Если они мне понравятся, я, может быть, и куплю». А сам стараюсь говорить как можно спокойнее, потому что боюсь, как бы он не заметил, что мне очень хочется приобрести эту вещь. Раст подал мне часы, и хотя притворился равнодушным, но я отлично видел, что ему не терпится сбыть их. Я предложил за часы семьдесят пять долларов. «Ишь ты, сенная труха!» («Это он за мою блузу обозвал меня сенной трухой», — заметил Пешу и улыбнулся виноватой улыбкой.)

— И сколько раз я тебе говорила, Пешу, не надевай блузу, когда едешь в город! — не выдержала тетя Модя. — Ведь есть у тебя пиджак... Посмотри, Гюйо и другие — все ходят в пиджаках...

— Не все ли равно — блуза или пиджак? А прозвища меня не интересуют. Я честный человек и не стыжусь рабочей одежды. Я пропустил его слова мимо ушей и предложил девяносто долларов. Деньги со мной были. Достал бумажник и стал отсчитывать билеты. Должно быть, это на Раста подействовало, потому что он тут же согласился. Конечно, я никогда бы не позволил себе купить заведомо краденую вещь (я все-таки уверен, что негодяй украл часы), но я сделал это ради девочки. Я подумал, что, может быть, когда-нибудь часы помогут раскрыть тайну, окружающую ребенка, да и деньги, которые можно за них выручить, всегда пригодятся.

— Твоя правда, Пешу. Конечно, девяносто долларов для нас большие деньги, особенно теперь, когда приходится заботиться о Мари, но если удастся что-нибудь сделать для этого милого ребенка, я не стану жалеть о деньгах.

С минуту тетя Модя сидела молча, рассматривая часы, потом задумчиво сказала:

— Если бы они могли говорить!..

— Погоди, может быть, мы и заставим их говорить, — отозвался Пешу.

— Да, многое могли бы они порассказать, — продолжала тетя Модя и прибавила — Во всяком случае, я рада, что мы вырвали их из лап этого мошенника.

Пешу взял часы и, открыв верхнюю крышку, показал ей что-то на внутренней стороне.

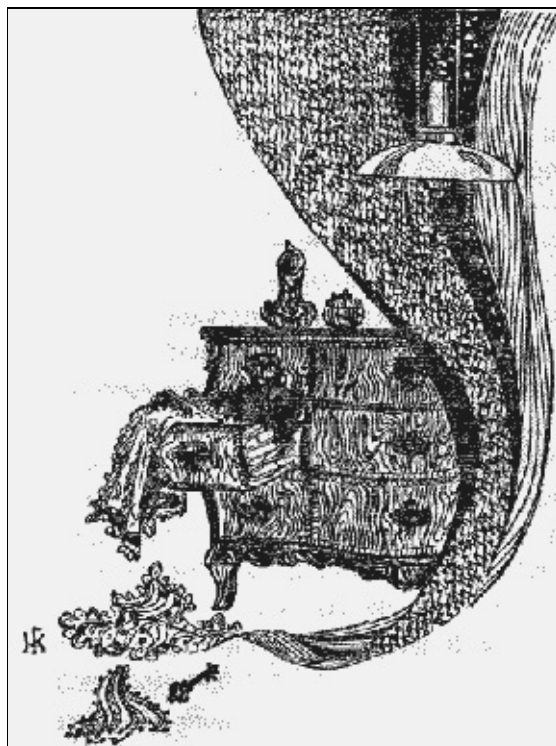
— Если я не ошибаюсь, то вот это должно навести нас на след, — сказал он. — А пока спрячь часы в мою шкатулку и никому не говори, что я их купил. Я не хочу, чтоб даже Маделон знала об этом. И еще вот что, жена: хорошо было бы, если бы ты понаблюдала за этой Жозен — не заметишь ли чего...

— Ах, Пешу, ты ее не знаешь: она так хитра, что ни за что не выдаст себя. Я давно за ней слежу, да толку мало.

— Вот что, жена, — сказал, помолчав, Пешу, — у меня есть план, но только попрошу тебя быть терпеливой и дать мне время привести его в исполнение.

И тетя Модя обещала ждать.

Не прошло и трех дней после того, как папа Пешу купил часики, как утром в садик мисс Дианы неожиданно явилась с визитом мадам Жозен. Лицо у нее было дерзко-надменное. Отворив садовую калитку, она остановилась.

После нескольких общих фраз Жозен достала из бокового кармана туго набитый сверток и, обратясь к Диане, высокомерно произнесла:

— Позвольте получить счет.

— Какой счет, госпожа Жозен? — холодно спросила Диана. — Насколько мне известно, у нас с вами нет никаких расчетов.

— Я вам должна за уроки музыки. Вы занимались с леди Джен в течение нескольких месяцев и имеете право требовать причитающиеся вам за труд деньги.

— Позвольте, госпожа Жозен! Тут, верно, какое-нибудь недоразумение, — дрожащим от волнения голосом возразила мисс Диана. — Мне никогда и в голову не приходило брать деньги за обучение девочки, с которой я занималась с истинным удовольствием. Если я давала ей уроки, то делала это по собственному желанию. Надеюсь, что и вы не воображали, будто я жду за это платы.

— Напротив, я была уверена, что вы ждете вознаграждения. С какой стати вы будете учить леди Джен даром, когда я в состоянии платить за уроки?

Жозен вытащила пачку банковских билетов и вызывающе подала их Диане.

— Вы в затруднительном положении, и вам нельзя отказываться от денег; я очень довольна, что могу сейчас же расплатиться с вами. Вы действительно хорошая учительница музыки. Успехами моей девочки я вполне довольна.

В первую минуту Диана была ошеломлена наглостью и дерзостью торговки, но затем сказала:

— Весьма сожалею, что вы приняли меня за платную учительницу леди Джен. Благодарю вас, но повторяю: я не возьму денег.

— А я все-таки настаиваю, чтобы вы приняли от меня деньги. — И Жозен, к великому

удивлению мисс Дианы, вторично протянула толстую пачку банковских билетов.

— Уверяю вас — это невозможно, — сказала Диана, — нечего об этом и толковать. Позвольте отворить вам калитку.

— Хорошо, хорошо, — надменно ответила Жозен, — но знайте, что с этих пор я не позволю своей племяннице ходить к вам. Я не привыкла что-либо получать даром от других. Если девочке нужно брать уроки, я добуду учительницу, но не такую, что считает унизительным брать деньги за свой труд.

— Неужели у вас хватит духа лишить нас радости видеть леди Джен? Мы так привыкли к девочке, — проговорила Диана, едва сдерживая слезы. — Впрочем, это ваше дело.

— Я не намерена разрешать моей племяннице бегать взад и вперед по улице, — резко возразила Жозен. — Я нахожу, что у нее манеры стали хуже. Пусть сидит дома.

Произнеся это, Жозен кивнула головой, и калитка за ней захлопнулась.

С этого дня леди Джен больше не появлялась в домике мисс Дианы. Диана плакала, тоскуя по девочке. Любимое свое развлечение — музыку она забросила, у нее не хватало сил открыть фортепиано.

Но как-то раз Диана машинально подняла крышку инструмента и, присев на табурет, вполголоса запела любимую арию леди Джен. И тотчас за окном, которое было по обыкновению закрыто ставнями, раздался знакомый детский голосок, безошибочно вторивший певице.

— Это она! Это леди Джен! — вскрикнула Диана, вскакивая с места; на ходу опрокинув табурет, она бросилась к окну.

Как раз в это время перед окном появилась девочка с голубой цаплей под рукой, бледная, худенькая, с блестящими глазами и с кроткой, ясной улыбкой на губах.

Выбежав на улицу, Диана бросилась обнимать леди Джен.

— Диана! Диана, что это ты придумала растворять настезь окно и ставни? — сердито крикнула ей вслед старушка.

Но Диане было не до нее.

— Мисс Диана, — шептала девочка, обнимая своего друга, — тетя Полина не позволяет мне ходить к вам. Я поневоле должна была слушаться, не правда ли?

— Конечно, дитя мое, конечно! — говорила Диана.

— А знаете ли, что я к вам приходила каждый день в это время: хотелось послушать, не поете ли вы? Но у вас всегда было тихо, ничего нельзя было расслышать.

— Дорогая ты моя, до музыки ли мне было... — сказала мисс Диана, — вспомни, как я давно тебя не видала.

— Не огорчайтесь, милая! Я ведь вас по-старому люблю. Я буду приходить к вашему окну каждый день утром. Не может же тетя Полина сердиться за это на меня!

— Не знаю, дитя мое. А все-таки я боюсь, не рассердилась бы она.

— Диана! Диана! Да закрой ли ты, наконец, окно? — продолжала ворчать раздраженная старуха.

— Прощай, душечка моя! — торопливо проговорила Диана. — Мама не любит, чтобы я отворяла окно и ставни. В следующий раз я отопру калитку, и мы сможем спокойно поговорить. Прощай!

С этими словами Диана вернулась в комнату и стала закрывать окно и ставни.

В это время мадам Жозен сидела в табачной лавке Фернандсу и жаловалась на соседей.

— Вечно суют нос, куда не следует, и вмешиваются в мои дела. Что за народ такой стал! — обращалась она к своей единственной приятельнице, испанке Фернандсу, которой доверяла многие свои секреты.

Однако Жозен только намекнула испанке, что с нею недавно стряслась беда. Какая именно

— она не объяснила, но до соседей донесся слух, что с Эдрастом что-то произошло.

«Впрочем, — думала Жозен, — очень, очень может быть, что все они давным-давно пронюхали, узнали из газет, что моего бедного сына засадили на тридцать дней по подозрению. Слушал бы он побольше мать, продал бы где-нибудь на стороне роковые часы — и не попал бы в беду! Десять раз я ему твердила, чтобы был осторожнее. Нет, все делает очертя голову, на авось! А теперь, кто знает, чем еще все это кончится! Может быть, все кончится благополучно, но ведь беда в том, что об этих противных часах заговорили газеты. Кто знает, может быть, покупателем оказался сыщик. Раст даже не подумал узнать, кто именно купил часы. До тех пор не успокоюсь, пока эта история не кончится. Ужасно досадно, что Раст так меня компрометирует: это вредит моему кредиту. Не хочется, право, чтобы он вернулся ко мне. При теперешних обстоятельствах у меня едва ли хватит средств, чтобы содержать себя и девочку. Я еще умно поступила, что запрятала накопленные деньги, иначе мой сынок сумел бы и их забрать. Счастье еще, что ему ничего не известно об этом капитале и о том, что я успела сбить с рук все дорогие вещи, белье и платье. Теперь у меня не осталось почти ничего, кроме старинной шкатулочки. Надо спустить и эту, последнюю вещицу».

Еще волновала мадам Жозен мысль о леди Джен.

«Ну, а что, если кто-нибудь из старых знакомых узнает ее», — размышляла Жозен и даже вздрагивала при этой мысли.

В последнее время Жозен стала необычайно труслива. Каждый намек, каждый пристальный взгляд ее пугал. Мадам Пешу, например, часто задавала подозрительные вопросы, да и леди Джен в последнее время сделалась сметливой, а такого рода личности, как д'Отрев, могут выпытать у ребенка все что угодно. «Хорошо еще, — думала Жозен, — что мне удалось отстранить девочку от мисс Дианы и от семьи Пешу; надо бы поскорее оттереть ее от горбуны Пепси и от старикашки Жерара. Жерар — хитрая лиса — большой мой враг, хотя внешне приветлив и вежлив. Так или иначе, а надо похлопотать, чтобы девочка отдалилась от ее теперешних знакомых».

Иногда Жозен думала, не лучше ли перебраться подальше от этого квартала. Но сразу же возникал страх: а что, если переездом она вызовет подозрение соседней? Нет, уж лучше остаться на месте и ждать, чем кончится дело ее сына.

Прошло тридцать дней заключения Эдраста. Сынок явился к маменьке с опущенной головой и, по-видимому, искренне раскаивался. На гневные упреки матери он отвечал, что нет ничего дурного, а главное — преступного, если он взял на время чужие часы, чтобы немного пофрантить.

— Ведь мы, мамаша, с вами не воры, — сказал Эдраст. — Мы не затем пригласили в дом больную даму, чтобы ее обобрать. Вы ухаживали за нею и за ее ребенком, как истинная мать. Когда женщина умерла, вы спрятали эти часы для девочки, когда та вырастет или встретит кого-нибудь из своих родных. Правда, несколько дней эти часы я носил у себя в кармане; но я ни за что не продал бы их, если бы не очутился в затруднительном положении. Волей-неволей мне пришлось для своего спасения сбить с рук эту вещь.

Жозен внимательно слушала оправдания своего любимца и мало-помалу успокаивалась, что им не грозит теперь никакая опасность. А если Эдраст и отсидел тридцать дней, то об этом и толковать нечего. Об этой неприятности едва ли кто знает из знакомых.

— Порядочные люди, — заключил Эдраст, — никогда не читают в газетах о таких пустяках, как арест по подозрению. Повторяю, вам нечего беспокоиться. Даю слово, что подобной истории никогда больше со мной не случится. Я намерен решительно изменить свой образ жизни.

Жозен пришла в восторг; ей никогда не приходило в голову, что ее милый Раст может так

благоразумно и серьезно рассуждать.

«Пожалуй, наказание принесло ему пользу, — размышляла она, — пробыв столько дней в одиночестве, он имел время одуматься».

После этой истории сын провел несколько дней дома, вдвоем с матерью, помогал ей вести счета, приводить в порядок заказы и так ухаживал за Жозен, что она не помнила себя от радости. Дошло до того, что она стала уговаривать Раста вступить с нею в долю и расширить дело.

— У меня кредит отличный, — с гордостью говорила мадам Жозен, — нам можно было бы открыть магазин побольше. Я охотно найму угловую лавку и прикажу отделать ее под магазин.

— А на какие же деньги, мамаша? — спросил Эдраст.

— У нас капитала нет.

— О, я достану! — возразила Жозен таким тоном, будто располагала миллионом.

— В таком случае не теряйте времени, — сказал Эдраст, — обойдите сегодня же всех знакомых купцов и справьтесь, кто может войти с вами в соглашение. А я посижу дома и полюбезничаю с покупателями. Вы знаете, как они любят, чтобы за ними ухаживали. Об одном прошу: отправьте куда-нибудь вашу девочку, пусть она идет к каким-нибудь своим приятельницам. Терпеть не могу сидеть с нею с глазу на глаз и слушать ее расспросы. Прескучно видеть, как эта девочка, ни на минуту не разлучаясь с длинноногой цаплей, усевшись на стуле, начинает выпытывать то одно, то другое, точь-в-точь, как старый аббат.

Жозен надела шляпу и отправилась по делам, говоря, что ей необходимо увидеться кое с кем.

Когда она вернулась домой, Раства уже не было.

Леди Джен увидела Жозен из окна дома Пепси и выбежала навстречу.

— Тетя Полина! — закричала она, с ключом от входной двери в руках. — Месье Раст принес мне ключ и велел передать, что он очень устал, принимая посетителей, и решил погулять.

Жозен приветливо улыбнулась, забирая ключ.

— Я так и думала, — сказала она, — я была уверена, что он на первых порах очень устанет, занимаясь с покупателями.

Отпустив леди Джен к Пепси, Жозен вошла в свою комнату, сняла шляпу и принялась приводить в порядок разбросанные вещи. Время от времени она улыбалась: в городе, расхаживая по магазинам, она встретила мадам Пешу с дочерью. Мадам Пешу пригласила ее на обед в день венчания племянницы.

«Догадалась-таки, наконец, переменить свое обращение со мною; видит, что я все-таки заслуживаю внимания, давно бы так! — рассуждала Жозен. — Теперь нужно только Раству заняться делом, тогда у нас все пойдет отлично. Имея под рукой припрятанный капиталец да в придачу прочный кредит, я могу разом купить немало товаров».

Старуха размечталась. Ей представился блестящий магазин с роскошными витринами для дамских нарядов, изящная вывеска и, наконец, на углу отделение колониальных товаров, где Эдраст будет полным хозяином.

Жозен вспомнила, что ей давно пора сходить к владельцу дома, где они жили, и внести плату за квартиру. Она вынула из кармана бумажник и стала пересчитывать деньги. Оказалось, что, желая прихвастнуть перед мадам Пешу, она потратила в этот день гораздо больше, чем следовало. Для уплаты за квартиру недоставало нескольких долларов.

— Придется занять в запасном банке, — сказала она, смеясь и открывая ящик конторки в своей спальне.

Хитрая старуха затолкала деньги покойной матери леди Джен, вместе со своими

собственными сбережениями, в старые перчатки, спрятав их на дно конторки. Жозен держала ключ от конторки в кармане; к тому же она крайне редко выходила из дому. Но если бы даже замок конторки кто-либо взломал, никому не пришло бы в голову рыться в пачке старых перчаток.

Открыв верхний ящик, Жозен заметила беспорядок.

«Положительно, кто-то рылся без меня», — подумала она в волнении.

Перчатки лежали на месте. Сердце Жозен сильно забилось, руки дрожали. Она быстро вывернула перчатки — и с ужасом увидела, что вместо банковских билетов лежит какая-то скомканная бумага... Жозен уронила на пол перчатки, почти без чувств опустилась на кровать и начала разбирать крупный, хорошо знакомый ей почерк. В глазах рябило.

«Милая мамаша, — писал Раст, — я решил не входить с вами в компанию, а захватить весь капитал, предоставив вам кредит. На будущий раз, если вы вздумаете скрывать от почтительного вашего сына деньги, одинаково принадлежащие и ему, и вам, то не прячьте их в перчатки: это не безопасно. Я уезжаю путешествовать: мне необходимо развлечься после столь продолжительного и скучного ведения дел. Надеюсь, что ваши сплетники-соседи не посетуют на то, что я воспользуюсь такими длинными каникулами. Вам всего удобнее сообщить им, что я отправился в прерии Техаса к дяде.

Любящий вас и преданный вам сын Эдраст Жозен».

Глава 18

Бегство

После того, как Эдраст исчез, Жозен на следующий день утром вышла на крыльцо, желая подышать чистым воздухом. Лицо у нее было мертвенно-бледным, глаза потухли. Ежеминутно она прикладывала руки к вискам и шепотом говорила:

— Кто мог это предвидеть?.. Так поступить со своей матерью, со своей родной матерью!.. А я еще была так ласкова с ним!..

Жозен настолько задумалась, что совершенно забыла о делах, и о покупателях, и даже о домашнем хозяйстве. Проходившая мимо знакомая участливо спросила, не больна ли она?

— Да, немножко! — мрачно отвечала Жозен. — Боюсь, не расхвораться бы мне. Дело в том, что сын очень меня расстроил. Он вбил себе в голову мысль, что немедленно должен отправиться в прерии, к своему дяде в Техас, и укатил вчера. Без него мне трудно справиться с торговлей, — настолько он в ней хорошо разбирался! Неудивительно, если я скоро отправлюсь вслед за ним.

Когда в это же утро Пепси спросила у леди Джен, что такое приключилось с тетей Полиной, девочка, заранее предупрежденная, отвечала, что у тети разболелась голова, — она расстроена тем, что Раст надолго уехал.

— Слышал ты, — говорила испанка Фернандсу мужу, который уселся у окна, чтобы поглазеть на улицу, — слышал ты, что мадам Жозен расстроена отъездом сына. Она с раннего утра сидела на крыльце, вздыхая и утирая слезы. Мне ее, право, так жаль!.. Гляди-ка, гляди: сюда подходит какая-то дама. Кто бы это мог быть?

В это время к крыльцу Жозен подошла дама, совершенно незнакомая мадам Фернандсу, а Жозен бросилась к госте с радостной улыбкой и, поздоровавшись с нею, оживилась и горячо стала пожимать ее руки.

— Мадам Журдан, какими судьбами попали вы в наш уголок? — воскликнула она.

— Для вас это большое счастье! — отвечала, смеясь, мадам Журдан. — Я принесла вам деньги. Вы поручили продать старинный ящичек, и мне удалось сбыть его очень выгодно.

— Неужели? Ах, какая вы добрая! Я так рада за свою девочку!

— Поверите ли, я получила за ящичек двадцать пять долларов. Помните, вы соглашались отдать его за десять долларов, а дали двадцать пять. Я считала себя вправе продать вещь за такую выгодную цену. Правда, ящичек чрезвычайно изящной работы.

— Да, это была прекрасная вещь, — сказала с притворным вздохом Жозен.

— Хочу рассказать, каким образом удалось заполучить такую цену. Престранная история, я вам скажу! Когда вы выслушаете меня, то, может быть, сами разрешите загадку. Вчера вечером ко мне заехала одна моя покупательница, мадам Ланье, та, что живет в улице Джексон. Она пришла посмотреть, нет ли у меня чего нового. Вдруг, смотрю, она изменилась в лице и, указывая рукой на ваш ящичек, в волнении спросила: «Мадам Журдан, откуда у вас эта вещь?» Я тотчас сообщила ей, кто мне передал ее для продажи. Мадам Ланье подробно расспрашивала, кто вы, как ко мне попал ящичек, у кого я его приобрела, и, продолжая рассматривать вещь, несколько раз повторяла, что не может понять, каким образом ящичек попал сюда. Я твердила одно и то же: ящичек достался мне из ваших рук. Моя знакомая засыпала меня вопросами о вас. Вы понимаете, что я не в состоянии была ответить на все вопросы. Она записала ваш адрес и фамилию. Я же посоветовала ей съездить самой к вам и лично от вас узнать историю этого таинственного ящичка.

Пока модистка бегло и торопливо рассказывала обо всем этом, мадам Жозен все больше бледнела и стала, как полотно. Глаза ее испуганно бегали, притворная улыбка перекосила рот. Но она ловила каждое слово гостьи и, наконец, собравшись с духом, сказала:

— Ничего нет удивительного, что вас так поразили вопросы этой дамы. Не сообщила ли она вам, почему ей так настоятельно хотелось повидаться со мною?

— Мне показалось, что мадам Ланье заметила, что и я также очень взволнована. «Это для меня тайна, — говорила она, — каким образом мог попасть в ваши руки этот ящичек. Десять лет тому назад, учась в школе в Нью-Йорке, я нарочно заказала для моей любимой подруги именно такой ящичек и велела вырезать на нем вензель «J.C.».

— Скажите, пожалуйста, и точно такой ящичек? — воскликнула Жозен, сама не понимая, к чему это она говорит.

— Тут мадам Ланье, — продолжала модистка, — спросила, не продам ли я ей эту вещь. «Конечно, — говорю, — продам: мне для этого и передали ее». Видя, что мадам Ланье хочется приобрести ящичек, я подумала: не запросить ли за него двадцать пять долларов? К великому удивлению, она слова не сказала, выдала мне сполна все деньги, спрятала ящичек и вторично переспросила ваш адрес, а затем уехала. Полагаю, что она непременно придет к вам не сегодня, так завтра. Вот почему я так поторопилась к вам: хотелось заранее предупредить вас.

— Что вам следует за комиссию? — вдруг спросила Жозен, стараясь спокойно говорить с приятельницей и кладя деньги на стол.

— Что вы, что вы, госпожа Жозен! Я ничего от вас не возьму. Помилуйте! С моей стороны тут не было никакого одолжения. Что за счета между друзьями! Уверяю вас, я очень радуюсь, что могла оказать вашей милой девочке хотя небольшую услугу. Она вам, верно, немало стоит?

— Не дешево! — тяжело вздыхая, проговорила Жозен. — Впрочем, у нее после матери осталось небольшое наследство в прериях. Мой сын именно в ту местность уехал вчера, и я собираюсь отправиться вслед за ним.

— Что вы, что вы, — изумилась модистка. — Вы так хорошо здесь устроились и вдруг собираетесь уехать! А скажите, скоро?

— На днях, — ответила Жозен, не считая более необходимым держать в секрете предстоящий отъезд.

— Придите же, пожалуйста, проститься со мной. Мне очень жаль, что я не могу остаться, чтобы поболтать с вами, — заключила Журдан, — я очень, очень занята. Дайте мне слово, что

вы не уедете, не простясь.

Говоря это, модистка приветливо пожала руку приятельнице, почти сбежала с крыльца магазина и через пять минут скрылась за углом.

Проводив глазами мадам Журдан, Жозен задумалась.

— Она собирается ко мне приехать! — вслух произнесла она. — Это невозможно! Я не могу ее видеть, не могу признаться, откуда я добыла этот ящичек. Мне необходимо бежать отсюда. Я должна скрыться куда-нибудь подальше.

Жозен торопливо надела лучшее платье, мантилью, шляпку и, уходя из дома, крикнула через окно леди Джен, сидевшей по обыкновению у Пепси, что идет по делам и, может быть, долго не вернется.

День клонился к вечеру, когда Жозен, изнемогая от усталости, шла узеньким переулком на окраине города, чуть ли не в нескольких милях от улицы Добрых детей. Вдруг она увидела, что перед нею останавливается фура, запряженная двумя мулами. Фурой правил старый негр.

— Это ты, Пит? — воскликнула Жозен, останавливаясь перед фургонщиком.

— Кому и быть, как не мне, миссис Паулина. Не могу и сказать, как я вам рад! — произнес, ослабившись, негр.

— И я, Пит, тоже очень рада, что встретила тебя, — сказала, слегка улыбнувшись, Жозен. — Ты, как видно, обзавелся фурой? Она твоя?

— Положим, не совсем моя, миссис Паулина. Я беру ее напрокат, а сам езжу погонщиком.

— Именно погонщика-то я и ищу, чтоб перевезти свой багаж и сундуки сегодня ночью, — напирая на последние слова, сказала Жозен.

— Сегодня ночью, миссис Паулина? У нас не принято работать по субботам, да еще когда темно.

— Да ты мне скажи прежде, что ты берешь за каждую фуру с полным багажом?

— Я обыкновенно беру по два доллара с фуры, и то с условием, чтобы не слишком далеко ехать, — проговорил, подумав немного, старый негр.

— Правду сказать, ехать тебе придется далеко. Я живу теперь на улице Добрых детей.

— О, миссис Паулина! Сегодня ночью мне невозможно прехать к вам за вещами. Мои мулы и без того слишком устали.

Жозен замолчала и задумалась.

— Видишь ли, Пит, — сказала она решительным тоном. — В память прошлого выслушай меня и исполни мою просьбу. Не спрашивай ни о чем, а только слушай. Помни еще одно — держи язык за зубами. Отведи сейчас своих мулов в конюшню, накорми их досыта и дай им хорошенько отдохнуть. Ко мне на квартиру приезжай вечером, в десять часов. Если ты сумеешь устроить все спокойно, без суеты, я тебе заплачу за фуру десять долларов.

— Десять долларов, миссис Паулина? — старик-негр лакомо облизнулся. — Деньги хорошие, но ведь и дорога-то, дорога какая длинная!

— Времени тебе на это достаточно, нечего торопиться. Привези в помощь работника и поставь фуру на боковой улице. Я хочу, чтобы ты уложил багаж и сундуки, а главное, чтобы все это делалось тихо. Помни, Пит, чтобы никакого шума не было.

— Слушаюсь, миссис Паулина. Явлюсь к вам ровно в десять. Вы, значит, исполните слово: заплатите мне десять долларов?

— Как сказала, так и сделаю. А теперь прощай, — проговорила старуха, заковыляв по направлению к своему магазину.

Впоследствии соседи Жозен нередко вспоминали, как в ту ночь все предурно спали. Им виделись тяжелые сны, слышались необыкновенный, таинственный шепот и ходьба. А так как на заре этого дня разразилась сильная гроза, то женщины решили, что причиной всему

услышанному были электрические разряды в непогоду.

Пепси, впрочем, уверяла, что она ясно слышала крики леди Джен, звавшей на помощь. Потом будто раздавались приглушенные мужские голоса, осторожный стук колес и другие странные звуки. Мать Пепси насилу уговорила дочь успокоиться и заснуть.

Бедную Пепси до такой степени расстроила бурная ночь, что на другой день она проснулась совсем больной. Грустная, бледная сидела она в своем кресле и не сводила глаз с окон мадам Жозен, ожидая, когда та откроет ставни и отопрет входную дверь.

Но — странное дело! — пробило восемь часов, а у соседей не было видно признаков жизни. Молочник чуть не оборвал звонок; булочник, мясник и остальные торговцы надрывались, вызывая из-за запертых дверей хозяйку. Пробило десять часов, а окна квартиры мадам Жозен так и не открывались.

Наконец Пепси не выдержала.

— Ступай сейчас же и разузнай, отчего там все молчат, — сказала она своей верной Мышке.

Та давно сторала от любопытства и поэтому стремглав бросилась во внутренний двор соседей. Постучав несколько раз в кухонную дверь и не получив ответа, она недолго думая вскарабкалась по плинтусу к ближайшему окну, заглянула в задние комнаты, как кошка соскочила на землю и быстро вернулась к своей барышне — бледная, с диким испугом в глазах.

— Ах, что случилось, мисс Пепси! — залепетала она. — Ведь соседки-то наши уехали; клочка бумажки не осталось в комнатах. Леди Джен исчезла, и старая дама также!

Сначала Пепси не сразу поняла, о чем ей толкует Мышка, но когда она убедилась, что Жозен действительно бежала в прошлую ночь и увезла с собой леди Джен, бедная Пепси горько зарыдала и никому не позволяла утешать себя.

За Пешу и за тетей Модей немедленно послали рассыльного. Милейший дядя пустился разыскивать беглянку. Единственно, чего он мог добиться от жены хозяина дома, что мадам Жозен сполна заплатила за квартиру и даже вручила ключ от нее, говоря, что получила неожиданное известие и ей необходимо следовать за сыном. Пешу вернулся очень грустным.

— У меня был приготовлен план, как разоблачить Жозен, — говорил он, — но с той минуты, как девочка пропала, я ничего не могу сделать.

И на следующий день Пепси не могла заняться ничем серьезным и, полулежа в кресле, старалась отвлечь себя игрой в солитер. Вдруг она увидела, что к заколоченным окнам бывшей квартиры Жозен подъехала коляска, где сидела молодая женщина. Она позвонила, но когда ей не отворили, подбежала к дверям соседней лавки и спросила, здесь ли живет госпожа Жозен.

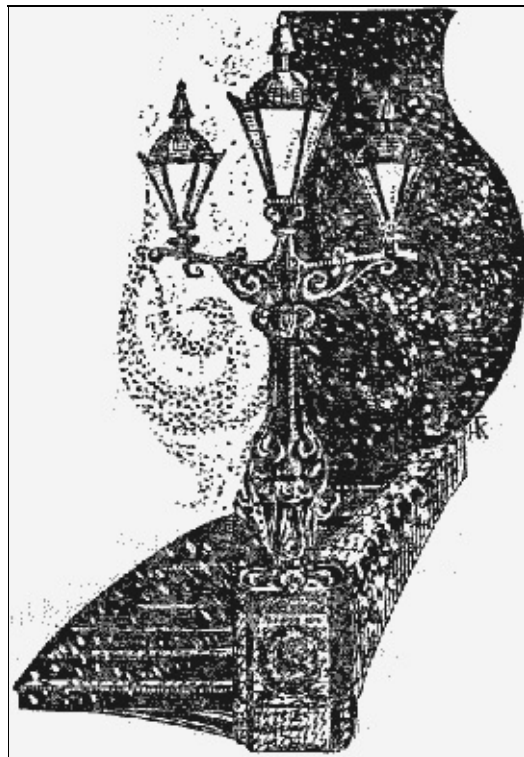
— Госпожа Жозен жила здесь, — заявил испанец Фернандсу, вежливо кланяясь даме, — но два дня тому назад она выехала, и мы не можем сказать, куда. С нею произошло что-то странное, иначе она не уехала бы, не простившись со своими приятельницами и не оставив нового адреса.

Выслушав это, дама посмотрела на закрытые ставни и уехала.

Приезд незнакомой дамы, вслед за исчезновением Жозен, послужил поводом для бескончаемых толков о происшедшем.

— Я уверена, — говорила Пепси, — что эта дама — мама леди Джен, которая после долгого времени вернулась к ней! Ах, какое несчастье, что она не приехала вовремя!..

Это было в канун праздника. Уже темнело, когда мадам Ланье проезжала по бульвару. В коляске лежали подарки для детей, друзей и знакомых. Вдруг на повороте ей бросилась в глаза маленькая детская фигурка, стоявшая на тротуаре. Мадам Ланье успела рассмотреть в полутьме девочку лет шести, в белом платьице, грязном, измятом, в рваных черных чулках и полустоптанных башмаках. Она куталась в тонкую вылинявшую шаль, стараясь прикрыть озябшие плечи. Золотистые волосы, заплетенные в косу, были небрежно свернуты на затылке. На худеньком, бледном личике выражалось такое горе, что на девочку нельзя было равнодушно смотреть. Приятная внешность ее невольно привлекала внимание.

Когда коляска стала поворачивать за угол, мадам Ланье пристально посмотрела на девочку. «Бедная малютка! — подумала она. — Напрасно я не остановила извозчика, чтобы спросить, кто она такая».

Это была леди Джен. Но кто бы мог подумать, что это она!

После той мучительной ночи, когда Жозен грубо растолкала спящую малютку и приказала ей немедленно встать и одеться, чтобы немедленно ехать, леди Джен растерялась. Сначала она не хотела повиноваться, звала на помощь Пепси, Диану, Жерара, — но все напрасно. Жозен кричала на нее, прибила и до того запугала, что бедняжка покорилась.

Страшная гроза, физиономии двух черномазых извозчиков, толчки и брань Жозен — все настолько ошеломило девочку, что она, помертвев от ужаса, не могла вымолвить ни слова.

Вот как изменилась за четыре месяца судьба бедной леди Джен! Изнеженная вниманием, ласками и заботами друзей, она сделалась беспомощной круглой сиротой.

В ночь бегства Жозен сильно простудилась. Ревматизм сковал ноги, ей приходилось лежать в постели почти не вставая. Деньги, — а их теперь было очень мало, — так и таяли. Голод стоял на пороге. Больная старуха дрогла от холода, даже не имея возможности купить дров. К тому же она должна была скрывать от всех свое новое место жительства. Больная и измученная, она оказалась совсем одинокой.

С помощью негра Пита ей удалось распродать уцелевшие пожитки. А однажды, отправив

леди Джен собирать милостыню, Жозен в ее отсутствие продала какому-то итальянцу за два доллара и голубую цаплю.

Цапля была единственной отрадой девочки, единственным живым напоминанием о недавнем счастье. Когда леди Джен под вечер вернулась в свою конуру и увидела, что Тони нет, она пришла в неистовое отчаяние, — даже Жозен испугалась.

С этого дня девочка утром и вечером бродила по соседним улицам, отыскивая свою милую цаплю. Когда Жозен в первый раз отпустила ее на улицу собирать милостыню, леди Джен повиновалась. Она уже привыкла угождать старухе. После бегства с улицы Добрых детей Жозен совсем перестала заботиться о девочке и возненавидела ее. Старуха считала, что леди Джен была главной причиной всех ее бедствий. Отправляя в первый раз девочку на улицу просить милостыню, Жозен дала ей следующее наставление.

— Ни под каким видом не смей никому говорить, что мы жили на улице Добрых детей. Не рассказывай, что ты знакома с Маделон, с Пепси, с семьей Пешу и со стариком Жераром — вообще с кем бы то ни было из тех, кого знаешь. Не смей разговаривать с чужими людьми, никому не называй своего имени и адреса, где мы теперь живем. Пой, пой, пой и протягивай прохожим руку. Иногда можешь плакать, если тебе станет грустно. Но смеяться никогда не смей!

Девочка строго следовала этим приказаниям, за исключением одного: плакать публично. Как бы тяжело у нее на сердце ни было, она стремилась не выдать плачем своего горя. Можно удивляться, сколько сыпалось мелкой монеты в руки девочке, когда раздавалось ее пение на улице: иногда она возвращалась домой с туго набитым кошельком. Ее замечательный голос, робкий, приятный, бледное личико и грустные глаза трогали до слез каждого. Если бы Жозен не была такой скаредной и не продала голубую цаплю, она каждый день могла бы получать хорошие деньги. Но лишившись своей любимицы, леди Джен была не в состоянии петь на улицах; и когда прохожие просили, чтобы она порадовала своим прекрасным голосом, малютка отвечала рыданиями.

Леди Джен бродила по дворам, отыскивая свою голубую цаплю. Девочка трепетала от ужаса, когда к вечеру кошелек оказывался пуст. Осторожно пробираясь домой, она стремилась спрятаться за дверь, чтобы подольше не попадаться на глаза старухе.

Однажды утром, когда на дворе стояла холодная погода, леди Джен, как обычно, было велено идти на улицу — петь и собирать деньги. Девочка чувствовала себя совсем больной, и когда Жозен сказала, чтобы она не смела возвращаться без денег, малютка заплакала и впервые стала умолять о снисхождении. Она просила разрешить ей остаться дома, потому что не могла петь в такой холод, а главное, боялась злых мальчишек, которые накануне забросали ее грязью и пригрозили, если она посмеет показаться на их улице.

Неожиданное неповиновение девочки привело Жозен в бешенство. Она схватила ее и начала трясти изо всех сил, затем, размахнувшись, так сильно ударила по лицу, что у малютки зазвенело в ушах.

— Убирайся вон! — крикнула свирепая старуха. — И не смей возвращаться, пока не наберешь денег!

Впервые в жизни леди Джен получила пощечину. Она тотчас перестала плакать, вытерла слезы; с изумлением и негодованием пристально посмотрела на свою мучительницу и молча вышла из комнаты.

Спустившись с лестницы, оскорбленная девочка приложила холодную как лед руку к пылающей щеке, стараясь успокоиться. Немного передохнув, она побежала без оглядки, ни разу не оглянувшись на дом, где жила Жозен.

Оказавшись довольно далеко от ненавистного переулка и зная, что она теперь в

безопасности — даже злые мальчишки ей теперь не угрожали, — леди Джен повернула на противоположную улицу, где до сих пор никогда не бывала.

Дул резкий ветер, но солнце ярко светило. Леди Джен закутала голову в поношенную маленькую шаль и стала бродить по городу.

«Если я обойду все улицы, — думала девочка, — то непременно попаду на улицу Добрых детей. Буду всех спрашивать, где живут Пепси или мисс Диана, а когда найду их, попрошу взять меня к себе, потому что я никогда, никогда не вернусь к тете Полине».

Мало-помалу леди Джен стала уставать. Вскоре она вышла на незнакомую широкую улицу. Это был красивый бульвар, по обеим сторонам которого возвышались большие дома с палисадниками у ворот.

Леди Джен присела на одну из скамеек, и ей невольно вспомнилась Пепси.

«Вот бы где ей погулять, — подумала девочка. — Здесь так хорошо! Как бы она, милая, обрадовалась, если бы вдруг увидела из окна, что к крыльцу подъезжает коляска, а в коляске я!..»

Но пока она мечтала, подул сильный ветер, и леди Джен стала дрожать от холода.

До фантазии ли было теперь бедной девочке, когда озноб охватил ее худенькое тело. Она перебежала на солнечную сторону и приютилась у подъезда какого-то дома. Поджав застывшие ножки, леди Джен старалась натянуть на них юбку своего плохонького платья.

Ах, если бы кто-нибудь показал ей дорогу к улице Добрых детей. Страшно только обращаться с вопросами к незнакомым людям — ведь тетя Полина строго-настрого запретила ей разговаривать с чужими!

«Разве вот что, — утешала себя девочка, — теперь я, к счастью, далеко от улицы, где живут злые мальчишки; мне нечего их бояться... Может быть, попадетсЯ кто-нибудь из моих прежних друзей и отведет меня к Пепси. Например, месье Жерар! Он отыскал же меня, когда я потерялась на маскараде. А теперь ведь я не в маскарадном костюме, и лицо не закрыто маской, — так ему еще легче меня отыскать и отвести к своим. Мало того, я уверена, что он тотчас бросится разыскивать Тони и привезет ее завтра же к Пепси. Как я буду тогда счастлива!..»

Сказочные мечты успокоили бедного ребенка.

Прошло несколько минут. Перед домом остановилась женщина, она держала корзину с провизией и что-то жевала. Заметив, что леди Джен, которая с утра ничего не ела, жадно впилась в нее глазами, женщина остановилась и спросила:

— Тебе не хочется ли есть, милая?

— Очень хочется, — робко ответила леди Джен.

Добрая женщина подала ей свежий продолговатый хлебец и румяное яблоко, улыбнулась и пошла дальше. Леди Джен вернулась в свой уголок и с аппетитом принялась есть хлеб и яблоко.

Не более, как четверть часа спустя, мимо нее прокатилась тележка молочницы, повернувшая к соседнему дому. Девочка обрадовалась: уж не тетя Модя ли?.. Увы, нет. Леди Джен знала, что у тети Моды много заказчиков в богатых улицах; значит, нужно подождать, — и девочка принялась доедать яблоко.

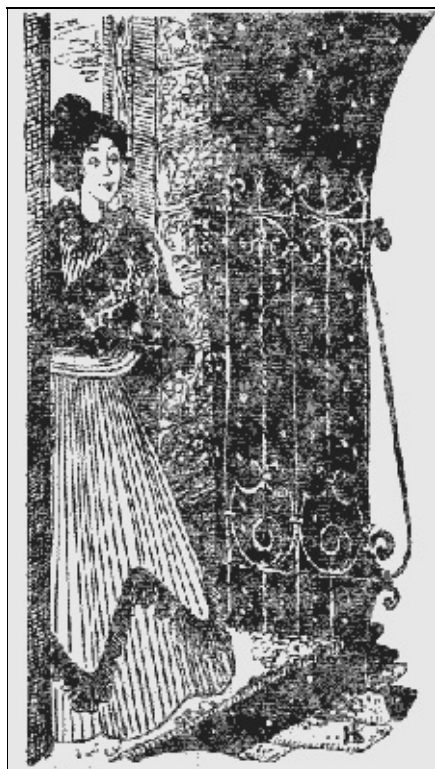
Между тем время шло. Утолив голод и успокоив себя мыслью, что скоро, скоро покажется знакомая молочница, леди Джен сидела на прежнем месте, довольная тем, что сыта и, верно, скоро доберется до милой Пепси. Начинало темнеть, солнце скрылось за крышами домов, серый туман заволакивал улицу. Девочка стала подумывать, как ей теперь быть, и упрекала себя, зачем она так долго оставалась на одном и том же месте. Вернуться домой к Жозен ей и в голову не приходило, да к тому же она бы даже не нашла обратной дороги. Пришлось тронуться в путь в поисках улицы Добрых детей.

Первый раз в жизни леди Джен оказалась ночью одна на улице, она дрожала от страха. Когда на нее зарычала и хотела броситься большая собака, девочка опрометью вбежала в ближайшую парадную дверь, но грубый швейцар безжалостно выгнал ее оттуда. Продолжая брести по улицам, она нередко останавливалась перед окнами домов и заглядывала в них. Особенно ей понравился один дом. Окна его были ярко освещены. В комнатах по стенам висели картины, за зеркальными окнами с приподнятыми занавесями стояли цветы. Доносились голоса взрослых, детский смех, музыка; вдруг оттуда послышалось женское пение. Мгновенно малютка Джен вспомнила своего друга — мисс Диану — и тяжело вздохнула. Потом леди Джен очутилась перед одноэтажным домом. Кружевные занавеси на окнах были высоко приподняты, комната залита огнем. За роялем сидела мадам Ланье, а две прехорошенькие маленькие девочки — ее дочери — в белых платьях, с пунцовыми бантами на поясах, танцевали под аккомпанемент матери. Леди Джен прижалась к чугунной решетке дома и впиалась блестящими глазками в веселящихся детей. В зале раздавались звуки вальса, очень знакомого бедной девочке: месье Жерар научил ее тем же па, которые исполняли в эту минуту дети, к тому же их мать наигрывала вальс, тоже знакомый леди Джен. Старик Жерар любил насвистывать этот вальс во время уроков. Забыв обо всем на свете, девочка сбросила с себя старенькую шаль, сделала пируэт, маленький скачок в сторону и, придерживая обеими руками плохонькое поношенное платьице, принялась грациозно танцевать. Кудрявые волосы растрепались, щеки разрумянились, и малютка носилась около фонаря, кружась и порхая.

Вдруг музыка в доме умолкла. Свет в окнах погас, занавеси опустились, и леди Джен осталась совершенно одна. Подняв с земли шаль, она закутала ею голову и побрела дальше. Снова подуло холодом, и, хотя девочка согрелась от быстрых движений во время танца, ноги вскоре заныли от холода. Несколько раз она споткнулась: колени подгибались, ее одолевал сон, и леди Джен готова была тут же упасть на скамейку. Но как только приближался прохожий, девочка заставляла себя встать и шла вперед. Во что бы то ни стало ей нужно было добраться до улицы Добрых детей. Думалось, что это уже недалеко, и леди Джен даже не смотрела по сторонам, уверенная, что вот-вот ей попадется навстречу Маделон, или издали засветится лампочка в окне Пепси...

Глава 20

Леди Джен находит убежище

Леди Джен устала от холода и желанья спать. Она кое-как дотащилась до пересечения двух улиц; места эти были ей незнакомы. На углу одной из улиц возвышалось большое здание, окна которого были ярко освещены.

Леди Джен повернулась к освещенным окнам, на фронтоне дома блестела мраморная доска с крупными буквами. Ухватившись оледеневшими от холода ручонками за чугунную решетку, окружавшую фасад здания, она приподнялась на цыпочках и прочитала по складам: «Приют для сирот».

«Для сирот»? Что это значит? А как там тепло, как светло!..

Подумав, она сильно дернула за звонок на дверях и продолжала заглядывать в окно. В залитой огнями зале бегали и прыгали дети.

Позвонив, леди Джен будто и забыла о звонке, увлеченная увиденным. Застывшая от холода, она не держалась за решетку и смотрела, смотрела...

Дверь парадной лестницы отворилась. На крыльцо вышла женщина средних лет.

Дама, увидав девочку с обнаженной головой, бедно, нищенски одетую и обутую, подхватила ее, взяла на руки и унесла в дом.

— Дитя мое, милое дитя, как ты сюда попала? В такой холод, почти раздетая! Почему ты не идешь домой?

В первую минуту девочка не могла произнести ни слова — до того озябла и устала. Она чувствовала на себе ласковые руки, и ей казалось, что она в объятиях матери. Но вопрос, как она сюда попала, заставил леди Джен вздрогнуть от ужаса.

— О, не отсылайте меня! — закричала несчастная девочка. — Не отсылайте, не возвращайте назад к тете Полине! Я ее боюсь: она сегодня меня побила, дала мне пощечину, и я от нее убежала.

— Где живет твоя тетя Полина? — спросила Маргарита (так звали начальницу приюта для сирот), держа девочку на руках и не сводя испытующего взгляда с ребенка.

— Не знаю где. Кажется, далеко отсюда.

— Ты не можешь вспомнить улицу?

— Это не улица, а, кажется, переулок — грязный, в болоте. Там надо по доскам ходить.

— Можешь ты мне назвать имя твоей тети?

— Могу: ее зовут тетя Полина.

— А настоящее ее имя?

— Не знаю. Я всегда звала ее тетя Полина. О, прошу вас, не отсылайте меня к ней! Я боюсь туда идти, она приказала мне принести вечером деньги, а без денег не возвращаться. Она велела мне петь на улице, но я петь не могла, а просить милостыню не смела...

Тут девочка не выдержала и залилась слезами, но начальница приюта привыкла быть свидетельницей самых горьких сцен из жизни детей.

— Где же твой отец и твоя мать? — нежно спросила она у леди Джен.

— Папа умер, а про маму тетя Полина говорит, будто она куда-то уехала. Но я думаю, что она тоже умерла.

Глаза Маргариты наполнились слезами. Она еще крепче прижала к себе дрожавшую от холода сиротку и пошла во внутренние комнаты.

— Не хочешь ли ты переночевать здесь, душа моя? — спросила она. — У нас живет много, много девочек, и наши воспитательницы очень их любят и берегут.

Бледное личико леди Джен расцвело.

— Так мне можно остаться у вас? Вы позволите мне играть с детьми? — улыбаясь спросила она.

— Конечно, дитя мое! А завтра утром ты получишь свою долю подарков.

Маргарита открыла входную дверь и ввела девочку в комнату, где было много маленьких детей.

* * *

Прошло несколько дней, как леди Джен попала в приют. Так как за ней никто не приходил, то в приюте решили определить девочку в младшее отделение.

Скоро она привлекла к себе внимание не только Маргариты и других воспитательниц, но и всех детей. Пение ее увлекало всех, голос девочки заметно креп и развивался.

В приюте малютку буквально засыпали подарками и лакомствами, но никто так не баловал ее, как мадам Ланье, которая часто навещала детей. Она обязательно привозила маленькой Джен какой-нибудь подарок.

Вскоре Маргарита нашла уместным убрать слово «леди» из имени девочки, и воспитательницы одобрили это предложение.

— Мне кажется, — говорила Маргарита своей помощнице Агнессе, — что мадам Ланье намерена усыновить Джен. Не будь у нее много своих детей, я уверена, что она уже перевезла бы девочку из приюта в свой дом.

— Мадам Ланье иногда задает мне престранные вопросы об этом ребенке, — ответила Агнесса. — Когда Джен поет, мадам Ланье глаз с нее не спускает и слушает с огромным вниманием.

— Да, — сказала Маргарита, — я и сама заметила, что мадам Ланье постоянно расспрашивает Джен. Очевидно, ей хочется узнать от самой девочки, как она попала к неизвестной родственнице своей — какой-то тете Полине.

Джен продолжала упорно молчать, ограничиваясь тем немногим, что она рассказала в порыве отчаяния в тот — первый — праздничный вечер. Ее пугало, как бы не попасть снова в

когти злой Жозен, строго-настрого запретившей даже упоминать об улице Добрых детей. А между тем как хотелось девочке поговорить с воспитательницами о Пепси, Диане, Жераре и о семье Пешу!.. Как ныло ее сердечко при воспоминании об этих добрых людях, верных ее друзьях! На уроках пения Джен мысленно переносилась в прекрасный сад с цветами, в домик мисс Дианы, и ей казалось, что она поет вместе с нею.

Проходили месяцы, а старые друзья Джен оставались в неизвестности.

Между тем девочке уже шел восьмой год.

Бедную мисс Диану постигло большое горе. Опасно занемогла ее мать, а в середине августа скончалась. Кроткая, терпеливая Диана осталась совсем одна в маленьком домике, со своими цветами, деревьями и птицами. Грусть не покидала ее со времени похорон матери.

— О, если бы со мной была моя бесценная девочка! — со вздохом говорила она, оставаясь одна. — Каким бы утешением, какой отрадой она была бы для меня!..

На следующий день утром, когда семья Пешу сидела за завтраком, принесли газеты. Папа Пешу, просмотрев первый лист, воскликнул, да так громко, что жена его чуть не опрокинула кофейник, из которого собиралась наливать кофе.

— Что такое? Что случилось? — спросила она, вздрогнув.

Вместо ответа муж прочитал следующее объявление:

«Погребена из милосердия скончавшаяся в госпитале для бедных госпожа Полина Жозен, урожденная Бержерон».

Глава 21

Тетя Модя находит леди Джен

Когда Пешу прочитал известие о смерти мадам Жозен и о том, что она похоронена за счет госпиталя для бедных, он очень разволновался.

— Жена, — сказал он, — старуха не выезжала из города, в Техас не ездила. Она просто скрывалась от нас в окрестностях города. Как бы то ни было, но я обязан отыскать леди Джен.

— Конечно, конечно! — отвечала добросердечная молочница. — Отыщи ее и приведи сюда. Правда, у нас своих семеро детей, но места для девочки хватит. Я люблю малютку, как родную!

Пешу тотчас отправился разыскивать пропавшую девочку. К великому огорчению семьи, он вернулся поздно вечером того же дня: поиски оказались безуспешными.

Он начал с того, что отправился в госпиталь для нищих, где узнал, что Жозен поступила в госпиталь несколько дней назад еле живая от голода и холода. Ее привезли в фургоне для бедных больных после того, как нашли в какой-то конуре на краю города в полном одиночестве, без каких бы то ни было средств к существованию. Ребенка при ней не было: она лежала одна, и в те немногие часы, когда она приходила в себя, не возникало и намек на то, что раньше с нею жила девочка. Затем Пешу стал наводить справки у ближайших соседей, интересовался фургонщиком, который привез ее в госпиталь. Соседи отвечали, что им ничего не известно. Жозен появилась в их околотке неизвестно откуда. Имущество ее было ничтожным, с первых же дней жизни в этом районе она слегла в постель. Когда она заболела, соседи тотчас позаботились, чтобы за нею приехали. Тогда женщину и перевезли в госпиталь. Никто не знал, откуда она приехала. Видели, что старый негр свалил ее скарб и уехал, а соседям и в голову не пришло запомнить номер. Хозяин лачуги, где она жила, сообщил, что жилье для нее снял тот же старик-негр, который ее привез, но имени его тоже никто не знал. Этим и ограничились поиски Пешу; больше ему ничего узнать не удалось. Жозен, видимо, умышленно скрыла от всех, куда подевалась леди Джен.

— Ну, вот видишь: как ушел, так и пришел ни с чем, — говорил Пешу, возвращаясь усталый, измученный и огорченный. — Впрочем, я дела так не оставлю! Я должен доискаться,

как могла пропасть девочка. Чем более я вдумываюсь, тем больше убеждаюсь, что Жозен не ездила в Техас и что девочка наша непременно находится здесь, в городе! Вот что я надумал: завтра с утра отправлюсь осматривать приюты.

— Хорошо, и я отправлюсь вместе с тобой! — воскликнула тетя Модя. — Мы вдвоем поедem в приюты — и только тогда успокоимся. Если Жозен не отправила куда-нибудь леди Джен, то нет сомнения, что девочка отыщется. Я всегда говорила и теперь говорю, что Жозен украла леди Джен. Вот почему она так тщательно укрывала ребенка и так внезапно скрылась. Помнишь даму, которая приезжала на улицу Добрых детей? Очевидно, она разыскивала мадам Жозен. О, уверяю тебя, тут кроется некая тайна! Распутать этот узел можем только мы с тобой. Завтра встанем пораньше и вместе решим, как взяться за дело.

Прошло несколько дней. Джен сидела в классной комнате и готовила уроки. Вдруг в класс вошла Маргарита с кем-то из посетителей. Это было обычным для детей, и потому девочка, прилежно занятая уроком, даже не подняла головы.

— Здесь отделение для детей младшего возраста, — громко сказала Маргарита. — Посмотрите, — быть может, увидите девочку, которую вы разыскиваете.

Услыхав это, леди Джен повернула голову в сторону вошедших, и в то же мгновение полное улыбающееся лицо женщины вспыхнуло от радости.

— Да, да! Это она! — воскликнула гостя.

И сразу раздался голос девочки.

— Тетя Модя! Ах, тетя Модя! — Джен обхватила обеими руками шею мадам Пешу и принялась ее целовать.

Взволнованная женщина прижала ее к себе и тоже целовала. Папа Пешу, чуть не плача от радости, тербил шляпу и с умилением смотрел на жену и ребенка.

— Джен, ты можешь спуститься с нами вниз, — сказала начальница приюта, предложив гостям отправиться в приемную.

Затем завязался оживленный разговор между супругами и наставницею. Джен, устроившись на коленях тети Моды, вслушивалась в слова, касавшиеся ее судьбы, но многого так и не поняла. Долго толковали о мадам Жозен, говорили об улице Добрых детей, о золотых часах с бриллиантами и с какими-то буквами, потом называли эти же буквы, вышитые на белье; и наконец, о том, как внезапно мадам Жозен куда-то исчезла. Толковали и о том, как она была жестока с девочкой. Всю эту историю Маргарита слушала с изумлением и интересом. Она, в свою очередь, сообщила супругам Пешу, как наткнулась на леди Джен на крыльце приюта в канун праздника, как приняла ее в дом, как расспрашивала девочку, откуда пришла, где раньше жила и кто она родом. Но Джен на эти вопросы не отвечала.

— Отчего же ты, милочка, не отвечала тете Маргарите на эти вопросы? — ласково спрашивала тетя Модя.

Девочка запнулась, затем вполголоса сказала:

— Оттого, что я боялась...

— Кого же ты боялась, моя крошка? — спросил Пешу.

— Тетя Полина запретила мне говорить об этом, — робко глядя на Маргариту, продолжала Джен. — А теперь я могу сказать?

— Конечно, можешь. Ты должна рассказать нам все, что относится к тебе и что тебе известно, — серьезно ответила начальница.

— Мне тетя Полина строго приказала никогда никому не говорить, что мы раньше жили на улице Добрых детей, а главное — не называть по имени никого из моих знакомых, не называть своего имени и где я жила прежде.

— Бедняжка! — заключила Маргарита, обращаясь к обоим Пешу. — Тут кроется какая-то

тайна, раз старуха Жозен прибегала к таким угрозам. Подождем несколько дней и тогда продолжим... У Джен есть верный друг, мадам Ланье, супруга известного доктора. Она сейчас уехала в Вашингтон, я ожидаю ее со дня на день, а без нее не хочу начинать это дело. Но вы, месье Пешу, можете продолжать поиски.

— Не пройдет двух-трех недель, — сказал добрый Пешу, — и в вашем приюте будет одной сироткой меньше.

Пока начальница приюта и папа Пешу продолжали беседовать, тетя Модя и Джен болтали без умолку. От нее девочка узнала и о кончине матери мисс Дианы и заплакала, представив, что она, бедная, осиротела.

— Вспоминают ли обо мне Пепси, Маделон, месье Жерар и Мышка? Хотят ли меня видеть? — спрашивала девочка, — Ах, как я буду рада, когда мы опять увидимся!

Тетя Модя обливалась слезами, слушая рассказ о страшной ночи, когда Джен увезли тайком. Чего только она, бедная, не натерпелась, живя с Жозен в лачуге, в сырости, голоде и холоде! Ее выгоняли на улицу, заставляли просить милостыню; старуха ее била, требовала денег и, наконец, ударила по лицу!

— Но что всего ужаснее, — воскликнула Джен, — это что она продала мою цаплю! Тетя Модя, подумайте! Я боюсь, что ко мне никогда не вернется моя милая Тони! — И слезы градом полились по лицу ребенка.

— Найдешь ее, душа моя, непременно найдешь! — утешала тетя Модя. — Вот мы тебя нашли, а потом найдем и птичку. Не горюй! Не горюй!

Когда Маргарита пообещала на следующий день утром привезти леди Джен на улицу Добрых детей, супруги Пешу простились с девочкой и, довольные, что сбылось их желание, отправились домой. Тетя Модя не могла вернуться к себе на мызу, не повидав Пепси, старого Жерара, мисс Дианы и не сообщив им, что девочка жива, здорова и находится в приюте. Это был общий восторг! Больше всех, по-видимому, взволновалась мисс Диана. В ту ночь она долго не могла заснуть и долго сидела в цветочной галерее, мечтая о завтрашнем свидании с леди Джен.

На следующий день экипаж с леди Джен остановился у знакомого дома на улице Добрых детей. Джен влетела в комнату Пепси и кинулась ей на шею.

— Все та же! Все та же! — смеясь и плача, говорила Пепси, всматриваясь в Джен. — Те же прекрасные глаза, то же милое личико.

Мисс Диана в первую минуту забыла обо всем на свете, любуясь девочкой; но затем она не удержалась, чтобы не спросить у Маргариты:

— Неужели леди Джен останется в приюте?

— Я надеюсь, что ненадолго: мы все скоро расстанемся с Джен, — ответила Маргарита.

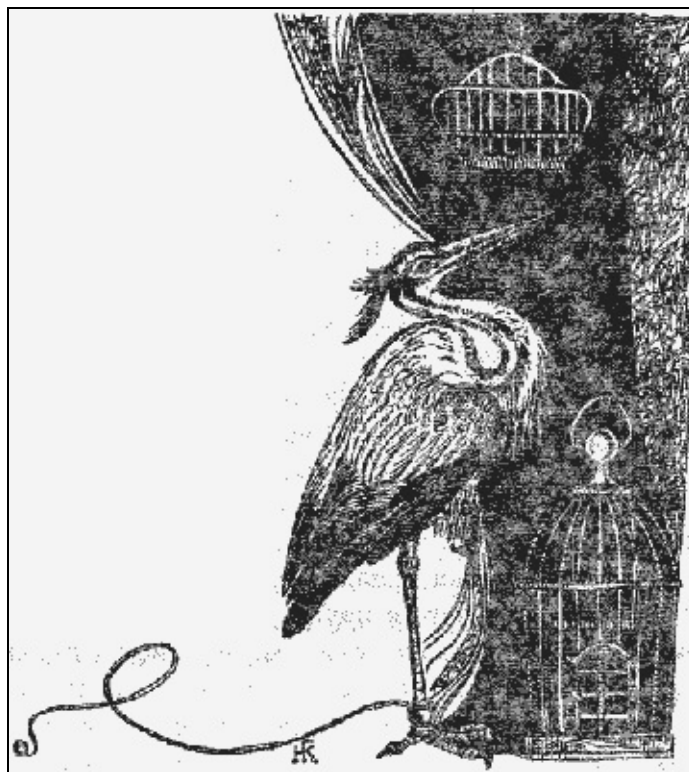
После этого мисс Диана долго беседовала с Маргаритой о том, как бы лучше устроить будущее леди Джен.

— Если родные ее согласятся, то я всю свою жизнь готова посвятить девочке, — говорила Диана. — Я воспитаю ее, как следует, серьезно займусь с нею музыкой — для меня это будет большим наслаждением.

— Надо об этом еще подумать, — возразила Маргарита, — а пока я посоветовала бы оставить девочку у нас в приюте. Я охотно позволю ей провести теперь несколько дней у вас, чтобы она повидалась со своими друзьями, а потом надо ее отвезти в приют.

Между тем Пешу вел неутомимую переписку с одним из ювелиров Нью-Йорка, разыскивая через него, кому лет пять тому назад были заказаны дамские часы с вензелем: «J.C.».

Мадам Ланье вернулась из Вашингтона за несколько дней до праздника. Усталая от путешествия, она посвятила первый день отдыху, а двух своих девочек отправила с отцом в театр. В это время ей подали визитную карточку.

— Артур Менар! — проговорила мадам Ланье. — Проси! Скорее проси!.. Милый мальчик! — воскликнула молодая женщина. — Как я рада, что он приехал к нам на праздник.

Не прошло и минуты, как в кабинет вошел молодой человек. Мадам Ланье дружески протянула ему руку.

— Видите, как я верен! — еще издали вскричал он, смеясь, и его белые блестящие зубы сверкали.

— Вижу, вижу, дорогой мой Арчи! — отвечала, улыбаясь, мадам Ланье. — Ты никогда не изменял нам. Все такой же живой, веселый! Садись поближе, и будем разговаривать. Дети уехали в театр с отцом, а я до того устала за день, что не хватило сил отправиться вместе с ними. Представь себе, мы вернулись из Вашингтона только сегодня утром.

— Неужели? Знай я это, ни за что бы не явился к вам сейчас! Воображаю, как неприятно принимать гостей, когда вы так утомлены! — И Артур вскочил со стула, готовый уйти.

— Вздор какой, Арчи! Садись. Я всегда так рада тебе!

Пока мадам Ланье рассказывала гостю о своем семействе, юноша оглядел почти всю комнату. Всевозможные фотографии были расставлены на столиках. Вдруг Артуру бросился в глаза портрет в рамке из голубого бархата. На фотографии была изображена группа: молодой человек, молодая женщина и ребенок.

— Мадам Ланье, что это за группа? И кто эта дама?

— Это одна из моих любимых подруг детства, — ответила мадам Ланье. — Да отчего ты спрашиваешь? Разве ты ее знаешь?

— Конечно, знаю! Мало того, у меня есть копия этого портрета!.. Вот так странная история! Я вам расскажу, в чем дело, но прежде спрошу кое о чем...

— Арчи, тебя, как видно, очень заинтересовала эта дама? — улыбаясь, заметила мадам Ланье. — Это моя большая приятельница — Джен Четуинд. Мы учились в одном пансионе в Нью-Йорке. Отец ее м-р Четуинд. Ты, верно, слыхал о его богатстве?

— Конечно, конечно, слыхал! Но говорите дальше!..

— Значит, тебя интересует история моей дорогой Джен?

— Да, интересует! Расскажите мне все, все про нее! Мне необходимо это знать.

— Так слушай: красивый молодой человек — это муж Джен, фамилия его Черчилль, родом он англичанин. Девочка — их единственная дочь, которую они привыкли называть леди Джен. С этой минуты начинается настоящий роман, и я употреблю все силы, чтобы раскрыть тайну, касающуюся моего милого друга, Джен Четуинд.

— Продолжайте, продолжайте! — в волнении говорил Артур. — Быть может, я сам помогу вам раскрыть эту тайну.

— Изволь, я не прочь рассказать тебе все, что касается этой семьи. Джен Четуинд — единственная дочь старого богача. Мать ее умерла, когда она была еще совсем девочкой. Отец задумал выдать ее замуж за миллионера Биндервилля, известного строителя железных дорог в Америке. Но вместо этого Джен без разрешения отца вышла замуж за молодого англичанина, служившего в конторе отца. Это был прекрасно образованный человек, деловой, но небогатый. Старик Четуинд до такой степени был раздражен этим браком, что отрекся от дочери, лишил ее наследства, отказал от дома и запретил даже напоминать о ней. Муж Джен взял в аренду имение в Техасе и сделался фермером... В прериях у них родилась девочка, названная в честь матери, а отец прозвал ее леди Джен.

Мы с миссис Черчилль переписывались постоянно. Счастливая беззаботная жизнь молодой четы приводила меня в восторг. Муж и жена сообщали мне до мельчайших подробностей все, что касалось их девочки.

Когда малютке минуло три года, мой верный друг Джен прислала мне в подарок свою семейную фотографию. После этого два года кряду я вела переписку с нею. Вдруг письма ее прекратились. В это время мы с мужем на целый год уехали в Европу. По возвращении домой мне подали несколько моих писем, адресованных Черчиллям, с пометками: «Обратно». Муж навел справки на почте, по какой причине возвращены наши письма, отправленные в Техас. Ему ответили, что мистер Черчилль внезапно скончался два года тому назад от лихорадки, что миссис Черчилль немедленно после кончины мужа покинула прерии и с маленькой дочерью переехала в Нью-Йорк, и что после этого в Техасе не было о них никаких сведений. Начальник местной почты добавил, что он сам удивлен этому: миссис Черчилль, уезжая из прерий, просила хранить ее мебель на станции до тех пор, пока она не приедет в Нью-Йорк и не уведомит, куда именно доставить багаж. «Вот уже два года минуло, — писал начальник почты, — а у нас до сих пор хранятся эти вещи».

Тогда я решила заняться этим делом и написала в Нью-Йорк моей знакомой, чтобы она навела справки, где старик Четуинд и его замужняя дочь. Вот что она мне ответила: «Из местных газет видно, что мистер Четуинд уехал в Европу несколько лет тому назад, а о дочери его Джен нет ни слуху ни духу».

Почему Джен до сих пор не пишет мне — я не понимаю. Есть еще одно обстоятельство, которое меня сильно волнует, хотя другим оно может показаться пустяком. Дело вот в чем: когда мы были девочками в пансионе, я заказала для Джен ко дню ее рождения ящичек, украшенный сверху изящным эмалированным букетом цветов из анютиных глазок и незабудок, а на внутренней стороне крышки были написаны поздравительные стихи моего сочинения с вензелем Джен над ними. В прошлом году я приехала к моей постоянной модистке: выбираю себе разные вещи, и вдруг меня бросило в жар. «Откуда у вас этот ящичек?» — спросила я,

указывая на изящную вещь. «Одна моя знакомая принесла его ко мне и просила поскорее продать, — ответила модистка. — Фамилия ее Жозен, живет на улице Добрых детей; за этот ящичек я бы взяла двадцать пять долларов». Я сейчас же заплатила эти деньги, спрятала дорогой ящичек в карман и, записав адрес Жозен, уехала домой. Я отправилась на улицу Добрых детей, спрашиваю, где такая-то Жозен? «Опоздали, сударыня, — вежливо ответил мне испанец из табачной лавочки, — Жозен действительно жила здесь, но вчера ночью выехала со всеми своими пожитками, а куда — неизвестно». И действительно, сколько ее ни разыскивали — она точно в воду канула. Очень может быть, что мой ящичек был украден в Техасе или в Нью-Йорке и привезен сюда для продажи. Я была счастлива, что мне случайно удалось вернуть вещь, принадлежавшую Джен.

Все время, пока мадам Ланье рассказывала о своей подруге, Артур Менар не спускал с нее глаз и, очевидно, находился в сильном волнении. Мадам Ланье иногда вопросительно взглядывала на своего собеседника, ожидая, что он перебьет ее рассказ, но он молчал.

— Я рассказала тебе, Арчи, все, что знала, — заключила она. — Теперь очередь за тобой.

— Как я был глуп! — вскрикнул Артур, вскочив с места и принимаясь быстро ходить по комнате. — Вы мне сообщили много любопытного, но знайте, что в эту тайну посвящены не вы одни. Я знал едва ли не больше еще об общем нашем деле.

— Каким образом, Арчи? Что ты знал? Умоляю тебя, расскажи подробно все. Ты представить не можешь, с каким волнением я жду новых вестей о судьбе Джен Черчилль.

— Не будь я таким болваном, идиотом, ослом, будь у меня хоть капля мозга в голове, я бы давным-давно сам привез к вам в дом миссис Черчилль и ее прелестную девочку! А я-то что сделал? Отправил мать и дочь в Гретну без провожатого, когда на дворе было почти совсем темно, когда я знал, что мать больна! Что я наделал?..

— Арчи, Арчи! — воскликнула мадам Ланье. — Говори скорее, когда именно это случилось? Куда делась Джен Черчилль со своим ребенком?

— Ничего не могу сказать! Я теперь точно так же растерян, как и вы! Впрочем, надо все рассказать по порядку...

И Артур стал подробно описывать свою встречу в вагоне железной дороги с миссис Черчилль и с ее дочерью, как он подарил девочке голубую цаплю и как простился с ними на станции Гретна, а сам поехал дальше, в Нью-Йорк.

— О, Арчи! — воскликнула мадам Ланье. — Как это ты не догадался проводить их из Гретны на паром и привезти прямо к нам? Ведь у Джен, кроме меня, не было никаких знакомых в Нью-Йорке. Каково было ей, больной, идти ночью по неизвестной дороге! Ну, что бы тебе стоило пригласить ее прямо к нам?

— Миссис Черчилль ни разу не упомянула о вас. Могло ли мне прийти в голову, что вы с нею так дружны и что она едет именно к вам? А навязываться с услугами незнакомой даме мне показалось неловко.

— Но отчего же на другой день она ко мне не приехала?

— Дайте мне договорить до конца, и тогда мы вместе решим этот вопрос. Проводив миссис Черчилль с девочкой, я долго стоял на платформе поезда и следил за ними. Сначала они кланялись мне издали с улыбкой, потом стали спускаться с горы к парому, и в это время наш поезд двинулся дальше. Я сел на прежнее место в вагоне и задумался. Вдруг на том диване, где сидела девочка, я увидел книгу в переплете из красной кожи, с серебряными застежками и с монограммой «J.C.». Это была книга ехавшей со мной больной дамы. Рядом с книжкой я нашел семейную фотографию.

— Так и есть! — сказала мадам Ланье. — Это была книга моей дорогой Джен. Но отчего с тех пор она ни разу не заглянула ко мне? Куда она делась?

— В этом-то и заключается тайна, — отвечал Артур. — Очень может быть, что она почувствовала себя дурно и зашла в ближайший отель, вместо того, чтобы ехать к вам. Не смею утверждать, что это верно. Могло быть и так, что с больной случилось что-нибудь еще более серьезное. На следующий день я напечатал в одной из местных газет объявление, что нашел вчера в вагоне книгу с семейной фотографией, причем указал адрес, по которому следовало обратиться, чтобы получить книгу и фотографию. Но прошло уже два года, а я не встречал ни матери, ни дочери.

— Как это странно! О, как это странно! — воскликнула мадам Ланье. — Зачем Джен изменила свое намерение? Если она приехала сюда, чтобы погостить у меня, то почему она не исполнила этого?

— Надо думать, — отвечал Артур, — что она не осталась в Гретне, а в ту же ночь вынуждена была уехать из-за каких-нибудь непредвиденных обстоятельств: иначе, если бы она осталась ночевать здесь, в каком-нибудь отеле, я непременно бы ее отыскал. Вернее предположить, что она в ту же ночь выехала из города.

— Дорогой мой Арчи, скажи лучше прямо, что Джен умерла! — проговорила со слезами мадам Ланье. — Неизвестность хуже всего.

— Ручаться ни за что не могу. Но у вас есть маленькая надежда: вы нашли свой ящичек, а я нашел голубую цаплю, которую подарил леди Джен. Представьте себе, как это случилось. Я зашел сегодня утром к одному любителю птиц, смотрю — у него голубая цапля, а это очень редкая порода в здешних местах. Спрашиваю: «Откуда вы ее достали?» — «Вот, — говорит, — какой-то итальянец принес ее на днях и продал дешево, очевидно, торопился почему-то продать». Я попробовал позвать птицу: «Тони! Тони!», как вдруг слышу, она закричала: «Тонь! тонь!» и, хлопая крыльями, побежала прямо ко мне. Ну, думаю, это моя цапля... И действительно, это была она.

— Странно, как ты мог узнать ее?

— Видите, у моей цапли на крыльях клеймо в виде трех черных крестиков, которые я ей поставил.

— Спросил ли ты продавца, где итальянец взял птицу? Очевидно, девочка потеряла ее, или цаплю украли, как украли мой ящичек. Как же это, однако, могло случиться?

— Это лучшее доказательство, что миссис Черчилль не выехала отсюда, — сказал Артур.

— Неужели? — воскликнула мадам Ланье. — Тут непременно кроется какая-то тайна! Продолжай, продолжай...

— Заплатив деньги за цаплю, я начал писать свой адрес и наказал торговцу, чтобы он тотчас же отнес ко мне цаплю. Вдруг передо мной оказался престранной наружности старичок-француз. Увидав Тони, он подскочил к ней, начал гладить ее по голове, смеяться и лепетать что-то по-французски. Я сначала подумал, что это сумасшедший, и старался объяснить ему на французском языке, что голубая цапля моя и что я никому ее не уступлю. Старичок же, в свою очередь, уверял, что эта цапля принадлежит одной маленькой леди, которая прежде жила на улице Добрых детей.

Мадам Ланье широко раскрыла глаза.

— Как? На улице Добрых детей? — сказала она, — Вот странно-то!

— Француз задыхался от волнения, приседал передо мной, шаркал ногой и, улыбаясь, лепетал: «Я, месье, уж два дня ищу голубую цаплю, чтобы порадовать маленькую леди». Когда я попросил старика описать наружность этой маленькой леди, то, уверяю вас, получилось соответствие его слов с фотографией.

— Арчи, неужели это родная дочь моей дорогой Джен? Мать умерла, а где же дочь? Я хочу непременно узнать. Съездим завтра утром на улицу Добрых детей.

— Но девочки, наверное, мы там не найдем, — отвечал Артур. — Старик-француз рассказал мне запутанную историю о какой-то Жозен, которая будто бы убежала из своей квартиры и забрала с собой девочку.

— Жозен? Та самая, что продала мне ящичек?

— Очевидно, та самая, но она недавно умерла. Обо всем этом мне рассказал старичок-француз. От него я узнал, что маленькая леди отдана сестре Маргарите, в сиротский приют. Завтра я собираюсь съездить к ней.

— О, теперь для меня все ясно! — воскликнула мадам Ланье, в волнении вскакивая с места. — Тайна открыта! Сиротка-девочка в приюте — родная дочь моего милого друга, покойной Джен Четуинд. Я узнала малютку в первую минуту: те же глаза, тот же голос, та же улыбка, что и у матери. Скажи, Арчи, ты узнаешь ее?

— Конечно, узнаю. Я ее видел два года тому назад, когда ей было лет шесть. Не могла же она так измениться за эти два года. Мало того, я убежден, что и она меня узнает.

— Отлично! Так приезжай же завтра утром, часам к одиннадцати, прямо ко мне. Надеюсь, что к этому времени ее привезут из приюта. Имя девочки Джен. Бедная, бедная мать! Куда она делась? Я не успокоюсь до тех пор, пока не узнаю, что с нею случилось...

Глава 23

Новая мать

На следующее утро Маргарита по просьбе мадам Ланье приехала к ней вместе с маленькой Джен. Девочку отвели наверх, в детскую, где Этель и Мей, дочери хозяйки, уже ждали ее, а почтенную начальницу приюта пригласили в кабинет.

Долго длилась беседа о судьбе сиротки. Особенно любопытен был рассказ Маргариты о том, как усердно хлопотал добрый Пешу, чтобы раскрыть мошенничество старухи Жозен и ее сына.

— Без помощи месье Пешу, — говорила Маргарита, — нельзя было ничего сделать, так как приходилось собирать сведения не только в Америке, но и в Европе. Денег потребовалось немало, а Пешу, как вам известно, человек небогатый.

— Муж и я, — сказала мадам Ланье, — считаем своей священной обязанностью не жалеть средств, пока не будет доказано, что сирота — дочь Джен Четуинд. А сейчас я попросила бы вас, милая Маргарита, оставить у меня девочку.

Маргарита с удовольствием исполнила желание мадам Ланье, и Джен тотчас вызвали из детской, где она играла с детьми. На ней было довольно грубое приютское платье, но, несмотря на это, она выглядела привлекательно. Все любовались ее оживленными глазами и ямочками на щеках.

— Иди, иди сюда, моя дорогая! — воскликнула мадам Ланье, привлекая к себе леди Джен. — Говори скорей, как тебя лучше звать: леди Джен или просто Джен?

Девочка с минуту подумала, посмотрела на Маргариту и с улыбкой ответила:

— Мне больше нравится, когда меня зовут леди Джен, а мисс Маргарите — когда меня зовут просто Джен.

Тут мадам Ланье отперла резной ящичек и вынула оттуда фотографию.

— Взгляни, дитя мое, — сказала она, — кто на снимке?

Джен побледнела и впиалась глазами в карточку.

— Это папа и мама! — крикнула она в волнении. — Это моя милая, милая мама! — И с этими словами она бросилась на шею Маргарите и залилась слезами.

— Кто же теперь усомнится, что это дочь Джен Четуйнд? — проговорила мадам Ланье. — Маргарита, я прошу вас оставить девочку у меня. С этой минуты я считаю ее моей дочерью.

Маргарита отвела Джен в детскую, приказала снять с нее приютскую одежду, переодела девочку, расцеловала ее и уехала в приют.

Прошло часа два. Мадам Ланье сидела у себя в комнате и торопливо писала.

В комнату вошел Артур Менар. Он посмотрел на мадам Ланье — та улыбнулась.

— Не спрашивай меня ни о чем, — сказала она, — погоди несколько минут, все узнаешь...

Наверху, в детской, раздался смех. Вслед за этим с лестницы сбежали и вошли в кабинет три девочки в белых платьях, с шелковыми розовыми поясами. То были обе дочери мадам Ланье и леди Джен.

Как только дочери мадам Ланье увидели знакомого гостя, они радостно, со смехом бросились к нему, а леди Джен остановилась на месте как вкопанная, на ее лице мелькнула улыбка и выразилось беспредельное изумление.

Мадам Ланье внимательно следила за нею.

Девочка, крепко сжав руки, робко подошла к гостю и вежливо сказала:

— Позвольте вас спросить, не вы ли тот мальчик, что подарил мне голубую цаплю?

Артур пришел в восторг. Он привлек к себе девочку и, обняв ее, ответил:

— Да, леди Джен, я тот самый мальчик, который подарил вам голубую цаплю. Значит, вы меня помните? А я был уверен, что вы меня давно забыли.

— О, нет! Я-то вас не забыла! — шаловливо заметила девочка. — А вот вы... меня не сразу узнали...

— Нет, нет, моя прелесть! Сразу узнал, но не подошел, чтобы убедиться прежде, узнаете ли вы меня.

— А я повторяю, что вы меня не узнали, когда мы встретились во второй раз.

— Во второй раз! Быть не может! Где и когда вы могли меня видеть во второй раз?

— Видела! Это было во вторник, на масленице. Вы меня не узнали, потому что я была в маске, — при этом леди Джен лукаво улыбнулась. — Я ведь крикнула вам: «Это я! Я леди Джен!», но вы мне не ответили, хотя повернулись в мою сторону и внимательно посмотрели на меня. Конечно, лицо мое было скрыто маской и меня нельзя было узнать.

— Да, теперь я вспомнил. Немудрено, что я не мог вас узнать. Да и могло ли мне прийти в голову, что в измятом, изодранном домино скрывается леди Джен. Почему же вы вторично меня не окликнули?

— Я, право, думала, что вы меня давно забыли.

— А где же Тони? Вы ее отдали кому-нибудь? — И Артур, пристально посмотрев на девочку, улыбнулся.

— Нет, я никому не отдавала своей милой цапли, я любила ее, берегла... но она у меня пропала... Меня послали на улицу петь. Когда бывало холодно, я привязывала ее на веревочке в комнате, а тут она сорвалась и убежала. Тетя Полина уверяла меня потом, будто Тони выскочила на улицу и что поймать ее она не могла: у нее болели ноги... Ах, как я плакала, как долго искала Тони! Я до того тосковала, что не было сил петь.

Джен замолчала.

— Милая, дорогая девочка! Ни в чем-то она не изменилась, осталась той же, — говорил Артур, обращаясь к мадам Ланье и разглаживая волнистые волосы Джен. — А помните ли вы, — продолжал Артур, — тот день, когда мы ехали в вагоне и я подарил вам цаплю?

— Конечно, помню.

— Да, но ведь вы ехали не одна, а с мамой? Где же мама?

— Не знаю, — серьезно отвечала девочка. — Сначала я думала, что она вернулась в прерии

и скоро снова придет ко мне. Но теперь я уже больше не жду ее: я уверена, что она уехала к папе и никогда ко мне не вернется.

— Не можешь ли ты припомнить, моя дорогая, в какое именно время твоя мама уехала? — спросила мадам Ланье.

— Видите ли, я, кажется, была очень долго больна и ничего не помню, а когда выздоровела, то тетя Полина уверяла, что мама на время отправилась домой и скоро сюда вернется.

— Припомни, когда мама уехала, вы жили тогда на улице Добрых детей?

— Нет, мама уехала раньше. Мы жили тогда по ту сторону реки. Потом тетя Полина, ее сын Эдраст и я с Тони — мы все ехали рано утром в большой, большой лодке, вышли на берег и наняли квартиру на улице Добрых детей.

— Ты видишь, Арчи, что Джен и не выезжала из Гретны, — заметила мадам Ланье.

— А где же теперь эта тетя Полина? — спросил Артур у девочки.

— Не знаю! Я от нее убежала и с тех пор в глаза не видела.

— А почему вы от нее убежали? Что она, злая?

— Нет, нет, прошу вас, не говорите больше об этом! — вскричала взволнованная Джен.

— Оставим ее в покое, Арчи! — сказала мадам Ланье, усаживая на колени девочку. — Она и без того натерпелась. Успокойся, моя милочка, забудь противную тетю Полину. Ты никогда ее больше не увидишь. Ты теперь будешь жить с нами, а утром мы с тобой съездим на улицу Добрых детей; ты отвезешь подарки всем своим друзьям.

— Не плачьте, милая леди Джен, — заговорил Артур, — я тоже приготовлю вам подарок, такой, какого вы и не ожидаете!

На следующее утро мадам Ланье и леди Джен отправились на улицу Добрых детей. Экипаж остановился у зеленой решетки домика мисс Дианы д'Отрев.

Леди Джен, немного сконфуженная и улыбающаяся, поднесла ей как рождественский подарок материю на платье.

Пепси пришла в неописуемый восторг, когда в это же утро ей принесли передвижное складное кресло, которое было и кроватью, и коляской, и креслом для сиденья; в этом кресле она могла теперь передвигаться без посторонней помощи. Матери ее, Маделон, принесли из магазина теплое пальто. Мышка подпрыгнула чуть ли не до потолка, когда модистка подала ей картонку с нарядной шляпкой, украшенной — о, восторг! — пунцовыми перьями. Старику Жерару подарили нарядный костюм. Подарками и гостинцами леди Джен засыпала и семью Пешу.

* * *

Наступил канун праздника. Гостеприимный дом Ланье сиял огнями. К знакомым нам девочкам добавилось еще до двенадцати приглашенных детей. Все они — веселые и довольные — собрались в залу.

Дети перебегали из одного угла в другой, рассматривая свои подарки. Говор, смех, радостные восклицания раздавались со всех сторон. Особенно интриговала неизвестно откуда доставленная корзина.

— Да чья эта корзина, папа? — спрашивала маленькая Этель Ланье у отца, который осторожно развязывал таинственный подарок.

— А вот мы скоро увидим, — отвечал Ланье, поглядывая на леди Джен, которая сияла от восторга, любуясь нарядными игрушками.

Артур Менар не мог отвести от нее глаз.

Долго развязывал мистер Ланье высокую тростниковую корзину, так привлекавшую детей. Наконец он снял крышку и вслух прочитал:

Подарок леди Джен
от Артура Менара.

— Что я говорила? Что я говорила? — весело кричала маленькая Этель. — Это подарок для леди Джен — и, верно, чудесный!

В это время отец ее торжественно передал вскрытую корзину Артуру, а тот, улыбаясь, поставил ее у ног леди Джен.

— Надеюсь, что вы довольны моим подарком? — спросил он, вынимая голубую цаплю и опуская ее на ковер.

— Ах! — воскликнула в восторге девочка. — Это Тони, моя милая Тони!

Она схватила птицу обеими руками и начала целовать ее.

— А уверены ли вы, дитя мое, что цапля вас узнала? — спросил мистер Ланье.

— О, конечно, уверена! Тони не может меня забыть. Мне стоит только спрятаться и позвать ее — она тотчас прибежит ко мне.

— Джен, миленькая! Попробуй! Попробуй! — весело закричали девочки.

Их отец взял на руки цаплю, отнес на другой конец залы, спрятал за широкое кресло и опустил на пол.

Вслед затем леди Джен вполголоса чирикнула и закричала:

— Тони! Тони! Тони!

Надо было видеть, в какой восторг пришли дети, когда голубая цапля, немного распахнув крылья, побежала, переваливаясь, по зале и отыскивала леди Джен. Возгласы и смех наполнили комнату.

Дети целовали птицу, гладили ее и долго не могли успокоиться.

Со следующего дня начались тщательные поиски с целью выяснить загадочную историю леди Джен. Оказалось, что в городе находился доктор Дебро, который лечил в доме Жозен приезжую даму с ребенком, хорошо помнил их лица, не забыл и голубую цаплю.

Мало того, нашлись люди, которые случайно были свидетелями погребения матери леди Джен и могли указать ее могилу. Что касается вещей, привезенных умершею, то они пропали бесследно, уцелели только часы, сохраненные Пешу.

Леди Джен осталась на воспитании в семье Ланье, где особое внимание обратили на ее прекрасный голос. Имя девочки-певицы скоро стало известно в городе.

В тесном кругу друзей, куда входили семья Пешу, Пепси и ее мать, Диана и старый Жерар, постоянно заботились о девочке-сиротке — общими силами воспитывалась леди Джен.

Голубая цапля занимала среди них почетное место. Когда, по праздничным дням, дети весело и шумно играли, а смуглая Мышка стрелой носилась по комнате, — голубая цапля важно расхаживала вокруг них, иногда останавливалась и, поджав одну ногу, стояла неподвижно, точно мраморная.

Римские свечи — разновидность пиротехнических изделий, используемых для фейерверка.

Домино — маскарадный костюм в виде широкого плаща с рукавами и капюшоном.